

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

3

Выпуск (858)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2022

1930

ISSN 2542-2197

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

3

Issue (858)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2022

1930

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 3(858)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК

доктор филологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик Э. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 3 (858)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-chief

G. G. BONDARCHUK

Doctor of Philology, Professor

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V. V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IMLI)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU "Higher School of Economics" in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osmirina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Institute of the Russian Language)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Семантические характеристики двойной грамматической модальности в английском языке (диахронный аспект) БАРСУКОВА Э. К.	9
Синтаксис «digital native media» ВАНЬКО Т. Р.	16
Когнитивные основания хеджирования ГРИБАНОВА Т. И.	23
Метафора и метонимия в нерезультативных конструкциях в английском языке (на материале английской художественной прозы XIV–XX вв.) ГУРЕЦКАЯ М. В.	30
Социальная реклама в контексте европейского социума (на материале современной немецкоязычной прессы и франкоязычных рекламных плакатов) ДЕДЮРИНА Е. Ю., СЕВЕРИНА Е. А.	38
К вопросу о классификации ценностей и антиценностей ИЛЬИНА В. А.	46
Диахронические процессы в грамматике английского языка: экспансия Continuous КОРШУНОВА Е. Н., САЛЬКОВА М. А.	54
Развитие системы имени в английском и русском языках МАРКОВА Ю. Б.	62
Эллиптические предложения как конструктивные аномалии интернет-дискурса ПЕТРОВА Л. С.	68
Фиолетовая гамма в палитре испанского языка: нюансы дополнительной семантики ПОПОВА Е. А.	75
Грамматические средства взаимодействия автора и читателя в немецкоязычном письменном научном дискурсе САДОВНИКОВА Е. В.	83
Прецедентные феномены как средство реализации эмотивности в немецких газетно-публицистических текстах на правовую тематику СКОТНИКОВА Т. А.	90
Художественный текст и языковая картина мира (репрезентация концепта «состояние» в английском языке) СОРОКИНА Т. С.	97
Непрямой разговор как неотъемлемая коммуникативная стратегия американского политического дискурса УСТЬЯНЦЕВА А. Е.	104

СОДЕРЖАНИЕ

Функционирование инфинитивных предложений в новостных заголовках (интернет-портал «Аргументы и факты») ФЕДОТОВА Н. Л., ГО ЦЗИНИ.....	111
Структура ядерных тонов как ключ к национальной идентичности ЧУБАРОВА М. А.	120
Вербальные, просодические и невербальные средства в монологическом дискурсе (на примере речей Ричарда Никсона) ЧУБУКОВА Д. С.	127
Эквивалентность во фразеологии: функциональный аспект ЮСУПОВА С. М.	134

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Антиутопия: эволюция жанра и его особенности СОЛОБУТО Д. С.	142
Квазирелигиозный дискурс романа М. Этвуд «Рассказ служанки» ФУРСОВА Д. А.	150

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Идеологема «Urbs» в двух памятниках пизанской эпитафии конца XI – первой половины XII века ВАЛЬКОВ Д. В.	157
Коммуникативные постулаты Пола Грайса в контексте античной риторической культуры ОСЬМИНИНА Е. А.	164

LINGUISTICS

Semantic Characteristics of Double Grammatical Modality in the English Language (diachronic aspect) BARSUKOVA E. K.	9
'Digital Native Media' Syntax VANKO T. R.	16
Cognitive Foundations of Hedging GRIBANOVA T. I.	23
Metaphor and Metonymy in Non-Resultative Constructions in English (based on the English prose of XIV th – XX th cc.) GURETSKAYA M. V.	30
Social Advertising in the Context of European Society (on the material of modern German-language press and French-language advertising posters) DEDIURINA E. YU., SEVERINA E. A.	38
Values and Anti-Values Classification ILINA V. A.	46
Historical Processes in English Grammar: Expansion of Continuous KORSHUNOVA E. N., SAL'KOVA M. A.	54
Development of the Nominal System in English and Russian MARKOVA YU. B.	62
Elliptical Sentences as Constructive Anomalies of Internet Discourse PETROVA L. S.	68
Purple Gamma in the Palette of the Spanish Language: Nuances of Additional Semantics POPOVA E. A.	75
Grammatical Means of Interaction between the Author and Readers in German Scientific Discourse SADOVNIKOVA E. V.	83
Precedent Phenomena as a Means of Emotivity Implementation in German Newspaper and Publicist Texts on Legal Topics SKOTNIKOVA T. A.	90
Literary Text and Language World View (representation of concept "State" in English) SOROKINA T. S.	97
Indirect Communication as an Indispensable Communicative Strategy in American Political Discourse USTYANTSEVA A. E.	104

CONTENTS

Functioning of Infinitive Sentences in News Headlines (Internet portal “The Arguments and Facts”) FEDOTOVA N. L., J. GUO	111
Structure of Nuclear Tones as a Key to National Identity CHUBAROVA M. A.	120
Verbal, Prosodic and Non-Verbal Means of Communication in Monologue (based on Richard Nixon’s speeches) CHUBUKOVA D. S.	127
Equivalence in Phraseology: Functional Aspect YUSUPOVA S. M.	134

LITERARY STUDIES

Dystopia: Evolution and Specific Features of the Genre SOLOBUTO D. S.	142
Quasi-religious discourse of M. Atwood’s dystopia The Handmaid’s Tale FURSOVA D. A.	150

CULTUROLOGY

The ‘Urbs’-ideologeme in two monuments of the Pisan epigraphy of the end of the XIth – first half of the XIIth century VALKOV D. V.	157
Communicative Postulates of Paul Grice in the Context of Ancient Rhetorical Culture OSMININA E. A.	164

Семантические характеристики двойной грамматической модальности в английском языке (диахронный аспект)

Э. К. Барсукова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
elia2605@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждается явление двойной грамматической модальности и проводится семантический анализ одного из частотных модальных комплексов – комбинации *will can*. Первый компонент сочетания *will* прошел по пути грамматикализации и стал вспомогательным глаголом в составе аналитической формы будущего времени. Второй компонент *can* имеет корневую семантику (способность / возможность), сохраняя оттенки своего лексического значения («знать»).

Ключевые слова: модальность, двойная модальность, двойные модальные сочетания, семантика, грамматикализация

Для цитирования: Барсукова Э. К. Семантические характеристики двойной грамматической модальности в английском языке (диахронный аспект) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3 (858). С. 9–15. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_9

Original article

Semantic Characteristics of Double Grammatical Modality in the English Language (diachronic aspect)

Elmira K. Barsukova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
elia2605@yandex.ru

Abstract. The present article covers the issue of double modality and deals with semantic analysis of one of the most frequent combinations *will can*. The first component *will* represents an auxiliary verb as part of the analytical form to denote a future action hence demonstrating a high degree of grammaticalization. The second component is *can* which expresses root modality (ability/capability) as well as preserves its original lexical meaning back in Old English period («to know»).

Keywords: modality, double modality, double modal combinations, semantics, grammaticalization

For citation: Barsukova, E. K. (2022). Semantic characteristics of double grammatical modality in the English language (diachronic aspect). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(858), 9–15. 10.52070/2542-2197_2022_3_858_9

ВВЕДЕНИЕ

Двойная грамматическая модальность в последние десятилетия все чаще становится предметом научных исследований. Речь идет о сочетаниях двух модальных глаголов по типу *might could* или *might should* в контекстах типа *You might should wear these shoes to your job interview*. Сочетания трех глаголов также вероятны, хотя и менее частотны в употреблении (*might will can't*). Это явление в большей степени характерно для южных штатов США, севера Англии и территории Шотландии.

Особое внимание в исследовательских работах уделяется синтаксическим характеристикам этого явления (в работах таких исследователей, как К. Фиджин, Э. Баттистелла, Д. Хейсти), его прагматическому потенциалу и происхождению (в работе М. Монтгомери и Ст. Нейгла) [Feagin, 1979; Battistella, 1995; Hasty, 2012; Montgomery, Nagle, 1993]. Двойная модальность также частично изучалась Д. Хейсти с точки зрения социолингвистики: в частности, осуществлялись попытки установить такие переменные, которые обуславливают коммуникативно-прагматические свойства подобных структур (пол, возраст, уровень образования респондентов) [Hasty, 2011].

Интерес к двойной грамматической модальности со стороны лингвистики объясняется тем, что сочетания, на первый взгляд, могут быть рассмотрены как несоответствие английской грамматической норме или как диалектное явление. Однако это явление, хотя и относится к разряду низкочастотных, в англоязычном мире не только признается и используется, но обнаруживает рост употребительности в диахронном плане.

Зарегистрированный набор возможных сочетаний довольно велик: их насчитывается около 80, но в активном употреблении находится около 25 модальных комплексов. На основе данных различных источников выделяют следующие возможные сочетания [Battistella, 1995; Hasty, 2012; Novich i Moré, 2016].

Как уже было отмечено, двойные модальные сочетания на сегодняшний день изучаются с

разных точек зрения. Для нас в рамках данной статьи целью исследования является анализ семантических характеристик таких структур с позиции диахронии. Объектом исследования послужило сочетание *will can*. Выбор именно этого модального комплекса неслучаен и объясняется хронологией и развитием двойной модальности: в древнеанглийский период аналогичные (но не идентичные) сочетания зарегистрированы на севере Англии (типа *He shal neuer conne trotte* [Visser, 1969]), затем они выходят из употребления ввиду постепенного оформления модальных глаголов в отдельный закрытый класс, а в середине XVIII века вновь отмечаются уже на территории Шотландии, откуда затем через провинцию Ольстер в Ирландии попадают за океан. В 1756 году в письменных текстах на скотс отмечается два примера употребления двойной модальности, один из которых (*will can*) является частотным и по сей день:

1. If we get a German doctor, not one of us **will can** speak to him (*Calderwood, 1756*).
2. The youth himself **may can** to rule the roost (*The Scottish National Dictionary, 1768*).

СЕМАНТИКА МОДАЛЬНЫХ ГЛАГЛОВ И ТЕОРИЯ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ ДЛЯ НАСТОЯЩЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

При анализе семантики двойных модальных сочетаний используется диахронический подход, который направлен на выявление закономерностей путей эволюции системы. Особое внимание уделяется теории грамматикализации – процессу, в ходе которого «значение какого-то языкового элемента, слова или морфемы, меняет свой статус: из лексического оно становится грамматическим» [Супрун и др., 1983, с. 240–241].

В рамках теории грамматикализации интерес представляет эволюция модальных глаголов, которые, как известно, не всегда рассматривались

Таблица 1

ВОЗМОЖНЫЕ МОДАЛЬНЫЕ СОЧЕТАНИЯ

might could	might ought to	may could
might can	should ought to	may should
might would	must can	may will
might should	must could	will can
might will	may can	would could

как чисто вспомогательные и не всегда выделялись в отдельный закрытый класс. Изначально это были глаголы с полным лексическим значением, которые с течением времени прошли путь от смысловых глаголов до вспомогательных операторов (*helping verbs*). Так, например, предки современных модальных глаголов имели в древнеанглийский период следующие лексические значения: *sculan* – «быть должным», *kunnan* – «знать», *wiljan* – «хотеть, намереваться», *maġan* – «быть в состоянии», *motan* – «мочь, быть должным сделать что-то» [Сорокина, 2021]. На сегодняшний день это модальные глаголы *should, can, will, may / might u must*, которые демонстрируют высокую степень грамматикализации ввиду следующих критериев (так называемых NICE – properties). Так, модальные глаголы 1) демонстрируют полное отрицание или его сокращенный вариант (*can't*); 2) употребляются в инверсии с существительными по типу *Can he go there for me?*; 3) выступают в роли тегов или заменяют смысловые глаголы типа *He can tell the truth, can't he?* и 4) интонационно образуют эмфазу (*I cannot do it for you!*). Кроме этого, модальные глаголы употребляются с инфинитивом без *to*, не имеют причастий и инфинитива, а также формы 3-го лица единственного числа настоящего времени [там же]. Еще один критерий предполагает невозможность употребления более чем одного модального глагола рядом в предложении (критерий No co-occurrence).

Очевидно, что вышеизложенные критерии не затрагивают семантику модальных глаголов и пути ее эволюции, однако, вопрос о механизмах и путях семантических изменений в процессе становления модальности играет важную роль. Некоторые модальные глаголы по сей день сохраняют свою лексическую семантику (например, глагол *will* в значении «хотеть, желать»), выступая одновременно с этим в роли вспомогательного элемента (*will* как часть аналитической формы будущего времени). Особый интерес представляют в этом случае двойные модальные сочетания, которые 1) противостоят одному из вышеизложенных критериев и 2) всё еще возможны, например, в диалектах скотс.

Д. Денисон предполагает, что наличие двойной грамматической модальности объясняется тем, что компонент *can* выступает как лексический глагол [Denison, 1993], т. е. как глагол, грамматикализация которого еще не закончена.

Семантический анализ примеров употребления сочетания *will can* будет осуществлен в рамках подхода к модальности, который дифференцирует корневой и эпистемический¹ тип. Первый

¹ В отечественной лингвистике также используются термины «объективная модальность» и «субъективная модальность».

тип определяет событие как возможное или необходимое и, соответственно, включает в себя значения возможности, способности, необходимости, желания². Эпистемическая модальность подразумевает степень уверенности говорящего в информации, которую он получает.

С точки зрения диахронии модальные значения эволюционируют от выражения корневой модальности к эпистемической семантике. Так, например, английские модальные глаголы *can* и *may*, изначально оба имевшие агентивное значение способности, поэтапно эволюционируют в корневую возможность, а затем оформляются как операторы эпистемической модальности [Вдовина, 2010]. Одна из концепций, объясняющий механизм перехода корневых значений в эпистемические, принадлежит Е. Суитцер. Система модальности рассматривается при таком подходе с учетом того факта, что любому языку присуща полисемия, а развитие эпистемических значений из корневых является результатом метафорического переноса значения из сферы социофизического мира в сферу разума и мысли [Sweetser, 2001]. Так, корневые значения формируются физическими или социальными силами, которые подвергаются метафорическому переносу, что, в свою очередь, «отражается в эпистемической модальности, которая порождается действием сил логического умозаключения в сфере разума» [Вдовина, 2010, с. 105]. Концепция Е. Суитцер – только одна из ряда предложенных теорий по объяснению природы рассматриваемой дихотомии эпистемической и корневой модальности.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДВОЙНОГО МОДАЛЬНОГО СОЧЕТАНИЯ WILL CAN

Сочетание *will can* – одно из самых первых сочетаний, отмеченных в начале XVIII века на территории Шотландии и находящееся в употреблении по сей день. В настоящей статье мы рассмотрим возможные изменения в семантике и степени грамматикализации компонентов модального комплекса, основываясь на примерах, относящихся к периоду с XVIII по XXI век. Источниками сочетаний стали письменные тексты на языке скотс и его ольстерском диалекте (например, роман «Сыновья земли» (*Sons of the Sod* by W. Lyttle)), Словарь диалектов английского языка (*English Dialect Dictionary*), созданная специально для этих целей база примеров употребления двойной модальности MultiMo, личные коллекции исследователей (С. McDonald),

² В рамках корневой модальности выделяют модальности динамическую и деонтическую [Palmer, 1986].

а также корпусы английского языка (преимущественно, NOW Corpus и iWeb Corpus).

Итак, первое появление сочетания *will can* относится к середине XVIII века в одном из письменных текстов, написанных на скотс:

1. If we get a German doctor, not one of us **will can** speak to him (Calderwood, 1756).

Первый компонент – глагол *will* – будучи вспомогательным, относит действие к будущему времени. Сам по себе глагол *willan*, являющийся предком современного глагола *will*, к этому моменту, вероятно, уже прошел по пути грамматикализации, превратившись из лексического глагола со значением «желать, хотеть» в эпистемический. Известно, что он грамматикализовался быстрее остальных, так как уже в древнеанглийский период употреблялся с инфинитивами других глаголов в значении предсказания [Сорокина, 2021], поэтому с большой вероятностью в данном случае перед нами вспомогательный глагол *will* как часть аналитической формы будущего времени. Второй компонент *can* демонстрирует корневую семантику, выражая модальность умения (говорить по-немецки). Однако, мы можем отметить, что лексическое значение предка глагола *can* – *cunnan* – «знать» здесь четко просматривается, что позволяет предположить, что мы имеем дело с не полноценным лексическим глаголом *can*, то с его вариантом в очень низкой степени грамматикализации. Связь с изначальным лексическим значением «знать» проявляется и в том, что именно глагол в значении «знать (как)» «служит наиболее характерным лексическим источником выражения способности в языках мира» [Вдовина, 2010, с. 104].

К сожалению, на данный момент отсутствует более полный контекст речевой ситуации, который позволил бы сделать более детальные выводы о намерениях говорящего в применении данной конструкции, но можно предположить, что такое употребление указывает на то, что при определенном условии (а German doctor) в будущем (глагол *will* как вспомогательный), действие (to speak to the doctor) будет невозможно (отрицание в предложении), что показано глаголом *can* в значении «способность, возможность» с низкой степенью грамматикализации ввиду того, что его лексическое значение четко прослеживается.

В XIX веке на территории Шотландии и Англии отмечается несколько примеров употребления двойной модальности, преимущественно это сочетание *will can* в его сокращенной форме *'ll can* (или *'ll no can* при отрицании):

2. We'll ... aiblins **no can** rise our lane (*English Dialect Dictionary, 1808*) – Scotland, Roxburghshire.
3. I think we **will can** pay the Rent this year at any time (*T. Carlyle, 1819*).
4. But I doubt, Miss Girzie, ye'll **no can** expect her to domicile with the like of you now (*J. Galt, 1826*) – Scotland, Ayrshire.

В (2) – (3) первый компонент модального комплекса *will*, как и в предыдущем случае, представляет собой вспомогательный глагол *will* как часть аналитической формы будущего времени. Глагол *can* несет в себе корневое значение либо возможности осуществления действия в зависимости от обстоятельств, либо значение способности (умственной или физической) субъекта к его выполнению. Так, например, в (4) – отрывке из романа шотландского писателя Дж. Галта – героиня говорит о скором приезде сестры, которая, ввиду своего более высокого положения в обществе, вряд ли согласится проживать с родственниками под одной крышей. Отсюда и использование второго компонента сочетания – глагола *can* – в его корневом значении (не)возможности действия. Интересно отметить, что в примере (1) присутствует наречие *aiblins* («возможно, вероятно») с эпистемическим значением, что частично позволяет считать такой комплекс тройным модальным сочетанием, если не строго относиться к природе сочетаний и включать в них модальные слова.

В середине XIX века в ирландской провинции Ольстер отмечается несколько примеров употребления рассматриваемого модального сочетания:

- 1) Let sister Janet know that if ever I be home **ill can** milch (1852).
- 2) So a'll **no can** stae out lang (1886).
- 3) A doot we'll **no can** keep him lang (1886).

Сочетание *will can* в (1) встречается в письме ольстерского переселенца в Платтсбург, Нью-Йорк, где тот, повествуя о своей жизни на новом месте, пишет, что по возвращении домой, в Ольстер, он сможет доить корову (при трактовке слова *milch* как варианта глагола *to milk*). Второй компонент модального комплекса *can* выступает в данном случае в корневом значении, в значении умения, способности, при этом демонстрируя следы лексического значения («знать (как)»). Первый компонент *will* – вспомогательный глагол, прошедший по пути грамматикализации и утративший свое

лексическое значение. В (2) и (3) события разворачиваются в тихом месте Карроудор (Carrowdore) в графстве Даун в конце XIX века и повествуют о весьма криминальном инциденте того периода. Примеры употребления двойной модальности регистрируются в романе два раза, и оба относятся к будущему времени, что выражается первым компонентом модального сочетания *will* (вспомогательный глагол), а возможность выполнения действия (в данном случае – его невозможность) передается модальным глаголом *can* в корневом значении.

В XX и XXI веках наблюдается значительный прирост сочетаний и их последующее распространение. В рамках данной статьи ограничимся несколькими примерами (Англия, преимущественно северо-восток – Тайнсайд и США).

- 1) **A:** I'm sorry Geoffrey won't be able to come tonight because he's going to the pictures
B: Alright, he'll *can* get a try on Tuesday (C. McDonald, 1983).

В данном случае мы наблюдаем разговор учителя с одним из родителей ученика: в силу определенных обстоятельств (*going to the pictures*) мальчик не сможет присутствовать на финальной работе, но он сможет написать ее в другой день. Такая возможность в будущем выражена при помощи глагольного сочетания *will can*, где первый компонент – вспомогательный *will* – отвечает за временную принадлежность действия (в следующий вторник), а второй компонент – динамический *can* – выражает возможность написания работы, что в стандартном английском, вероятно, было бы передано конструкцией *will be able to*.

- 2) **Q:** Can you tell me the lengths and prices of the pieces of leather again?
A: You'll not *can* remember them. They're all different lengths and prices (C. McDonald, 1983).

В данном примере двойное модальное сочетание *will can* употребляется в ответ на просьбу показать кусочки кожи разной длины и разной ценовой категории. Сочетание вспомогательного глагола *will* с динамическим *can* в значении способности указывает на 1) действие в будущем («...если я расскажу о них, ты всё равно не запомнишь») и 2) высокую вероятность невозможности реализации действия. На русский язык комплексное значение фразы может быть передано как: «...ты скорее всего их все даже не сможешь запомнить».

- 3) She'll never *kin* catch a mouse now (*American Dialect Dictionary, 1930*).

Разговор происходит между хозяйкой кошки и ее подругой, когда та видит свою кошку, пришедшую со сломанной лапой. Сочетание вспомогательного глагола *will* и *can* с корневой семантикой также относит действие к будущему времени и делает акцент на невозможности описываемого действия.

Примеры XXI века и семантика сочетания *will can* в целом идентичны рассмотренным выше и демонстрируют первый компонент как вспомогательный глагол будущего времени и глагол *can* в корневых значениях, но сохраняющий следы своего лексического значения:

- 4) BWV cameras *will can* capture and store information either in the cloud or in on-premises storage systems (*NOW Corpus, 2017*).
- 5) Thus, testing and treatment for the virus *will can* be covered under the umbrella of "preventive services," and plan sponsors who cover related medical care will not be in violation of the regulations typically governing HDHPs (*NOW Corpus, 2020*).
- 6) Both of which [of cups] *will can* keep your coffee hotter for even longer but won't provide the smart features like consumption tracking, and more (*NOW Corpus, 2020*).

Интересно, что примеров, где второй компонент *can* выражал бы эпистемическое значение, нами пока отмечено не было, хотя тот факт, что *can* может развивать и некорневые значения, тоже теоретически возможен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в ходе семантического анализа *will can* – одного из частотных двойных модальных сочетаний – мы проследили изменения значения обоих его компонентов в диахронии, параллельно рассматривая степень их грамматикализации. Выяснилось, что:

1. первый компонент сочетания *will* с начала исследуемого периода и до сегодняшнего дня выступает преимущественно как вспомогательный глагол, являясь частью аналитической формы будущего времени. Кроме этого, он демонстрирует высокую степень грамматикализации, поменяв свое значение с лексического на грамматическое;

2. второй компонент – *can* – в большинстве примеров имеет корневую семантику способности/возможности действия, при этом демонстрируя тесную связь с изначальным лексическим значением «знать (как)». Степень грамматикализации глагола довольно низкая, что особенно заметно в примерах XVIII и XIX веков, и объясняет возможность сочетания двух модальных глаголов;
3. общее значение сочетания *will can* может быть сформулировано как возможность действия / агентивная способность к его реализации, имеющая место в будущем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Feagin C. Variation and change in Alabama English: A sociolinguistic study of the white community. Washington, D. C.: Georgetown University Press, 1979.
2. Battistella E. The Syntax of the Double Modal Construction, 1995. URL: <https://journals.lib.unb.ca/index.php/la/article/download/22489/26146>
3. Hasty D.J. We might should oughta take a second look at this: A syntactic re-analysis of double modals in Southern United States English, 2012. URL: <https://msu.edu/~hastyjam/images/Double%20Modal%20Reanalysis.pdf>
4. Montgomery M., Nagle S. Double modals in Scotland and the Southern United States: Trans-Atlantic inheritance or independent development? // *Folia Linguistica Historica*. 1993. Vol. 14 (1–2). P. 91–107.
5. Hasty D. J. I Might Not Would Say That: A Sociolinguistic Study of Double Modal Acceptance, 2011. URL: <https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1197&context=pwpl>
6. Novich i Moré A. Double Modals in the British Isles: Scotland and Northern England, 2016. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/78545842.pdf>
7. Visser F. T. A historical Syntax of the English language. Leiden: Brill, 1969.
8. Супрун А. Е. [и др.] Общее языкознание / А. Е. Супрун, Н. Б. Мечковская, Б. Ю. Норман, Б. А. Плотников. Минск: Высшая школа, 1983.
9. Сорокина Т. С. Грамматикализация английских модальных глаголов в диахронии // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2021. Вып. 8 (850). С. 155–164.
10. Denison D. English Historical Syntax. London: Longman, 1993.
11. Palmer F. Mood and modality. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
12. Вдовина М. В. О двух интерпретациях английских модальных глаголов // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2010. Серия 9, Вып. 1. С. 101–110.
13. Sweetser E. From etymology to pragmatics. Metaphorical and cultural aspects of semantic structure. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

REFERENCES

1. Feagin, C. (1979). Variation and change in Alabama English: A sociolinguistic study of the white community. Washington, D. C.: Georgetown University Press.
2. Battistella, E. (1995). The Syntax of the Double Modal Construction. <https://journals.lib.unb.ca/index.php/la/article/download/22489/26146>
3. Hasty, D. (2012). We might should oughta take a second look at this: A syntactic re-analysis of double modals in Southern United States English. <https://msu.edu/~hastyjam/images/Double%20Modal%20Reanalysis.pdf>
4. Montgomery, M., Nagle, S. (1993). Double modals in Scotland and the Southern United States: Trans-Atlantic inheritance or independent development? *Folia Linguistica Historica*, 14(1–2), 91–107.
5. Hasty, D. J. (2011). I might not would say that: A sociolinguistic study of double modal acceptance. <https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1197&context=pwpl>
6. Novich i Moré, A. (2016). Double Modals in the British Isles: Scotland and Northern England. <https://core.ac.uk/download/pdf/78545842.pdf>
7. Visser, F. T. (1969). A historical syntax of the English language. Leiden: Brill.
8. Suprun, A. E., Mechkovskaya, N. B., Norman, B. Yu., Plotnikov, B. A. (1983). *Obshchee yazykoznanie = General linguistics*. Minsk: Vysheishaya shkola. (In Russ.)
9. Sorokina, T. S. (2021). Grammaticalization of English modal verbs: diachronic approach. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 8(850), 155–164. (In Russ.)
10. Denison, D. (1993). English historical syntax. London: Longman.

11. Palmer, F. (1986). Mood and modality. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Vdovina, M. V. (2010) On the two interpretations of the English modals. Vestnik of Saint Petersburg University. Philology. Oriental studies. Journalism, 1, 101–110. (In Russ.)
13. Sweetser, E. (2001). From etymology to pragmatics. Metaphorical and cultural aspects of semantic structure. Cambridge: Cambridge University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Барсукова Эльмира Камиловна

аспирант кафедры грамматики и истории английского языка
Московского государственного лингвистического университета,
преподаватель кафедры второго иностранного языка Института иностранных языков им. Мориса Тореза
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Barsukova Elmira Kamilovna

PhD Student, Department of Grammar and History of English, Faculty of the English language,
Moscow State Linguistic University, Lecturer, Department of Second Foreign Languages, M. Torez Institute
of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.02.2022
одобрена после рецензирования 01.03.2022
принята к публикации 09.03.2022

The article was submitted 04.02.2022
approved after reviewing 01.03.2022
accepted for publication 09.03.2022

Научная статья
 УДК 81'271.16
 DOI 10.52070/2542-2197_2022_3_858_16

Синтаксис «digital native media»

Т. Р. Ванько

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
bestgrammar@yandex.ru

Аннотация. Цифровизация не только видоизменила традиционные печатные СМИ, но и привела к появлению и бурному развитию новых видов СМИ – «digital native media», существующих исключительно в цифровой среде и не имеющих оффлайн-аналогов. «Digital native media», изначально ориентированные на развлекательный контент, сегодня являются надежным поставщиком новостной информации. Статья описывает синтаксические параметры публикаций на сайте BuzzFeed – ведущего представителя «digital native media» – с целью уточнения их языкового статуса.

Ключевые слова: первично онлайн-СМИ, синтаксические характеристики, сложноподчиненные предложения, простые предложения, сложносочиненные предложения

Для цитирования: Ванько Т. Р. Синтаксис «digital native media» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3 (858). С. 16–22. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_16

Original article

'Digital Native Media' Syntax

Tatiana R. Vanko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
bestgrammar@yandex.ru

Abstract. Digitalization has not only modified traditional print media, but also led to the emergence and rapid development of new types of media - 'digital native media', which exist exclusively in the digital environment and have no offline counterparts. 'Digital native media', originally focused on entertainment content, is today a reliable news provider. The article describes the syntactic parameters of publications on the BuzzFeed website, the leading representative of 'digital native media', to clarify their language status.

Keywords: 'digital native media', syntactic characteristics, complex sentences, simple sentences, compound sentences

For citation: Vanko, T. R. (2022). 'Digital native media' syntax. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(858), 16–22. 10.52070/2542-2197_2022_3_858_16

ВВЕДЕНИЕ

Бурное развитие цифровых технологий и доступность гаджетов для пользователей способствуют интенсивному развитию диджитал (онлайн) медиа [Москвина, 2012; Тарасенко, 2013]. Печатные СМИ (газеты и журналы) стали создавать свои диджитал (онлайн) версии, которые не только успешно конкурируют с традиционными печатными изданиями, но и постепенно вытесняют их. Как утверждал основоположник русских интернет-СМИ А. Б. Носик, по своему влиянию в обществе и индексу цитирования онлайн-издания значительно опережают бумажную прессу и вскоре могут ее полностью вытеснить [Носик, 2001].

Переходя в онлайн-формат, печатные СМИ подверглись трансформации под воздействием цифровых технологий, повлиявших на систему создания, хранения и распространения информации [Москвина, 2012]. Технологические условия онлайн-газет полностью соответствуют потребностям современного потребителя в объективной информации и интерактивных возможностях, предоставляющих возможность влиять на контент. Современная читательская аудитория предпочитает онлайн-издания печатным, так как они более оперативно, наглядно предоставляют информацию, а в экономическом плане более доступны и реализуют свой мультимедийный и рекламный потенциал [Носик 2001].

ЦИФРОВЫЕ СМИ В ЛИНГВИСТИКЕ

Очевидно, что традиционные печатные СМИ и их онлайн-версия различаются в силу специфики электронной среды и особенности восприятия информации с экрана гаджетов, где приводятся гипертекстовые ссылки на архивы и другие электронные ресурсы, в результате чего читателю предоставляется не линейный текст, а расширенный многоуровневый объем информации. Помимо гипертекстовых ссылок, онлайн-медиа реализуют расширенный визуальный потенциал для передачи информации. Прежде всего это сам текст, который не способен одновременно передать много информации, однако может иллюстрировать ее дополнительными элементами (схемами, таблицами и т. п.). Текст в онлайн-СМИ активно снабжается фото- и видеосюжетами, анимационными роликами, а также звуковым сопровождением, усиливающим восприятие текста на эмоциональном уровне. Еще одной немаловажной особенностью онлайн-СМИ является их интерактивность, позволяющая инициировать и

вести диалог с заинтересованным читателем на различных форумах, которые предоставляются онлайн-изданиями.

Учитывая различия между печатными и онлайн-версиями СМИ, ученые неоднократно проводили их сравнительный анализ на материале различных языков [Москвина, 2012; Шарончикова, 2012; Тарасенко, 2013]. Например, Л. О. Новикова сопоставляет печатную и онлайн-версию русскоязычного регионального еженедельника по шести аспектам: организационному, содержательному, репутационному, оформительскому, структурному и рекламному [Новикова, 2016].

Арессе и Кауфман изучают журналистский и коммерческий аспект традиционных («legacy media») и онлайн («digital media») испаноязычных СМИ, делая акцент на их потребительских характеристиках [Aresse, Kaufmann, 2016].

Итак, в настоящий момент общепринятым является существование «old media» («старые медиа» – традиционные печатные издания газет, журналов, книг, телевидение и другие неинтерактивные СМИ и «new media» или «digital media» («новые медиа» или «цифровые медиа»), доступные на цифровых устройствах: компьютерах, планшетах, мобильных телефонах и предполагающие активное участие пользователей в создании и распространении контента [Нойман, 2020]. К «new media» / «digital media» относятся любые виды СМИ, веб-сайты, блоги, электронные сообщения, социальные сети, онлайн-сообщества, музыкальные и телевизионные стриминговые сервисы, интернет-телефония, сетевая реклама, которые доставляются до потребителя по цифровым каналам в интернет-пространстве [Cote, 2020].

Однако помимо дистанцирования «old media» и «new media» («digital media») интересен вопрос неоднородности самих «new media», которые классифицируются по разным признакам: наличию аналога среди печатных изданий, профессиональному профилю, региональной и политической принадлежности, уникальности контента и т. д.

Так, один из основателей Рунета А. Носик выделял две группы: СМИ общего профиля (первично-сетевые СМИ и интернет-версии традиционных СМИ) и специализированные СМИ [Носик, 2001].

А. А. Градюшко классифицирует онлайн-СМИ по уровню профессиональности (профессиональные и любительские), по характеру предоставляемой информации (новостные, информационные, аналитические, информационно-аналитические, качественные, массовые и смешанные), по целевой аудитории (общие и специализированные), по частоте обновления (регулярно или нерегулярно обновляемые, а также обновляемые по мере

поступления информации) и, наконец, по методам работы с информацией (контентокреативные и контентопотребляющие) [Градуюшко, 2008].

В настоящий момент выделяются следующие виды «digital media»: онлайн-версии традиционных оффлайн-СМИ, «digital native» или первично онлайн-СМИ, не имеющие оффлайн-аналогов, и «гибридные» медиа, представляющие собой совокупность элементов традиционных СМИ и новых медиа [Лукина, Фомичева, 2005].

Зарубежные исследователи также выделяют в онлайн-медиа две группы «legacy digital media», онлайн-версии традиционных печатных брендов (например, газеты *The New York Times* и *Fox News*) и *digital native media* («online-born», «digital-born», «online-native» media), первично-онлайн медиа (например, Breitbart и BuzzFeed) [Нойман, 2020; Aresse, Kaufmann, 2020; Cote, 2020; Salaverria, 2020; Lu Wu, 2021; Pew Research Center, 2021].

Исследования подтверждают, что *new media* / *digital media* (как *legacy*, так и *digital native*) являются основным новостным источником для потребителей всех возрастных групп [Pew Research Center, 2021]. По данным статистического анализа, проведенного в университете Волден г. Миннеаполис, 93% современных американцев используют цифровые источники для получения новостей [Walden University Research, 2021]. Это достигается за счет расширения инструментов размещения новостей на базе приложений, подкастов, новостных лент и агрегационных новостных платформ типа Apple News или Flipboard. Более того, используются новые методы по привлечению аудитории: соцсети (Facebook, Twitter, Instagram, YouTube, TikTok и Snapchat) [Pew Research Center, 2021].

На фоне безусловного господства цифровых медиа особый интерес у научного сообщества вызывают характеристики исконно цифровых информационных источников, не имеющих аналогов вне сети («digital native media»). Преимуществами «digital new media» считаются быстрое обновление контента, низкие накладные расходы, более узкая тематическая специализация, в то время как к недостаткам относят низкое качество контента по сравнению с «legacy media» и печатными изданиями, распространение недостоверной информации и в результате подрыв доверия к новостным источникам в целом [Walden University Research, 2021].

В настоящий момент основные игроки *digital native media* делают попытки улучшить качество предоставляемого контента. Согласно результатам исследования Лу Ву, второй по посещаемости *digital native* информационный сайт BuzzFeed [Pew Research Center, 2021], начиная

с 2012 года, провел ряд мер по превращению изначально развлекательного контент-агрегатора в серьезного контент-генератора для онлайн-пользователей [Lu Wu, 2021]. Успехи BuzzFeed в улучшении качества и глубины контента признаются многими традиционными СМИ. Лу Ву проанализировал контент BuzzFeed по четырем аспектам: новые категории («hard news» и «soft news», т. е. сухое и отстраненное изложение фактов в формате «перевернутой пирамиды» и литературное или даже разговорное повествование, апеллирующие к эмоциональному восприятию); количество используемых источников информации; тип источников информации (официальные, неофициальные и социальные сети) и тематика новостей (политика, военная тема, экономика / бизнес, образование, развлечение, криминал, катастрофы, технология, наука, спорт, здоровье и окружающая среда, искусство, стиль жизни, человеческие интересы, животные и рубрика «разнообразное»). Лу Ву делает вывод о том, что проведенные BuzzFeed организационные реформы привели к публикации большего количества серьезных новостей и свидетельствуют о превращении информационного портала в зрелый новостной источник [там же]. Исследователь утверждает, что изначально предоставлявшие развлекательный контент *digital native media* за последнее десятилетие превратились в серьезный источник надежной информации, конкурирующий с онлайн-версиями традиционных печатных изданий. Из агрегатора новостной информации «digital native media» превратились в создателей релевантного информационного контента, близкого по качеству контенту *legacy media* (традиционных печатных изданий). Однако исследование Лу Ву ограничивается информационным контентом *digital native media* и не затрагивает языковой аспект.

Указывая на растущую роль «digital native media», зарубежные авторы подчеркивают присутствующие только им специфические черты: быстрое принятие к использованию новейших технологий, экспериментирование с мультимедийным форматом подачи материала, диверсификация бизнес-моделей [Aresse, Kaufmann, 2016]. Наряду с вышеперечисленными структурными признаками первично онлайн-медиа демонстрируют специфичный подход к освещению новостей [Salaverria, 2020].

Таким образом, имеющиеся сегодня исследования «digital native media» (первично онлайн-медиа) ограничиваются либо анализом их контента, либо изучением конкретных примеров, рассмотрением всемирно известных или, наоборот,

локальных брендов, что не позволяет сформулировать общий подход к этому виду онлайн публикаций [Salaverria, 2020; Lu Wu, 2021]. Изучение феномена *digital native media* (первично онлайн-медиа) фокусируется на типологии бизнес-моделей их развития, их бизнес возможностей, стратегии связей с общественностью, целевой аудитории, информативной релевантности предоставляемой информации [Salaverria, 2020, с. 2].

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ «DIGITAL NATIVE MEDIA»

В то время как языковые параметры *legacy digital media* (онлайн-версий печатных изданий) рассматривались лингвистами [Ванько, 2017], характеристики новостного дискурса *digital native media* (первично онлайн-издания) остаются малоизученными. Представляется актуальным их рассмотрение в синтаксическом аспекте.

В целях анализа синтаксических параметров новостного дискурса *digital native media* были отобраны публикации на тему «Экология» на американском новостном информационном сайте BuzzFeed, который занимает второе по посещаемости место среди *digital native media* информационных сайтов [Lu Wu, 2021; Pew Research Center, 2021]. Частная компания с капитализацией 1,5 млрд долл. США вследствие правильной организационной политики за последнее десятилетие сумела заработать репутацию надежного информационного источника, половина публикаций которого посвящена политике, с ежемесячным количеством читателей не менее 10 млн. Посвящая более половины публикаций новостям политики, BuzzFeed перешел от сообщения периферийной информации для случайных читателей, обративших внимание на политические новости из-за некоего развлекательного компонента, к серьезному и вдумчивому освещению вопросов политики [Lu Wu, 2021].

Источником языкового материала для рассмотрения синтаксических характеристик послужили статьи из рубрики «BuzzFeed.News» из раздела «Наука. Экология» за период с 12 ноября 2021 года по 15 января 2022 года, написанные штатными репортерами сайта на актуальные темы изменения климата, экологической катастрофы и их влияния на общество, с общим количеством 20640 слов. Объем публикаций варьируется от 516 слов до 3628 слов. Все они обильно иллюстрируются фотографиями, количество которых зависит от размера самой публикации (от одной фотографии в коротких публикациях, состоящих из 516–731 слов, до девяти фотографий в публикации, состоящей из 3628 слов). Иллюстративный

фотоматериал не только облегчает восприятие информации, но и служит обеспечению ее достоверности и надежности.

В текст публикаций инкорпорированы рекламные объявления, количество которых также зависит от размера статьи (от двух рекламных объявлений в коротких статьях до одиннадцати в длинных). Возможности по размещению рекламы считаются одним из факторов бизнес привлекательности «digital media» в целом и «digital native media» в частности [Cote, 2020; Salaverria, 2020; Lu Wu, 2021].

Перейдем к описанию структурных типов предложений в анализируемых новостных сообщениях BuzzFeed. Наши данные свидетельствуют о приблизительно равном употреблении простых и сложных (сложноподчиненных и сложносочиненных) предложений с некоторым преобладанием последних. Простые предложения встретились в 41 % случаев, сложноподчиненные – в 52 % случаев, а сложносочиненные – в 7 % случаев.

Среди сложноподчиненных предложений в нашем материале встречаются придаточные предложения различных типов: определительные (40 % всего корпуса сложноподчиненных предложений), дополнительные (35 % всего корпуса сложноподчиненных предложений), придаточные времени (16 % всех сложноподчиненных предложений), остальные типы придаточных: уступки, предикативные, подлежащие, причины и условия в равной степени низкочастотны в нашем материале (каждый тип составил около 1,5 % употреблений). Итак, наиболее распространенным видом сложноподчиненных предложений в текстах новостных сообщений на тему «Экология» в BuzzFeed являются структуры с придаточными определительными, вводимые союзами *that, which, what* или бессоюзно. Например:

This is a fatal mistake that takes pressure off political leaders.¹

Дополнительные придаточные также характерны для анализируемых публикаций. Они вводятся союзами *that, whether*, бессоюзно или союзными словами *how, where*. Зачастую сложноподчиненные предложения с дополнительными придаточными являются способом передачи прямой речи в виде косвенной. Служащие для оформления косвенной речи сложноподчиненные предложения с дополнительными придаточными способствуют созданию эффекта опоры на

¹ Aldhous P. We don't know how many people are killed by extreme weather, Dec.28, 2021. <https://www.buzzfeednews.com/article/peteraldhous/extreme-weather-climate-change-missing-deaths>

первоисточник и наряду с прямыми цитатами позволяют достичь убедительного уровня достоверности публикации.

Daril Vigil, co-facilitator of the Water & Tribes Initiative, a leading group in The Colorado River Basin advocating for more equitable and sustainable Policies, says tribes need an institutional way to engage in policymaking¹.

Третьими по частотности среди сложноподчиненных предложений являются предложения с придаточными времени, вводимые союзами *when, while, as, after*, среди которых союз *when* встречается чаще всего.

When it comes to getting aid from the federal government, states have a vested interest in stressing how hard they were hit by a disaster.¹

Как показал наш материал, простые предложения нередко встречаются в публикациях BuzzFeed, как и сложноподчиненные. По нашим наблюдениям, они имеют тенденцию использоваться в текстах сравнительно коротких статей и часто осложнены причастными оборотами с целью сообщения большего количества деталей с сохранением простой структуры предложения.

With climate change already increasing the frequency or severity of deadly weather extremes, this official ignorance is a big and growing problem.²

Наиболее редко встречающийся структурный тип предложений – сложносочиненные предложения (7% всего корпуса примеров) с союзами *and, but* или с бессоюзной связью.

Families of the uncounted victims will struggle to get benefits, political leaders will not feel the pressure to better prepare, and people will not realize how lethal climate change really is in the US.³

Что касается коммуникативных типов предложений, используемых в анализируемом материале, все они повествовательные. Лишь однажды зафиксировано использование риторического вопроса, провоцирующего читателя на действия.

¹ Ochs A. "This is climate change barging through the front door", Dec.31, 2021. <https://www.buzzfeednews.com/article/caitochs/tribes-drought-colorado-river>

² Adhous P. We don't know how many people are killed by extreme weather, Dec.28, 2021). <https://www.buzzfeednews.com/article/peteraldhous/extreme-weather-climate-change-missing-deaths>

So now it must be resolved: What will happen when those agreements expire? And who will make those decisions?³

Авторы BuzzFeed стремятся дать объективный обзор событиям, не навязывая читателям своего оценочного мнения, не призывая их к действиям в открытой форме. Этим можно объяснить низкую частотность употребления вопросов, а также побудительных предложений с глаголом-сказуемым в форме повелительного наклонения, которые, как известно, побуждают читателя к определенной реакции.

Несомненно, интересно наше наблюдение относительно обилия прямого цитирования в публикациях BuzzFeed. В отдельных случаях прямая речь составляет до 30% всего текста. Предоставляемые выжимки из речи или выступлений участников описываемых событий служат гарантией объективности и достоверности публикации. Сам автор статьи устраняется от комментариев, однако подборка цитат может способствовать выработке определенной оценочной позиции у читателя. Прямое цитирование не только создает атмосферу объективности сообщаемой информации, но и добавляет эффект присутствия при описываемых событиях. Эти данные свидетельствуют о высоких результатах «digital native media», в частности BuzzFeed, в работе по улучшению контента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровизация СМИ привела не только к переходу традиционных печатных новостных изданий в цифровой формат, но и рождению исконно цифровых информационных СМИ – *digital native media*, которые за последнее десятилетие превратились из поставщика новостей с развлекательным акцентом в надежный источник новостной информации в разных областях. Анализ синтаксических характеристик публикаций ведущего информационного сайта BuzzFeed в рубрике «Экология» показал, что *digital native media* не только диверсифицировали свой контент и формат, но и перенимают нормы и правила у традиционной новостной журналистики, используя характерный для них широкий ассортимент синтаксических структур. Представляется перспективным сопоставление синтаксических параметров онлайн-версий традиционных газет (*digital legacy media*) и первично онлайн-изданий (*digital native media*).

³ Ochs A. "This is climate change barging through the front door", Dec. 31, 2021. <https://www.buzzfeednews.com/article/caitochs/tribes-drought-colorado-river>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Москвина Ж. О. Мобильные газеты как сегмент системы СМИ стран Западной Европы: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. URL: <http://www.dslib.net/zhurnalistika/mobilnye-gazety-kak-segment-sistemy-smi-stran-zapadnoj-evropy.html>
2. Тарасенко П. Н. Особенности и специфика функционирования интернет-СМИ Испании на современном этапе: дис. ...канд. филол. наук. М., 2013. URL: <https://www.dissercat.com/content/osobennosti-i-spetsifika-funktsionirovaniya-internet-smi-ispanii-na-sovremennom-etape>
3. Носик А., Кузнецов С. Интернет для журналиста. М.: Галерея, 2001.
4. Шарончикова Л. В. «Монд» в меняющемся мире (Эволюция и традиции качественной газеты в цифровую эпоху) // Медиаскоп. 2012. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1120>
5. Новикова Л. О. Сравнительный анализ газеты и ее онлайн-версии // Язык. Культура. Коммуникация. Южно-Уральский государственный университет. 2016, N 1. URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/406/569>
6. Aresse A., Kaufmann J. Legacy and Native News Brands Online: Do They Show Different News Consumption Patterns? // International Journal on Media Management. 2016. Issue 2, vol. 18. P. 75–97. URL: <https://doi.org/10.1080/14241277.2016.1200581>
7. Нойман Р. Что такое Новые медиа, или digital-глобализация // Маркетинг. AMDG. 10.11.2020. URL: <https://amdg.ru/blog/new-media/>
8. Cote J. What is new media? // Southern New Hampshire University. Feb. 24, 2020. URL: <https://www.snhu.edu/about-us/newsroom/liberal-arts/what-is-new-media>
9. Градюшко А. А. СМИ и Интернет. Эволюция традиционной журналистики // Современная журналистика: методология, творчество, перспективы. Минск: БГУ, 2008. С. 81–87. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/93931/1/Hradiushka_SMI_Internet_2008.pdf
10. Лукина М. М., Фомичева И. Д. СМИ в пространстве Интернета. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text19/034.htm>
11. Salaverria R. Exploring Digital Native News Media // Media and Communication. April 2020. Vol. 8(2). Universidad de Navarra. URL: https://www.researchgate.net/publication/340678784_Exploring_Digital_Native_News_Media
12. Pew Research Center. State of the news media. Digital news facts sheet // Pew Research Center. July 27, 2021. URL: <https://www.pewresearch.org/journalism/fact-sheet/digital-news/>
13. Walden University Research. What is digital native media? Digital communication is changing global communication // Walden University. Resource articles. 2021. URL: <https://www.waldenu.edu/online-bachelors-programs/bs-in-communication/resource/what-is-digital-native-media>
14. Lu Wu. Did you get the buzz? Are digital native media becoming mainstream? // Knight Center for Journalism in the Americas. The University of Texas at Austin. Research. 2021. URL: <https://isoj.org/research/did-you-get-the-buzz-are-digital-native-media-becoming-mainstream/>
15. Ванько Т. Р. Синтаксис новостных сообщений информационного агентства Bloomberg News // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 11(784). С. 118–127.

REFERENCES

1. Moskva, Zh. O. (2012). Mobil`ny`e gazety` kak segment sistemy` SMI stran Zapadnoj Evropy` = Digital newspapers as a media segment in Western Europe: PhD in Philology. Moscow. <http://www.dslib.net/zhurnalistika/mobilnye-gazety-kak-segment-sistemy-smi-stran-zapadnoj-evropy.html> (in Russ.)
2. Tarasenko, P. N. (2013). Osobennosti i specifika funkcionirovaniya internet-SMI Ispanii na sovremennom etape = Peculiarities of functioning of Spanish Internet media at present: PhD in Philology. Moscow. <https://www.dissercat.com/content/osobennosti-i-spetsifika-funktsionirovaniya-internet-smi-ispanii-na-sovremennom-etape> (in Russ.)
3. Nosik, A., Kuznecov, S. (2001). Internet dlya zhurnalista = Internet for a journalist. Moscow: Galeriya. (In Russ.)
4. Sharonchikova, L. V. (2012). Le Monde in the Changing World Evolution and Traditions of the Quality Newspaper in Digital Era. Mediaskope (vol. 3). Moscow: Moscow State University. <http://www.mediascope.ru/node/1120> (in Russ.)

5. Novikova, L. O. (2016). Comparative analysis of newspapers and its available online. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya = Language. Culture. Communication*, 1. South-Urals State University. <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/406/569> (in Russ.)
6. Aresse, A., Kaufmann, J. (2016). Legacy and native news brands online: Do they show different news consumption patterns? *International Journal on Media Management*, 2(18), 75–97. <https://doi.org/10.1080/14241277.2016.1200581>
7. Noiman, R. (2020). *CHto takoe Novie media, ili digital-globalizatsiya = What are new media or digital globalization*. Marketing. AMDG club. Moscow. <https://amdg.ru/blog/new-media/CHto> (in Russ.)
8. Cote, J. (2020, Feb. 24). What is new media? Southern New Hampshire University. <https://www.snhu.edu/about-us/newsroom/liberal-arts/what-is-new-media>
9. Gradyushko, A. A. (2008). *SMI i Internet. E`volyucziya traditsionnoj zhurnalistiki = Media and the Internet. Evolution of modern journalism*. *Sovremennaya zhurnalistika: metodologiya, tvorchestvo, perspektivy* (pp. 81–87). Minsk: Belorussian State University. https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/93931/1/Hradiushka_SMI_Internet_2008.pdf (in Russ.)
10. Lukina, M. M., Fomicheva, I. D. (2005). *SMI v prostranstve interneta = Media in Internet space*. Moscow: Moscow State University. <http://www.evartist.narod.ru/text19/034.htm> (in Russ.)
11. Salaverria, R. (2020). Exploring digital native news media. *Media and communication*, 8(2). Universidad de Navarra. https://www.researchgate.net/publication/340678784_Exploring_Digital_Native_News_Media
12. Pew Research Center. (2021, July 27). State of the news media. Digital news facts sheet. Pew Research Center. <https://www.pewresearch.org/journalism/fact-sheet/digital-news/>
13. Walden University Research. (2021). What is digital native media? Digital communication is changing global communication. Walden University. Resource articles. <https://www.waldenu.edu/online-bachelors-programs/bs-in-communication/resource/what-is-digital-native-media>
14. Lu Wu. (2021). Did you get the buzz? Are digital native media becoming mainstream? Knight Center for Journalism in the Americas. The University of Texas at Austin. Research. <https://isoj.org/research/did-you-get-the-buzz-are-digital-native-media-becoming-mainstream/>
15. Van'ko, T. R. (2017). "Bloomberg news" syntax. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11(784), 118–127. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ванько Татьяна Ростиславовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vanko Tatiana Rostislavovna

PhD (Philology), Associate Professor, Department of Grammar and History of English, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University.

Статья поступила в редакцию 04.02.2022
одобрена после рецензирования 01.03.2022
принята к публикации 09.03.2022

The article was submitted 04.02.2022
approved after reviewing 01.03.2022
accepted for publication 09.03.2022

Когнитивные основания хеджирования

Т. И. Грибанова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
tigribanova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу рассмотрения когнитивных оснований лингвистического хеджирования. Когнитивные процессы, лежащие в основе человеческого общения, можно подразделить на два основных типа. Первый тип носит универсальный характер и представляет собой набор шагов, предпринимаемых говорящим на пути обеспечения эффективной межличностной коммуникации. Второй тип носит узконаправленный характер и отражает осуществление выбора языкового средства в данном контексте с учетом конкретной коммуникативной задачи. В статье сделана попытка показать, что второй тип вышеупомянутых когнитивных процессов наиболее уместен для описания хеджирования как языкового явления.

Ключевые слова: хедж, хеджирование, когнитивная прагматика, контекстуальные корреляты, фрейм, ментальная модель

Для цитирования: Грибанова Т. И. Когнитивные основания хеджирования// Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3 (858). С. 23–29. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_23

Original article

Cognitive Foundations of Hedging

Tatiana I. Gribanova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
tigribanova@yandex.ru

Abstract. The article is aimed at discussing the cognitive foundations of linguistic hedging. There can be singled out two major types of cognitive processes underlying human communication. One can be viewed as a set of universal steps the speaker takes to provide effective interpersonal interaction. The other type is making linguistic choices in a given context governed by particular communicative purposes. The author argues that it is the second type of cognitive processes that is most appropriate for describing the linguistic phenomenon of hedging.

Keywords: hedge, hedging, cognitive pragmatics, contextual correlates, frame, mental model

For citation: Gribanova, T. I. (2022). The cognitive foundations of hedging. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3 (858), 23–29. 10.52070/2542-2197_2022_3_858_23

INTRODUCTION

Uncertainty and fuzziness are indispensable properties of human language, they contribute to making communication more flexible and reliable. One of the main means these properties are realized is hedges.

The term “hedge” was first introduced in linguistics by G. Lakoff to describe “words whose job is to make things more or less fuzzy” [Lakoff, 1972, p. 184]. It has since been used to speak about linguistic means (lexical, morphological, syntactical) and strategies to indicate a lack of commitment to the truth of proposition or to describe this commitment less categorical.

The notion of linguistic hedging has been investigated from different angles such as semantics, pragmatics, sociolinguistics, intercultural communication, and in different types of discourse like political, academic, media, etc. [Martinovski, 2013; Tang, 2013; Knight, Adolphs, Carter, 2013; Lebedeva, Orlova, 2019; Gribanova, Lebedeva, Pavlova, 2021]. Yet not enough research has been conducted on production processes of hedging. The question is still open what governs the user’s preference in hedging in different types of discourse.

In the present research it is argued that the speaker makes his linguistic choice of the appropriate hedging device mostly adapting himself to the contextual correlates to achieve the communicative aim set.

The author makes an attempt to account for the speaker’s use of a contextual pattern to create a mitigation effect of the utterance and reach the necessary communicative objective.

The analysis is carried out on the material taken from the British National Corpus (BNC).

TYPES OF KNOWLEDGE

Within the human mind one’s perception of the real world (animate and inanimate objects and events) are mapped on to their internal representations, which are not linear but form complex structures. These structures build up the foundation for one’s further experience, and in the long run enable a person to perceive and understand the world around him.

Cognitive linguistics agrees upon two types of knowledge, namely general and specific [Shank and Abelson, 1977; Schwarz-Friesel, 2012]. General knowledge is the background information about the world shared by all human beings, while specific knowledge is based on one’s previous experience.

To refer to structures representing stereotyped situations in this article we use the term *frame* introduced by D. Hymes [Hymes, 1974]. A person forms knowledge on the basis of his / her own experience of world perception and uses this knowledge ‘to predict’ interpretations and relationships regarding new information, events, and experiences [Escandell-Vidal, 1996, p. 634].

In interpersonal communication, in order to reach mutual understanding participants have to fill possible gaps and compensate for the missing communicative steps, which is often done automatically. According to the cognitive perspective, understanding involves matching bits of information. We match the information in the utterance (external data) to what is stored in our mind (internal data) [Schwarz-Friesel, 2012]. Thus, success of processing the new information depends on how effectively one can come up with an appropriative mental model, or frame. This model provides a ready-made pattern for interpreting the received information. There are slots which are filled with new input data and are assigned with different roles.

If one’s expectations are met, this system works automatically. If not, one turns to inferential processes. As a hearer, one succeeds in grasping the communicative message when he / she finds a corresponding model to complete the new data with the previous assumptions. As a speaker, one relies on the hearer’s ability to infer the necessary information.

The concepts contained in an utterance activate the corresponding frames in one’s mind setting the cognitive foundations for further concepts to appear.

FRAMES AND CONTEXT

The necessary frame containing prototypical information about events, circumstances and participants is often prompted by a communicative setting.

The notion of context is related to specific knowledge, it is a part of the whole array of assumptions a person has at a given moment. The cognitive role of context, especially in discourse processing, becomes indispensable, as it provides a comprehensive analysis of both external and internal data.

For example, the utterance “I’m not good at art” allows more than one interpretation unless it is known in what situation it is pronounced. If we know that it is an answer to the question “What do you think of my painting?” we unmistakably feel its hedging effect.

Thus, specific knowledge provides us not only with patterns for interpreting meanings, but also

patterns for behaviour, as the appropriate use of language requires particular knowledge behind it. This knowledge is obtained through recurrent exposure to the given situation and, hence, makes one's assumptions more accessible.

Therefore, a frame, providing a ready-made setting, should be viewed as a rather flexible structure comprised of bits of organized, easily retrieved knowledge.

It is noteworthy that a frame is not the same as a context. When a frame is activated, it leads to choosing a structured set of assumptions from which a specific context is selected.

Thus, the context is viewed as a subset of representations necessary to interpret a given utterance [Escandell-Vidal, 2017].

HEDGING AND FRAMES

The present research is aimed at showing that the cognitive aspect of hedging is connected with the notion of specific knowledge, rather than general knowledge.

The point is that hedging, being not only a linguistic but also a social and culture-specific phenomenon, can hardly be explained in terms of inferential models based on universal principles. It looks more relevant to account for the choice of a hedging device taking into account a particular context and communicative aim set.

Being purpose-motivated, communication is realized through particular linguistic and extralinguistic strategies.

To establish mutual understanding between interlocutors, it is important to choose a strategy and maintain face. According to P. Brown and S. Levinson, *face* is the "public self-image that every member wants to claim for himself" [Brown, Levinson, 1987, p. 4]. They singled out two types of face: positive and negative. The *positive face* is related to the speaker's wish to be approved of by others, while the *negative face* refers to the speaker's attempts to stay unimpeded [Brown, Levinson, 1987]. Hence, saving face serves as a major factor shaping communication. In its turn, hedging proves to be quite an effective strategy to maintain social interaction and face-saving. Let us analyze the utterance below:

Your skirt is a little bit too short.

On the one hand, this can be a suggestion for the listener to put on a more appropriate clothing item, thus threatening her negative face. On the other hand, it can be a complaint that the listener

is too light-minded, thus threatening her positive face. To mitigate the degree of face threatening the speaker uses the hedge "a little bit" to minimize the reproach and, in this way, to have the listener accept his advice more willingly. If the speaker expressed himself more directly and said: "your skirt is short", the listener would feel her face being lost because of the higher degree of reproach. Thus, the use of a hedging device reduces criticism and weakens face threatening.

The speaker's wish to be less direct activates in his mind the corresponding frame and results in selecting an appropriate strategy (advice instead of reproach) realized in using a particular linguistic form. In other words, the communicative success of a speech act depends on the correct choice of a strategy and its linguistic realization.

HEDGING AND CONTEXTUAL CORRELATES

Contextual correlates are believed to perform a restriction function to the utterance contributing to the realization of communicative aims by means of choosing appropriate strategies and forms [Wang, 2010]. As J. Verschueren argues, the communicative context contains interlocutors' mental world, social world and the physical world of the utterance [Verschueren, 2000].

Hedging, as a linguistic phenomenon, contributes to the adaption to the contextual correlates.

One of the significant contextual correlates that shape the utterance production is interlocutors' mental worlds, their communicative purposes and motivations [Wang, 2010]. For example:

Professor: How many items are there on your reference list?
Student: More than 20.

Being the student's scientific supervisor, the professor needs to know how well-read she is and thus asks her about the exact number of references in her final paper. The student knows, of course, how many research works she has read but answers in a rather vague way. She has certain academic responsibilities, and hopes to produce a better impression on her supervisor (as "more than 20" may mean "21", or "25" or even "29"). Thus, using a hedge the student provides the utmost amount of information to her professor, and at the same time, she saves her own positive face.

Another contextual correlate that may restrict conversation is a set of social rules, traditions and regulations that are considered acceptable in

a given society. Here also belong such sociolinguistic parameters, as gender, age, power, etc.

These social factors guide interlocutors' communicative behaviour and are indispensable for communicative success. The violation of these social factors may lead to a communicative failure. Let us look at the example below:

- **Could** I take your car tonight?
- Sure. But you must return it with the tank filled.

This is a short conversation between a father and a son. The son is making a request to his dad. Though very close to keen, the interlocutors demonstrate power relations. The son sounds less strong as he is not quite sure about his father's answer. To achieve his communicative aim the boy uses the hedge "could" (the subjunctive form of the modal verb "can"), thus preserving his own positive face, as well as the negative face of his father.

In his turn, the father speaks in a firmer tone: he gives his permission but with a certain reservation (he enjoins his son to fuel the car). The use of the intensifier "must" contributes to the effect.

Besides the abovementioned contextual correlates, there is one more which can hardly be ignored. This correlate is the so called physical world.

While communicating, speakers behave with respect to the physical characteristics of the world around them. J. Verschueren claims that "temporal deixis and spacial deixis are the most studied and most visible ways of anchoring language choices into a physical world" [Verschueren, 2000, p. 95]. The time and space of interaction shape communication process, determining the choice of linguistic means. Indicators of relative temporal and spatial relations can be various, such as *for, above, in, at, over, behind, opposite*, etc. Hedges do not serve this function directly, but they can assist other language means to present spatial and temporal relations in an indirect and more accurate way. This can be illustrated by the examples below:

- (1) - When are you meeting Jim?
- **Around** 5 p.m.
- (2) Tensions are programmed every day for **about** eight hours in front of the screen.

The given samples exemplify the use of hedges as a means of adaptation to the time characteristics of the situation. The direct temporal referential function in examples (4) and (5) is realized by means of the units "(at) 5 p.m.", "for eight hours". The hedges "around" and "about" are used for indirect assistance

in order to specify the time mentioned (a particular moment and duration correspondingly) more accurately. The speakers prefer not to give the exact time or duration of the events in order to avoid any accusation of possible imprecision, thus, saving their positive faces.

Now we proceed with analyzing hedges mitigating the space characteristics of communication.

(3) *Mary*: Excuse me, could you tell me where St. Peter's church is?

Brian: Just go straight down Carter road till you get to the intersection. Then turn right and walk **about** 300 meters. Then you will see the Park Hotel on your left. St. Peter's is just opposite it.

According to J. Verschueren, "spatial reference is usually relative to a perspective, which can be either utterer space or reference space... The latter is having a deictic centre distinct from the perspective of the utterer" [Verschueren, 2009, p. 99].

Example (6) illustrates this statement, locating the Park Hotel in a specific relation to the intersection, and St. Peter's church to the Park Hotel and Mary.

In this regard, the terms *figure* and *ground* are introduced. "Figure" refers to the target object, while "ground" is the entity used as deictic centre for spatial placement of the "figure" [Wang, 2010, p. 122].

In the first sentence, the hotel is regarded as figure and the intersection as ground. In the next sentence, the church is regarded as figure and the hotel becomes ground. The units denoting locality ("300 meters", "turn right", "on your left") provide information about the location asked about. The hedge "about" performs an assisting function, contributing to the indication of the exact place where St. Peter's church is situated.

Thus, hedges serve for indirect spatial and temporal reference in interpersonal communication to adapt utterances to the physical world.

ADAPTATION PROCESS: BASIC FEATURE

The process of language adaptation to the contextual meaning correlates can be described in terms of its dynamic, intentional and reciprocal aspects.

The context is hardly presented as a static entity. In the course of communication, contextual correlates may change, which will result in selecting a new set of linguistic means by the speaker. Thus, the dynamic character of the context makes language selection also dynamic. Let us see the

example below. The setting is as follows: Karen's little son has serious medical problems. Her friends are discussing possible ways of helping her out.

- Madeleine:* Look, I'm so worried about Karen and little Mikie. He needs a surgery, and they have **almost** no savings to pay for it.
- Rob:* Doesn't she have a health insurance?
- Madeleine:* She does, but it doesn't cover this particular case. Have you any idea what we can do for her?
- Rob:* Well, **actually**, I don't know. I *could possibly* get her *some* money, but I don't think it would be *enough, though*.
- Madeleine:* Right... *Perhaps* we **could** find a charitable foundation or **something**?
- Rob:* Good idea! My sister-in-law knows **someone** who **could** be helpful. Let me talk to her, I'm sure she'll be happy to introduce Karen to this person.

The dynamic character of the context can be traced through the development of the situation. The conversation starts with Madeleine's mentioning that Karen is pressed for money and can't provide the necessary medical care for her son. Then Rob says he can give Karen some money, though later he rejects the idea. After that Madeleine comes up with an idea to turn to some charitable foundation for help. Rob supports the suggestion and mentions what he can do to make it work.

Thus, in the course of interaction, the interlocutors keep looking for appropriate solutions, making linguistic choices (namely, using hedges) to adapt to the dynamic context. The variety of hedges used comprise modal verbs (*could*), modal adverbs (*possibly*), indefinite pronouns (*some, something, someone*), adjectives (*enough*), parenthetical units (*actually, though, perhaps*).

Another intrinsic feature of building the context is intentionality. Any communicative behaviour is based on the previously formed intentions. The formulated purpose shapes the speaker's choice of strategies and linguistic means. Hedges are frequently used to perform this adaptation task. The example below is a good illustration of this statement.

Setting: a salesperson is trying to sell an expensive clothing item to a customer, while the customer doubts that it is a reasonable purchase unless she gets a discount.

- Salesperson:* Madam, this dress looks **really** great on you.
- Customer:* Yeah... It is **quite** nice, but **I think** I'm going to look around **a little bit**.

Salesperson: We **only** have two of them left.

Customer: It is **just** too expensive. If the price was lower, **maybe** I'd be interested.

Salesperson: Since this dress seems made **especially** for you, I'll give you a ten percent discount.

Customer: Make it fifteen, and I'll buy it.

Here the customer finds a dress that suits her perfectly. She would like to buy it but it is too expensive. The salesperson is interested in selling her the item, so he is offering her a discount. They are bargaining using different hedges to realize their intentions. The sales person uses the adverbs "really", "only", "specially", in order to convince the woman that the dress is a must in her wardrobe. The customer, in her turn, expresses hesitation, using "quite", "I think", "a little bit", "just", "maybe".

Since both of them are interested in the action of purchase to take place, they are trying to meet each other half way. Their intentions, though seem different, are aimed at the common result, which determines the linguistic choice of hedging devices. It proves that the process of adaptation is intentional.

The analysis of the authentic material carried out above shows the important role of the context and contextual correlates to shape the communicative behaviour of the interlocutors. However, it is not only a linguistic means (a hedge) that adapts to the context, the context itself can be adapted under the influence of the selected language item. In the following example a hedge promotes adaptation following between contextual correlates and the utterance:

John: Hi, Annie! Where have you been? Why didn't you come last Saturday?

Annie: Hi, John! **There were some reasons, you know**.

Annie, the girlfriend of John's son Mark, doesn't feel like revealing the reasons of her missing the family gathering, as this might be unpleasant to John (the reason is a quarrel initiated by Mark). She likes Mark's family and doesn't want to upset them. Using a hedge (a sentence with fuzzy meaning) she promotes further communication going in a smooth and harmonious way.

Thus, on the one hand, the use of a hedging device is the result of adaptation to the contextual correlates. On the other hand, the choice of a hedge contributes to a new context favourable to both sides. In other words, the new context is a consequence of adaptation to the language means selected for the previous part of conversation. Thus, the interrelation between context and language is not linear.

CONCLUSION

The present article investigates the cognitive foundations of hedging in interpersonal communication. The process of hedge selection presupposes making choices both in linguistic

form and communicative strategy. In the course of interaction, the speaker has to adapt to contextual correlates (mental, social and physical) in order to realize his/her communicative intention. The process of adaptation is dynamic, intentional and reciprocal.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // Chicago Linguistic Society Papers. 1972. No. 8. P. 183–228.
2. Martinovski B. Reciprocal adaptation and problem refraining in group decision and negotiation // Journal of group decision and negotiation. 2013. Vol. 23, No. 3. P. 497–514.
3. Tang J. Pragmatic functions of hedges and politeness principles // International Journal of Applied Linguistics and English Literature. 2013. Vol. 2, No. 4. P. 155–160. URL: <http://dx.doi.org/10.7575/aiac.ijale.v.2n.4p.155>
4. Knight D., Adolphs S., Carter R. Formality in Digital Discourse: A Study of Hedging in CANELC // Yearbook of Corpus Linguistics 2013: New Domains and Methodologies / ed. by J. Romeo-Trillo, S. I. Springer. Netherlands, 2013. P. 131–152.
5. Lebedeva I. S., Orlova S. N. Semantics and pragmatics of the double modal might could. Training Language and Culture / Изд. ICC – the International Language Association (Бохум). 2019. Вып. 3(2). P. 71–84. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38538312>
6. Gribanova T. I., Lebedeva I. S., Pavlova E. B. Gender Aspect of Hedging // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 8 (850). С. 31–43.
7. Shang R. C., Abelson R. P. Scripts, plans, goals and understanding: an inquiry into human knowledge structure. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1977. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203781036>
8. Schwarz-Friesel M. On the status of external evidence in the theories of cognitive linguistics // Language Sciences. 2012. Vol. 34(6). P. 656–664. DOI: 10.1016/J.LANGSCI.2012.04.007
9. Hymes D. Ways of speaking // Explorations in ethnography of speaking / ed. by R. Bauman, J. Sherzer. Cambridge: Cambridge University Press, 1974. P. 433–451.
10. Escandell-Vidal V. Towards a cognitive approach to politeness // Language sciences. 1996. Vol. 18, No. 3. P. 629–650. DOI: 10.1016/S0388-001(96)00039-3
11. Escandell-Vidal V. Notes for a restrictive theory of procedural meaning: cognitive, philosophical and sociopragmatic perspectives. 2017. DOI: 10.1515/9783110546095005
12. Brown P., Levinson S. Politeness: some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
13. Wang Y. Analyzing hedges in verbal communication: An adaptation-based approach // English language teaching. 2010. Vol. 3, No. 3. P. 120–124. URL: <https://www.ecsnet.org/elt>
14. Verschueren J. Understanding Pragmatics. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2000.
15. The British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/bc> (дата обращения 15.01.2022).

REFERENCES

1. Lakoff, G. (1972). Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. Chicago Linguistic Society Papers, 8, 183–228.
2. Martinovski, B. (2013). Reciprocal adaptation and problem refraining in group decision and negotiation. Journal of group decision and negotiation, 23(3), 497–514.
3. Tang, J. (2013). Pragmatic functions of hedges and politeness principles. International Journal of Applied Linguistics and English Literature, 2(4), 155–160. <http://dx.doi.org/10.7575/aiac.ijale.v.2n.4p.155>
4. Knight, D., Adolphs, S., Carter, R. (2013). Formality in digital discourse: A study of hedging in CANELC (pp. 131–152). Yearbook of Corpus Linguistics 2013: New domains and methodologies, ed. by J. Romeo-Trillo, S. I. Springer. Netherlands.

5. Lebedeva, I. S., Orlova, S. N. (2019). Semantics and pragmatics of the double modal might could. *Training language and culture. ICC – the International Language Association (Bochum)*, 3(2), 71–84. <https://elibrary.ru/item.asp?id=38538312>
6. Gribanova, T. I., Lebedeva, I. S., Pavlova, E. B. (2021). Gender aspect of hedging. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 8(850), 31–43.
7. Shang, R. C., Abelson, R. P. (1977). *Scripts, plans, goals and understanding: an inquiry into human knowledge structure*. Hillsdale, NJ: Erlbaum. <https://doi.org/10.4324/19780203781036>
8. Schwarz-Friesel, M. (2012). On the status of external evidence in the theories of cognitive linguistics. *Language sciences*, 34(6), 656–664. 10.1016/J.LANGSCI.2012.04.007
9. Hymes, D. (1974). *Ways of speaking. Explorations in ethnography of speaking* (pp. 433–451), ed. by R. Bauman, J. Sherzer. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Escandell-Vidal, V. (1996). Towards a cognitive approach to politeness. *Language sciences*, 18(3), 629–650. 10.1016/S0388-001(96)00039-3
11. Escandell-Vidal, V. (2017). Notes for a restrictive theory of procedural meaning: Cognitive, philosophical and sociopragmatic perspectives. 10.1515/9783110546095005
12. Brown, P., Levinson, S. (1987). *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Verschueren, J. (2000). *Understanding pragmatics*. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press.
14. Wang, Y. (2010). Analyzing hedges in verbal communication: An adaptation-based approach. *English Language Teaching*, 3(3), 120–124. <https://www.ecsnet.org/elt>.
15. The British National Corpus. <http://www.natcorp.ox.ac.uk/bc> (accessed 15.01.2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Грибанова Татьяна Игоревна

старший преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gribanova Tatiana Igorevna

Senior Lecturer at the Department of Grammar and History of English, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.02.2022
одобрена после рецензирования 01.03.2022
принята к публикации 09.03.2022

The article was submitted 04.02.2022
approved after reviewing 01.03.2022
accepted for publication 09.03.2022

Научная статья
 УДК 811.111'1
 DOI 10.52070/2542-2197_2022_3_858_30

Метафора и метонимия в нерезультативных конструкциях в английском языке (на материале английской художественной прозы XIV–XX вв.)

М. В. Гурецкая

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
 meribell2009@yandex.ru

Аннотация. Данная статья представляет картину метафоризации нерезультативных конструкций на материале английской художественной литературы в диахронии (XIV–XX вв.). Были выявлены виды метафор и динамика их употребительности в исследуемый период, частотность реализующих их структурно-семантических моделей, обнаружена связь гештальтфункций нерезультативных конструкций с метафоризируемым слотом событийного фрейма, а также обозначены компоненты грамматических конструкций, участвующие в механизме метафоризации.

Ключевые слова: нерезультативные конструкции, метафора, метонимия, структурно-семантические модели, гештальтфункции, событийный фрейм

Для цитирования: Гурецкая М. В. Метафора и метонимия в нерезультативных конструкциях в английском языке (на материале английской художественной прозы XIV–XX вв.) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3 (858). С. 30–37. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_30

Original article

Metaphor and Metonymy in Non-Resultative Constructions in English (based on the English prose of XIVth – XXth cc.)

Maria V. Guretskaya

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
 meribell2009@yandex.ru

Abstract. This article explains the process of metaphorization in non-resultative constructions based on the English prose of XIVth – XXth cc. The research singles out types of metaphors and studies the dynamics of their use in the analyzed period. It also identifies the frequency of structural and semantic models by which metaphors are implemented, the connection between the gestalt functions of non-resultative constructions and the metaphorized slot of frame «event» as well as the components of grammatical constructions involved in the mechanism of metaphorization.

Keywords: non-resultative construction, metaphor, metonymy, structural-semantic models, gestalt functions, frame «event»

For citation: Guretskaya, M.V. Metaphor and metonymy in non-resultative constructions in English (based on the English prose of XIVth – XXth cc.). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(858), 30–37. 10.52070/2542-2197_2022_3_858_30

ВВЕДЕНИЕ

В когнитивной лингвистике метафора и метонимия являются объектом пристального внимания лингвистов как в теоретическом плане, так и в прикладном аспекте. Современная когнитивистика (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова и др.) рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира. Соответственно, наблюдения за функционированием метафор признаются важным источником данных о функционировании человеческого разума.

Теория концептуальной метафоры рассматривает метафоризацию как «принцип аналогии, действующий в семантике» [Лингвистика конструкций, 2010, с. 295], «при котором «переносу» подвергается не изолированное имя, а целостная концептуальная структура (схема, фрейм, модель, сценарий), которая актуализируется некоторым словом в сознании носителя языка благодаря связи данного слова с данной конвенциональной структурой» [Кобозева, 2002; Сорокина, 2018, с. 15–16]. Метафоре подвергаются не только слова, но и грамматические конструкции [Sullivan, 2007]. Однако метафора в грамматике практически не исследовалась в диахронии. Цель данной статьи – выявление механизма метафоризации грамматических конструкций. Объектом исследования являются английские неканонические нерезультативные конструкции, представленные в художественной прозе XIV–XX веков.

Нерезультативные конструкции, наряду с результативными, признаются прототипическими репрезентантами концепта «состояние». Отсюда вытекает правомерность анализа их метафорических употреблений в рамках теории концептуальной метафоры.

Результативные конструкции детально исследовались представителями конструктивной грамматики – Construction Grammar (CxG), теории, которая была предложена Ч. Филмором [Filmore, 1989] и развита А. Гольдберг [Goldberg, 1995] и Г. Боасом [Boas, 2003]. Для грамматики конструкций (CxG) существенным является понимание конструкции как единого целого, не выводимого из суммы его частей, где важны как лексика, так и синтаксис, как глагол, так и наполнение (не)результативной фразы конструкции. Для CxG конструкция важна потому, что «именно она требует искомого семантического взаимодействия, которое часто приводит к сдвигу исходных значений» [Лингвистика конструкций, 2010, с. 63]. Эти сдвиги значений внутри конструкций происходят по законам метонимии и метафоры или метафоры и метонимии вместе – в разных последовательностях и комбинациях.

Г. Боас, ведущий представитель конструктивной грамматики, так пишет о свойствах конструкции: «The form of a construction can be associated with different kinds of grammatically relevant information that can be semantic, pragmatic, syntactic, morphological, phonological or lexical in nature» [Boas, 2003, с. 87].

Вышеизложенные идеи, на наш взгляд, вплотную подводят исследователей этого направления к пониманию конструкций как гештальта, прототипически репрезентирующего концепт «состояние». При этом гештальты – это интегрированные и единые концептуальные структуры с широким значением, образующимся путем простого сложения информации об их составляющих. В данном исследовании используется термин «гештальтфункции», который трактуется как наиболее абстрактные значения, реализующие нерезультативную семантику конструкций.

Авторы, изучающие грамматические конструкции, приходят к выводу, что их создание и прежде всего лексическое наполнение глагола и (не)результативной фразы управляется двумя когнитивными процессами: метафорой и метонимией. При этом каноническими (стандартными) считаются те конструкции, которые не используют метафору, но могут задействовать метонимию. Для неканонических конструкций метафора полагается обязательной.

Репрезентация концепта «состояние» выражается на уровне языка пропозициональными (главным образом, предикатно-аргументными) структурами в формате предложения, текста и с учетом экстралингвистической (энциклопедической) информации. В данном исследовании предикатно-аргументные структуры представлены структурно-семантическими моделями, отражающими наполнение нерезультативных конструкций.

Автор данной статьи предпринимает попытку выявить динамику метафоризации нерезультативных конструкций в диахронии, обнаружить виды метафоры и метонимии и проследить их частотность, определить структурно-семантические модели метафорических употреблений неканонических конструкций, установить домен метафоры в событийном фрейме и обосновать участие компонентов грамматических конструкций в процессе метафоризации.

МЕТАФОРИЗАЦИЯ НЕРЕЗУЛЬТАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ДИАХРОНИИ

В процессе анализа нами была определена относительная частотность метафорических употреблений нерезультативных конструкций на каждом синхронном срезе. Результаты представлены в таблице 1 и на рисунке 1.

Таблица 1

Век	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX
	0,6	0,4	0,3	1,6	0,8	0,2	2,9

Рис. 1. Неканонические употребления в диахронии (с XIV по XX в.)

Приведенные результаты демонстрируют увеличение числа неканонических употреблений в XVII веке (с флуктуациями в XVI веке), некоторое падение их частотности в XIX веке, а затем резкий подъем в их динамике в XX веке.

В группе нерезультативных конструкций всего было зафиксировано 32 случая употребления грамматических метафор. Были выделены следующие виды:

- Метафора A CHANGE OF STATE IS A CHANGE OF LOCATION
Color was coming back into his face (*W. Golding. Lord of the Flies*).
- Метафора AN ACTIVITY IS AN EFFECTUAL ACTION
...the wall of gold that was mounting between them (*V. Woolf. Mrs. Dalloway*).
- Метафора A CAUSED CHANGE OF STATE IS A CHANGE OF LOCATION
The fact is that regardless of the intelligence we possess – an intelligence which drives us in a tireless effort to impose an order upon our affairs (*W. Golding. Lord of the Flies*).
- Метафора AN EXPERIENTIAL ACTION IS AN EFFECTUAL ACTION
A blur of sunlight was crawling across his hair (*W. Golding. Lord of the Flies*).
- Метафора PLACES ARE DOERS

The sun was down, and a cool pale evening was quietly fading into night (*J. R. R. Tolkien. The Lord of the Ring - The Fellowship of the Ring*).

- Метафора STATES ARE LOCATIONS
His house was never short of fish and flesh. (*G. Chaucer. The Canterbury Tales*)

Предложенный график (см. рис. 2) позволяет представить следующую картину метафоризации нерезультативных конструкций:

1) Базовая когнитивная метафора STATES ARE LOCATIONS в чистом виде встречается в XIV–XIV веках, но далее выходит из употребления и «разворачивается» в частные метафоры PLACES ARE DOERS, A CHANGE OF STATE IS A CHANGE OF LOCATION и A CAUSED CHANGE OF STATE IS A CAUSED CHANGE OF LOCATION, которые в итоге демонстрируют рост употребительности к концу рассматриваемого периода (XX век).

2) Две абстрактные метафоры (High-Level Metaphors) – AN ACTIVITY IS AN EFFECTUAL ACTION и AN EXPERIENTIAL ACTION IS AN EFFECTUAL ACTION, присоединяя частную метафору PLACES ARE DOERS, реализуют флуктуацию в динамике: некоторый рост употребительности в XVII веке, спад в XIX веке и затем подъем в XX веке. Таким образом, все выделенные нами типы метафор (кроме базовой когнитивной) проявляют заметную тенденцию к увеличению частотности употребления к концу рассматриваемого исторического

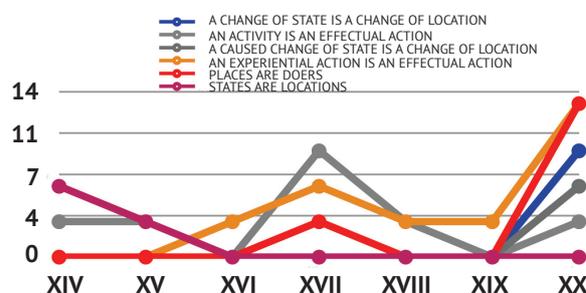

Рис. 2. Динамика употребительности метафор в неканонических нерезультативных конструкциях в диахронии (с XIV по XX в.)

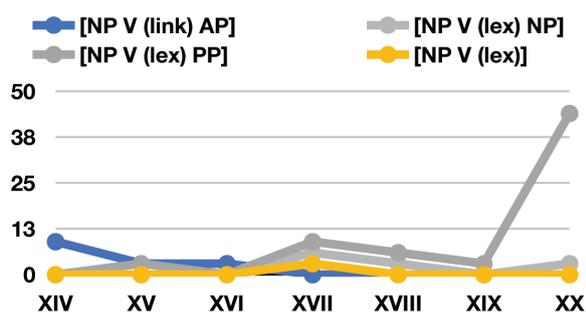

Рис. 3. Динамика употребительности структурно-семантических моделей в группе неканонических нерезультативных конструкций (с XIV по XX в.)

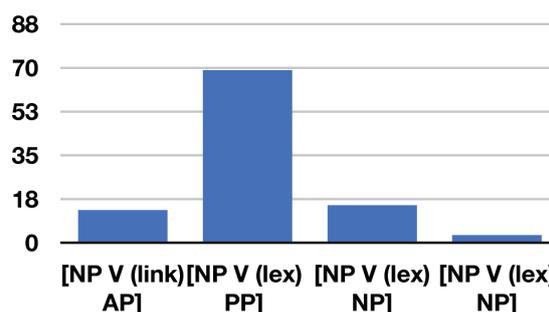

Рис. 4. Относительная частотность употребления структурно-семантических моделей в группе неканонических нерезультативных конструкций (с XIV по XX в.)

периода (XX век). На основе проведенного анализа мы получаем первое свидетельство усиления метафоризации нерезультативных репрезентантов концепта «состояние» в диахронии.

На нашем материале наиболее частотными из всех грамматических метафор оказались метафора AN EXPERIENTIAL ACTION IS AN EFFECTUAL ACTION (28% от общего количества выявленных примеров) и метафора AN ACTIVITY IS AN EFFECTUAL ACTION (22%).

Также встретился ряд примеров слияния метафоры и метонимии:

- 1) Метафора AN ACTIVITY IS AN EFFECTUAL ACTION + метонимия INSTRUMENT FOR ACTION
In this ilond groweth a stoon
(*J. of Trevisa. Polychronicon*).
- 2) Метафора AN ACTIVITY IS AN EFFECTUAL ACTION + метонимия A CAUSAL ACTION FOR AN ACTIVITY
And let us once again assail your ears
(*W. Shakespeare. Hamlet*).

Отдельно отметим случаи слияния МЕТАФОРА + МЕТАФОРА, в частности слияние метафор CAUSED CHANGE IS CAUSED MOTION и STATES ARE LOCATIONS:

He is shipwrecked, and swims for his life
(*J. Swift. Gulliver's Travels*).

В процессе анализа были выявлены следующие структурно-семантические модели в группе неканонических нерезультативных конструкций (см. рис. 3–4):

- **[NP V (link) AP]**
This ilond is plentevous of veynes of metals
(*J. of Trevisa. Polychronicon*).
- **[NP V (lex) NP]**
The fact is that regardless of the intelligence we possess – an intelligence which drives us in a tireless effort to impose an order upon our affairs
(*W. Golding. Lord of the Flies*).
- **[NP V (lex) PP]**
A blur of sunlight was crawling across his hair
(*W. Golding. Lord of the Flies*).
He was walking in his sleep
(*W. Golding. Lord of the Flies*).
- **[NP V (lex)]**
I do know, When the blood burns, how prodigal the soul Lends the tongue vows
(*W. Shakespeare. Hamlet*).

Приведенные выше график и диаграмма показывают, что наиболее частотной структурно-семантической моделью в неканонических нерезультативных конструкциях является модель **[NP V (lex) PP]**. Эта же модель демонстрирует значительный рост употребительности в XX веке (см. рис. 4).

В каждом типе обнаруженных метафорических употреблений встретились следующие структурно-семантические модели (см. табл. 2).

Данные, предложенные в таблице 2, свидетельствуют о том, что структурно-семантическая модель с результирующей фразой PP (**[NP V (lex) PP]**) представлена во всех видах обнаруженных нами метафор. При этом чаще всего метафоризируется вышеуказанная модель двумя путями: как абстрактная метафора AN EXPERIENTIAL ACTION IS

Таблица 2

	[NP V (lex) PP] (в %)	[NP V (link) AP] (в %)	[NP V (lex) NP] (в %)	[NP V (lex)] (в %)
A CHANGE OF STATE IS A CHANGE OF LOCATION	9	–	–	–
AN ACTIVITY IS AN EFFECTUAL ACTION	6	3	6	–
A CAUSED CHANGE OF STATE IS A CHANGE OF LOCATION	3	–	3	–
AN EXPERIENTIAL ACTION IS AN EFFECTUAL ACTION	18	3	3	3
PLACES ARE DOERS	24	6	–	–
STATES ARE LOCATIONS	9	9	–	–
Метафора AN ACTIVITY IS AN EFFECTUAL ACTION + метонимия INSTRUMENT FOR ACTION	3	–	–	–
Метафора AN ACTIVITY IS AN EFFECTUAL ACTION + метонимия A CAUSAL ACTION FOR AN ACTIVITY	–	–	3	–
Метафора CAUSED CHANGE IS CAUSED MOTION и метафора STATES ARE LOCATIONS	3	–	–	–

AN EFFECTUAL ACTION (18 %) и как частная метафора PLACES ARE DOERS (24 %).

В рассматриваемой группе нерезультативных конструкций были отмечены следующие гештальт-функции:

- **физическое состояние** (19 %)

The sun was down, and a cool pale evening was quietly fading into night (*J. R. R. Tolkien. The Lord of the Ring. The Fellowship of the Ring*).
- **вовлеченность в движение** (47 %)

The fact is that regardless of the intelligence we possess – an intelligence which drives us in a tireless effort to impose an order upon our affairs (*W. Golding. Lord of the Flies*).
- **вовлеченность в действие** (34 %)

I do know, When the blood burns, how prodigal the soul Lends the tongue vows (*W. Shakespeare. Hamlet*).

Наиболее частотные метафоры встречаются в нерезультативных конструкциях со следующей общей семантикой:

- AN EXPERIENTIAL ACTION IS AN EFFECTUAL ACTION – **физическое состояние, вовлеченность в движение, вовлеченность в действие;**
- AN ACTIVITY IS AN EFFECTUAL ACTION – **вовлеченность в движение, вовлеченность в действие.**

Отсюда следует, что непрототипический событийный (ситуационный) фрейм (Event-frame),

лежащий в основе нерезультативных конструкций, при метафоризации двух вышеуказанных видов чаще всего реализует компонент «действие / движение».

Исследование механизма метафоризации презентантов нерезультативного состояния предполагает рассмотрение участия в этом процессе компонентов грамматических конструкций.

Перейдем к анализу самых частотных метафор на предмет определения, каким образом достигается метафоричность: глаголом или всей конструкцией в целом (с участием нерезультативной фразы).

а) AN EXPERIENTIAL ACTION IS AN EFFECTUAL ACTION

- 1) ...he was very dexterous at unravelling them (*T. More. Utopia*) – метафоричность достигается всей конструкцией;
- 2) I do know, When the blood burns, how prodigal the soul Lends the tongue vows (*W. Shakespeare. Hamlet*) – метафоричность достигается глаголом;
- 3) I warrant your honour (*W. Shakespeare. Hamlet*) – метафоричность достигается глаголом;
- 4) Nor could she come at any ribbon or handkerchief to tie (*H. Fielding. Tom Jones*) – метафоричность достигается всей конструкцией;
- 5) The afternoon sun slanted in from the other side of the platform and most of the children (*W. Golding. Lord of the Flies*) – метафоричность достигается глаголом;
- 6) But now the sun was slanting in at one side, so that the shadows were where they ought to be (*W. Golding. Lord of the Flies*) – метафоричность достигается глаголом;
- 7) A blur of sunlight was crawling across his hair (*W. Golding. Lord of the Flies*) – метафоричность достигается глаголом;
- 8) He felt that he was grinding against something physically hard (*V. Woolf. Mrs. Dalloway*) – метафоричность достигается глаголом.

б) AN ACTIVITY IS AN EFFECTUAL ACTION

- 1) ...they were waxing wrath (*G. Chaucer. The Canterbury Tales*) – метафоричность достигается всей конструкцией;
- 2) And let us once again assail your ears (*W. Shakespeare. Hamlet*) – метафоричность достигается всей конструкцией;
- 3) ...it harrows me with fear and wonder (*W. Shakespeare. Hamlet*) – метафоричность достигается всей конструкцией;
- 4) Each toy seems prologue to some great amiss (*W. Shakespeare. Hamlet*) – метафоричность достигается всей конструкцией;
- 5) ...the wall of gold that was mounting between them (*V. Woolf. Mrs. Dalloway*) – метафоричность достигается глаголом.

Анализ показывает, что метафоричность в нерезультативных конструкциях реализуется практически в равной степени как всей конструкцией (46%), так и глаголом (54%).

Рассмотрим также списки глаголов (как компонентов грамматических конструкций) на предмет изменения семантических групп глаголов, используемых в найденных метафорах, а также их количества.

XIV:	be, wax
XV:	be, grow
XVI:	be
XVII:	assail, harrow, burn, vow, keep, warrant, seem
XVIII:	come, swim, pin up
XIX:	enter
XX:	fade, walk, ride, rise, come, creep into, roar, drive, march down, crawl across, walk, slant in (2), grind, grow, mount

На основании представленных данных можно сделать вывод о том, что в рассматриваемой группе главным образом задействованы глаголы с конкретной семантикой, часто не имеющие прямого отношения к семантике базовых глаголов и порождающие метафорические смыслы, т. е. изменение идет от эврисемии к специализации, от абстрактного к конкретному. Количество используемых глаголов достигает своего максимума в XX веке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что

1) динамика метафоризации нерезультативных конструкций демонстрирует ее усиление к концу рассматриваемого периода как основную тенденцию ее развития в диахронии;

2) наиболее частотными метафорами, реализуемыми в нерезультативных конструкциях, являются метафора AN EXPERIENTIAL ACTION IS AN EFFECTUAL ACTION и метафора AN ACTIVITY IS AN EFFECTUAL ACTION. Также встречаются случаи слияния метафоры и метонимии и слияния двух метафор;

3) наиболее употребительной структурно-семантической моделью в группе нерезультативных конструкций оказалась **[NP V (lex) PP]**, которая участвует во всех обнаруженных видах метафор

и демонстрирует рост частотности к концу исследуемого периода;

4) основным компонентом событийного (ситуационного) фрейма, лежащего в основе нерезультативных конструкций, является «действие / движение», что определяет домен метафоры, иными словами, метафоризируется именно этот компонент фрейма;

5) метафоризация репрезентантов нерезультативного состояния на протяжении всего рассматриваемого периода происходит с участием как глаголов, так и всей конструкции в целом (включая нерезультативную фразу);

6) участие глаголов в механизме метафоризации проявляется как качественный, так и количественный рост употребительности глаголов конкретной семантики, как переход от базовых (эврисемических) глаголов к глаголам разных семантических групп.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лингвистика конструкций / под ред. Е. В. Рахиловой. М.: Азбуковник, 2010.
2. Кобозева И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Диалог. 2002. URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/kobozeva/>
3. Сорокина Т. С. Динамика функционирования репрезентантов концепта «состояние» в новоанглийский период // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 15 (810). С. 15–16.
4. Fillmore C. Y. Grammatical Construction Theory and the Familiar Dichotomies // Language Processing in Social Context, eds. R. Dietrich and C. F. Graumann. Amsterdam: Elsevier, 1989. P. 17–38.
5. Goldberg A. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. The University of Chicago Press, 1995.
6. Boas H. C. A Constructional approach to resultatives. Stratford: CSLT Publications, 2003.
7. Sullivan K. Grammar in metaphor: A construction grammar account of metaphoric language: Ph.D. Dissertation / University of California. Berkeley, 2007.

REFERENCES

1. Rahilina, E. V. (Ed.). (2010). *Lingvistika konstrukcij = Construction linguistics*. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)
2. Kobozeva, I. M. (2002). *K formal'noj reprezentacii metafor v ramkah kognitivnogo podhoda = Towards formal representation of metaphors within the ramifications*. Computational Linguistics and Intelligent Technologies. Dialog. <https://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/kobozeva/> (In Russ.).
3. Sorokina, T. S. (2018). *Dinamika funkcionirovanija reprezentantov koncepta «sostojanie» v novoanglijskij period = Representative of the concept “STATE”: dynamics in new English*. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 15(810), 9–19.
4. Fillmore, C. Y. (1989). Grammatical construction theory and the familiar dichotomies. In R. Dietrich and C. F. Graumann (eds.), *Language processing in social context* (pp. 17–38). Amsterdam: Elsevier.
5. Goldberg, A. (1995). *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. The University of Chicago Press.
6. Boas, H. C. (2003). *A constructional approach to resultatives*. Stratford: CSLT Publications.
7. Sullivan K. (2007). *Grammar in metaphor: A construction grammar account of metaphoric language*: Ph.D. Dissertation. University of California. Berkeley.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гурецкая Мария Вячеславовна

аспирант кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета;
преподаватель кафедры второго иностранного языка Института иностранных языков им. М. Тореза
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guretskaya Maria V.

PhD Student, Department of Grammar and History of English,
Faculty of the English language, Moscow State Linguistic University,
Lecturer at the Department of Second Foreign Languages,
M. Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.02.2022
одобрена после рецензирования 01.03.2022
принята к публикации 09.03.2022

The article was submitted 04.02.2022
approved after reviewing 01.03.2022
accepted for publication 09.03.2022

Научная статья
 УДК 81-2
 DOI 10.52070/2542-2197_2022_3_858_38

Социальная реклама в контексте европейского социума (на материале современной немецкоязычной прессы и франкоязычных рекламных плакатов)

Е. Ю. Дедюрина¹, Е. А. Северина²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹katerinadedyurina@gmail.com

²ratriniada@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию европейских социальных рекламных плакатов. Авторы проводят сравнительный анализ рекламных плакатов, описывают их специфику и выделяют характерные черты европейской социальной рекламы. Современная социальная реклама является одним из динамично развивающихся способов взаимодействия между государством и обществом. Афиши социальной рекламы представляют собой отражение социально значимых проблем для европейского общества в определенный исторический период. Для более эффективного воздействия на массового реципиента рекламный плакат апеллирует к истории, традициям и культурным понятиям социума, что позволяет сделать вывод о культурной обусловленности данного типа рекламы.

Ключевые слова: пресса, реклама, социальная реклама, рекламная афиша, европейский социум

Для цитирования: Дедюрина Е. Ю., Северина Е. А. Социальная реклама в контексте европейского социума (на материале современной немецкоязычной прессы и франкоязычных рекламных плакатов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3(858). С. 38–45. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_38

Original article

Social Advertising in the Context of European Society (on the material of modern German-language press and French-language advertising posters)

Ekaterina Yu. Dediurina¹, Ekaterina A. Severina²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹katerinadedyurina@gmail.com

²ratriniada@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of European social advertising posters. The authors conduct a comparative analysis of advertising posters, describe their specifics and highlight the characteristic features of European social advertising. Modern social advertising is one of the dynamically developing ways of interaction between the state and society. Social advertising posters are a reflection of socially significant problems for European society in a certain historical period. For a more effective impact on the mass recipient, an advertising poster appeals to the history, traditions and cultural concepts of society, which allows us to conclude that this type of advertising is culturally determined.

Keywords: press, advertising, social advertising, advertising poster, European society

For citation: Dediurina E. Yu., Severina E. A. (2022). Social advertising in the context of European society. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(858), 38–45. 10.52070/2542-2197_2022_3_858_38

ВВЕДЕНИЕ

Социальная реклама вовлечена в повседневное поле зрения европейской общественности относительно недавно, ее бурный рост пришелся на 80–90-е годы XX века. Для обозначения феномена некоммерческой рекламы в Европе традиционно используют термин «PSA – public service announcement»¹. В немецкоязычной прессе это явление определяется следующими терминами: «*Öffentlicher Dienst Ankündigungen*» или «*öffentliche Bekanntmachung*», которые можно перевести как «публичное государственное уведомление». Во Франции такой тип рекламы называется «publicité sociale / publicité d'intérêt général» – «социальная / общественно полезная реклама».

Исследователи отмечают, что в «прежние времена просветительство» [Пискунова, 2004] выполняло роль социальной рекламы, способствуя расширению познавательных и эстетических границ социума. Позднее социальные обращения определялись понятием «пропаганда и агитация». В эпоху стремительно прогрессирующих информационных и коммуникативных технологий государство отдает предпочтение социальной рекламе в качестве канала взаимодействия с обществом.

На сегодняшний день в условиях динамичного формирования рынка новых телекоммуникационных систем (спутникового, сотового, интерактивного телевидения, Интернета и компьютерных технологий), а также на этапе «нового витка развития общественных отношений» [Калачёва, 2014, с. 11] некоммерческая реклама приобретает особое значение в европейском сообществе. По мнению Л. М. Дмитриевой, социальная реклама в купе с современными техническими возможностями способна содействовать укреплению социальных и правовых институтов и поддерживать положительное отношение к государственным органам [Дмитриева, 2009].

Согласно Г. Г. Николайшвили, социальная реклама представляет собой «вид коммуникации, ориентированный на привлечение внимания к жизненно важным проблемам общества и его нравственным ценностям» [Николайшвили, 2008, с. 9]. Мы, в свою очередь, понимаем под «**социальной (общественной, некоммерческой) рекламой**» всякое рекламное обращение, которое затрагивает духовные, эстетические, моральные и нравственные ценности, пропагандирует социально одобряемое явление, призывающее к решению определенной проблемы, и не имеет своей целью материальную прибыль.

¹ Business dictionary. URL: <http://www.businessdictionary.com>

Социальная реклама предполагает разъяснительную деятельность, она является показателем или своего рода медиатором назревших проблем в конкретной социальной группе. Наглядно демонстрируя негативные явления, которые стоят перед обществом, социальная реклама ведет к его совершенствованию, так как способствует формированию поведенческих установок индивида и изменению общественных взглядов на те или иные отрицательные стороны. Таким образом, **задачей** социальной рекламы является последовательное транслирование социально важных идей в доступной и понятной форме, что мотивирует реципиента к перемене взглядов, которые впоследствии постепенно трансформируются в жизненные установки и реализуются в действительности.

Следует отметить, что социальную рекламу «создают бесплатно» [Климова, 2011, с. 28], публикуя ее без идентификации спонсора, места и времени. В средствах массовой информации она также предоставляется на некоммерческой основе. **Целью** такой рекламы является способность решения гражданской проблемы. Однако результат ее разрешения может быть очевиден зачастую лишь в будущем.

Таким образом, **отличительной чертой** социальной рекламы от коммерческой или политической рекламы является позиционирование определенного отношения окружающей действительности и отсутствие материальной заинтересованности, в то время как коммерческая реклама ориентирована на финансовую выгоду или на создание положительной реакции у потребителя на товар или услугу.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках нашего исследования был проведен анализ социальной рекламы, представленной в современной немецкоязычной прессе с 2018 по 2021 год в таких изданиях, как: «Süddeutsche Zeitung» (Германия), «bz Basel» (Швейцария), «Die Kinderrechte Zeitung» (Австрия). Также были проанализированы франкоязычные социальные рекламные плакаты, представленные на сайтах: «Jour de la Terre.org», «Agriculture.gouv.fr», «europe1.fr» (Франция).

Исследование на базе вышеуказанных источников позволяет составить комплексное представление о социальной рекламе как о форме общественной рефлексии и осознании гражданской ответственности в европейском сообществе.

В ходе анализа современных европейских рекламных афиш мы выделили характерные

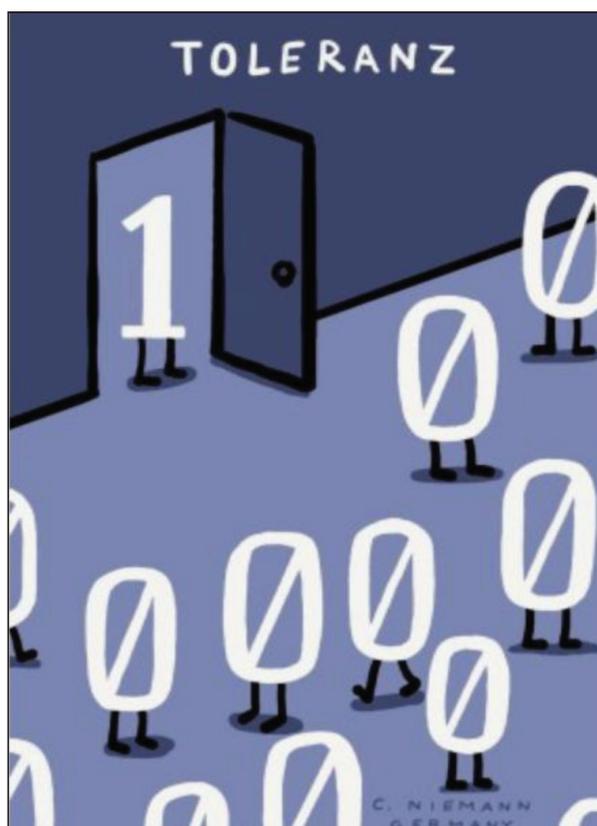

Рис. 1

признаки, которые способствуют наиболее эффективному продвижению определенной социальной идеи: актуальность темы; культурная обусловленность плаката; языковые особенности слогана. Рассмотрим ниже более подробно характерные признаки современной социальной европейской рекламы.

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ

Согласно В. В. Ученовой и Н. В. Старых, принято выделять ряд глобальных проблем, которые представляют «наиболее серьезные угрозы выживанию человечества – СПИД, наркомания, деструкция природной среды» [Ученова, Старых, 2006, с. 199]. Вышеперечисленные темы широко представлены в социальной рекламе во многих государствах. В последнее время в связи с увеличением потока мигрантов в европейские страны можно выделить ряд схожих тем, таких как пропаганда политкорректности и взаимоуважения.

Таким образом, тематическая значимость определяется конкретным историко-политическим периодом, а интерес реципиента обусловлен злободневностью проблемы и смелостью позиции. Современная пресса как один из каналов

распространения общественной рекламы выделяет наиболее актуальные темы из общего потока информации. Пересечение нескольких социально значимых вопросов на одном рекламном плакате также способствуют привлечению внимания аудитории и эффективному воздействию на адресата.

В качестве примера обратимся к афише К. Ниманна, опубликованной в «Süddeutsche Zeitung» в 2021 году (см. рис. 1).¹ Темой плаката является толерантность, которая на сегодняшний день играет первостепенное значение как в политической, так и в бытовой сферах на территории Европейского Союза. Автор обращается к этой проблеме через визуальную составляющую плаката. На нем однородное общество изображено в виде «нулей», в то время как в дверях стоит «единица», олицетворяющая непохожего или неординарного индивида. Апелляция к социальной проблеме путем сравнения современного общества с двоичной системой счисления позволяет одновременно затронуть тему повсеместной компьютеризации. Двоичный код, который обозначается цифрами 0 и 1, необходим для передачи данных в цифровой технике. Как код из одних нулей невозможен, так и общество ценно своими различиями и непохожестью индивидов.

На сегодняшний день экология является одной из важнейших тем социальной рекламы как для всего мира, так и для европейского общества. Рекламная афиша, опубликованная на сайте экологической французской организации «Jour de la Terre» (см. рис. 2)², поднимает проблему

¹ Süddeutsche Zeitung. 2021. URL: <https://www.sueddeutsche.de/muenchen/muenchen-kunstareal-poster-toleranz-1.5256211>

² Jour de la Terre. 2021. URL: <https://jourdela terre.org/fr/22-avril/campagne>

Рис. 2

Языкознание

загрязнения среды обитания животных. Афиша, на которой изображена белка, держащая медицинскую маску, сопровождается ироничным слоганом: «Heureusement que les animaux sont là pour ramasser nos déchets» (ср. рус.: Хорошо, что здесь есть животные, чтобы убирать наши отходы).

Данный рекламный плакат призван повысить посвященность граждан в проблему окружающей среды и побудить их предпринимать конкретные действия для заботы о планете. Интересно также отметить, что изображение медицинской маски на афише видится нам неслучайным. Согласно статистике, представленной в журнале *National Geographic*¹, в связи с пандемией COVID-19 количество СИЗ (средства индивидуальной защиты), которые попадают в океаны и другие среды обитания животных, резко увеличилось. Таким образом, на данной афише мы видим сочетание двух острых тем для общественности: экологии и пандемии, что подтверждает вышеупомянутую идею о том, что социальная реклама является зеркалом общества.

КУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПЛАКАТА

Для усиления влияния на массового реципиента рекламный плакат передает социальное обращение, апеллируя к истории, традициям и культурным понятиям той или иной страны. Национально-специфические особенности жизни и быта определенного лигвосоциума принято обозначать «реалиями» [Борщевский, 2019, с. 25]. К реалиям М. Е. Верещагин также относит имена национальных и фольклорных героев [Верещагин, 1990], которые знакомы всем представителям национально-лингвокультурного сообщества.

В качестве примера обратимся к некоммерческому рекламному плакату, опубликованному в Швейцарской газете «bz.Basel» (см. рис. 3)², который напоминает о первостепенности мер предосторожности и необходимости соблюдения социальной дистанции во время пандемии коронавируса. Сюжет афиши реферирует к сказке братьев Гримм «Das Rotkäppchen» (ср. рус.: Красная Шапочка), ее фабула хорошо известна массовому читателю. На плакате запечатлен эпизод разговора девочки с волком, который похож на изображение коронавируса «SARS-Cov-2». Большая округлая голова является основой вируса,

¹ National Geographic. URL: <https://www.nationalgeographic.fr/environnement/le-nombre-de-masques-jetables-dans-les-oceans-se-multiplie>

² bz.Basel. 2021. URL: <https://www.bzbasel.ch/basel/basel-stadt/kreative-contra-corona-die-plakate-kommen-jetzt-auch-noch-ins-museum-ld.1420288>

Рис. 3

а нос, уши и язык – гликопротеинами (часть вирусной оболочки, подобны присоскам, необходимым вирусу для слияния со здоровой клеткой) [Ruddock, Molinari, 2006]. Подпись на плакате «kein Besuch bei Oma» (ср. рус.: не навещать бабушку) призывает к гражданской ответственности во время пандемии коронавируса и предупреждает о последствиях нарушения самоизоляции через аллегорию с судьбами фольклорных персонажей.

Выбор этой сказки в качестве иллюстрации в швейцарской газете обусловлен тем, что она выступает определенным ключом к пониманию уникальных особенностей, неким культурным кодом, позволяющим реципиенту адекватно декодировать посыл афиши. Сказка «Красная Шапочка» известна также по редакции Шарля Перро, что в условиях многоязычия Швейцарии (официальные языки – немецкий, французский, итальянский и ретороманский) определяет узнаваемость и успех рекламного сообщения.

Отсылки к сказочным героям являются общим признаком для немецко- и франкоязычных рекламных плакатов. Так, на афише, представленной на сайте Министерства сельского хозяйства

Рис. 4

и продовольствия Франции (см. рис. 4)¹, авторы обращаются к сказке Шарля Перро «Le Petit Poucet» (ср. рус.: Мальчик-с-пальчик). Этот плакат посвящен актуальной во французском обществе проблеме расточительного использования продуктов питания («gaspillage alimentaire»). Авторы афиши призывают более осознанно относиться к еде, приводя в качестве антипримера, образца неправильного поведения персонажа, который бросал на землю кусочки хлеба, чтобы впоследствии по ним найти дорогу к дому.

Надпись на плакате гласит: «Petit Poucet a compris combien le pain est précieux» (ср. рус.: Мальчик-с-пальчик понял, насколько ценен хлеб). Аппеляция к культурному наследию, представленному популярной сказкой, обусловлена тем, что сказка традиционно является источником формирования нравственных ценностей. Также афиша является отражением образа жизни представителей французской культуры. Как известно, французам традиционно приписывают такие качества, как бережливость и любовь к еде [Моисеева, 2012].

В этой связи можно говорить о том, что данная рекламная афиша в полной мере отражает особенности французского менталитета.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОГАНА

Язык социального обращения заслуживает особого внимания, так как является важной частью плаката. Ключевую фразу вербального текста рекламы называют слоганом (от *англ.* slogan – «лозунг, девиз»). Слоган в большинстве случаев оригинален и

¹ Ministère de l'agriculture et de l'alimentation. 2021. URL: <https://agriculture.gouv.fr/les-contes-de-lantigaspi-le-ministere-se-mobilise-contre-le-gaspillage-alimentaire>

лаконичен. Он не должен вызывать отторжения у целевой аудитории.

Структура рекламного текста рассчитана на быстрое восприятие. В синтаксисе рекламных текстов доминируют простые предложения, предлагающие короткую и ясную формулировку сути вопроса. Слоганы, представленные на немецкоязычных рекламных плакатах, имеют свои характерные особенности:

- точность формулировки;
- краткость (основная идея изложена в нескольких словах);
- простота (обращение понятно широкому кругу читателей);
- оригинальность;
- запоминаемость.

Однако в некоторых случаях тема настолько серьезная, что автор прибегает к иным способам передачи остроты социальной проблемы. В частности, в качестве примера обратимся к австрийскому молодежному журналу, на обложке которого представлено социальное обращение к целевой аудитории, призывающее задуматься о защите прав несовершеннолетних (см. рис. 5)². Слоган «Du bestimmst selbst, wer dich berühren darf! Dein

² Die Kinderrechte Zeitung. 2018. URL: <https://www.kija-ooe.at/140.htm>

Рис. 5

Körper gehört dir!» (ср. рус.: Ты сам/а решаешь, кто будет к тебе прикасаться! Твое тело принадлежит тебе!) направлен, в первую очередь, на подростковую аудиторию. Для немецкоязычного рекламного текста характерной особенностью является императивная семантика. В данном случае она выражается через обращение на «ты» в восклицательных предложениях с повелительной интонацией для категорического выражения сентенции.

Для усиления обращения автор использует средства выражения субъективной модальности императивной семантики. К лексико-грамматическим средствам можно отнести повторения производных «ты-твой» («du», «dich», «dein», «dir»). Также немаловажную роль в качестве средства выразительности играет звуковая организация, проявляющаяся в звуковой и ритмической упорядоченности.

Следует отметить, что такие характеристики немецкоязычной рекламы, как краткость, оригинальность, запоминаемость и употребление местоимений «ты-твой», также присущи и франкоязычным афишам. Однако, в то время как в немецких афишах используются точные формулировки, французские афиши богаты различными каламбурами и игрой слов, так как «французский язык преуспел в использовании каламбуров как никакой другой» [Федорова, 2017, с. 335]. На рисунке 6¹ – на афише, которая призывает помогать бездомным людям, обыгрывается схожесть названия известного французского бренда *Yves Saint Laurent* (*Ив Сен-Лоран*) со слоганом *Yves Sans Logement* («Ив Сан Ложман» = *Ив Без Дома*), что обеспечивает запоминаемость плаката.

¹ Europe 1. 2021. URL: <https://www.europe1.fr/societe/Yves-Sans-Logement-des-SDF-de-luxe-pour-interpeller-935846>

Рис. 6

ВЫВОДЫ

Анализ эмпирического материала позволяет нам выделить некоторые признаки, характерные для современного европейского рекламного плаката:

1. На сегодняшний день социальная реклама является одним из динамично развивающихся способов взаимодействия между государством и обществом. Афиши социальной рекламы представляют собой отражение существенных проблем для европейского общества в определенный исторический период.

2. Для более эффективного воздействия на реципиента рекламный плакат апеллирует к истории, традициям и культурным понятиям социума, что позволяет сделать вывод о культурной обусловленности данного типа рекламы.

3. Язык слогана социальной рекламы характеризуется лаконичностью, оригинальностью и запоминаемостью. Было установлено, что немецкоязычным рекламным сообщениям присуща точность формулировок, в то время как франкоязычная реклама обращается к различным каламбурам и игре слов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пискунова М. И. Социальная реклама как феномен общественной рефлексии. Медиаскоп. 2004. №1. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11735905&>
2. Калачёва И. И. Фотографии как источник визуального анализа истории повседневности белорусской семьи (по материалам этнологических исследований) // Теория и методы исследований коммуникации / под ред. О. В. Терещенко. Минск: БГУ, 2014. Вып. 3. С. 122–137.
3. Дмитриева Л. М. Социальная реклама: учебное пособие для студентов вузов / под ред. Л. М. Дмитриевой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
4. Николайшвили Г. Г. Социальная реклама: теория и практика: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Связи с общественностью» и «Реклама». М.: Аспект Пресс, 2008.
5. Климова М. А. Социальная реклама в средствах массовой информации: налоговый аспект. Бухгалтерский учет в издательстве и полиграфии. 2011. № 12 (156). С. 28–30.

6. Ученова В. В., Старых Н. В. Социальная реклама: учебное пособие. М.: ИндексМедия, 2006.
7. Борщевский И. С. Способы передачи культурных реалий в межсемиотическом переводе (на примере аудиодескрипции) // Филология и лингвистика. 2019. № 1 (10). С. 25–30.
8. Верещагин Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990.
9. Ruddock L. W., Molinari M. N-glycan processing in ER quality control // Journal of Cell Science. 2006. Vol. 119 (21). P. 4373–4380.
10. Моисеева Л. В. О французском национальном характере. Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2012. № 15. С. 157–164.
11. Федорова Ю. М. Лингвостилистические особенности французского каламбура и способы его воссоздания при переводе // Актуальные вопросы филологии и переводоведения в свете современных исследований. Чебоксары, 2017. С. 332–337.

REFERENCES

1. Piskunova, M. I. (2004). Socialnaya reklama kak fenomen obshchestvennoj refleksii = Social advertising as a phenomenon of public reflection. <https://elibrary.ru/item.asp?id=11735905> & (In Russ.).
2. Kalachyova, I. I. (2014). Fotografii kak istochnik vizual'nogo analiza istorii povsednevnosti belorusskoj sem'i (po materialam jetnologicheskikh issledovanij) = Photographs as a source of visual analysis of the history of everyday life of the Belarusian family (based on ethnological research). *Teoriya i metody issledovanij kommunikacii* (vol. 3, pp. 122–137). (In Russ.)
3. Dmitrieva, L. M. (2009). Socialnaya reklama = Social advertisement. (In Russ.)
4. Nikolajshvili, G. G. (2008). Social'naya reklama: teoriya i praktika = Social advertising: theory and practice. (In Russ.)
5. Klimova, M. A. (2011). Socialnaya reklama v sredstvakh massovoj informacii: nalogovyj aspekt = Social advertising in the media: tax aspect. *Buhgalterskij uchet i izdatel'stve i poligrafii*, 12(156), 28–30. (In Russ.)
6. Uchenova, V. V., Saryh, N. V. (2006). Socialnaya reklama = Social advertisement. (In Russ.)
7. Borshchevskij, I. S. (2019). Sposoby peredachi kul'turnyh realij v mezhsemiticheskom perevode (na primere audiodescripcii) = Ways of transmitting cultural realities in intersemiotic translation (on the example of audio description). *Filologija i lingvistika*, 1(10), 25–30. (In Russ.)
8. Vereshchagin, E. M. (1990). Yazyk i kul'tura: Lingvostранovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo = Language and culture: Linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language. (In Russ.)
9. Ruddock, L. W., Molinari, M. (2006). N-glycan processing in ER quality control. *Journal of cell science*, 119(21), 4373–4380.
10. Moiseeva, L. V. (2012). O francuzskom nacional'nom haraktere = About the French national character. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii*, 15, 157–164. (In Russ.)
11. Fedorova, Yu. M. (2017). Lingvostilicheskie osobennosti francuzskogo kalambura i sposoby ego vossozdaniya pri perevode = Linguistic and stylistic features of the French pun and ways to recreate it in translation. In *Aktual'nye voprosy filologii i perevodovedeniya v svete sovremennykh issledovanij* (pp. 332–337). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дедюрина Екатерина Юрьевна

старший преподаватель кафедры фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка Института иностранных языков им. М. Тореза Московского государственного лингвистического университета

Северина Екатерина Андреевна

старший преподаватель кафедры второго иностранного языка Института иностранных языков им. М. Тореза Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dediurina Ekaterina Yurevna

Senior Lecturer, Department of French Phonetics and Grammar,
Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Severina Ekaterina Andreevna

Senior Lecturer, Department of Second Foreign Languages,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.02.2022
одобрена после рецензирования 01.03.2022
принята к публикации 09.03.2022

The article was submitted 04.02.2022
approved after reviewing 01.03.2022
accepted for publication 09.03.2022

Научная статья
УДК 81-23
DOI 10.52070/2542-2197_2022_3_858_46

К вопросу о классификации ценностей и антиценностей

В. А. Ильина

*АНО ВО «Российский новый университет», Москва, Россия
violette-viola@inbox.ru*

Аннотация. Классификация ценностей и антиценностей меняется качественно и количественно в зависимости от метода исследования. Применение компонентного анализа и метода психосемантического дифференциала обуславливает разделение ценностей и антиценностей на разные по количеству и составу группы. Материалом исследования являются 68 базовых ценностей и антиценностей, по данным психосемантического эксперимента.

Ключевые слова: ценность, антиценность, компонентный анализ, психосемантический эксперимент, кластерный анализ

Для цитирования: Ильина В. А. К вопросу о классификации ценностей и антиценностей // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 3(858). С. 46–53. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_46

Original article

Values and Anti-Values Classification

V. A. Ilina

*Russian New University, Moscow, Russia
violette-viola@inbox.ru*

Abstract. The classification of values and anti-values varies in quality and quantity because of the approach to its description. The component analysis and the method of psychosemantic differential are applied. The division of values and anti-values into groups that differ in number and components is based on these methods. The research material is 68 basic values and anti-values, data from a psychosemantic experiment.

Keywords: value, anti-value, component analysis, psychosemantic experiment, cluster analysis

For citation: Ilina, V. A. (2022). A cross-disciplinary approach to the study of values. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(858), 46–53. 10.52070/2542-2197_2022_3_858_46

ВВЕДЕНИЕ

Трансформации содержания ценностей представляют интерес не только для отечественных (Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, В. Н. Телия, М. С. Каган и др.), но и зарубежных исследователей (М. Рокич, Ш. Шварц, Р. Инглхарт, К. Шатене и др.). С целью формирования психологического портрета представителя современного общества мы рассмотрим результаты эксперимента, проведенного в рамках исследования базовых ценностей россиян, при этом отметим, что с алгоритмом, процедурой анализа, теоретическими основаниями подхода к их исследованию можно ознакомиться в учебном пособии [Вашунина и др., 2020]; в нашу задачу будет входить непосредственно сопоставительное описание групп (семантические поля) ценностей и антиценностей, выявленных при помощи метода компонентного анализа [Ильина, 2015], а также групп ценностей и антиценностей, сформированных в результате оценки объектов по шкалам семантического дифференциала, представленных с помощью процедур кластерного анализа.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ ЦЕННОСТЕЙ

Содержание ценностей в сознании носителей русской культуры является еще недостаточно разработанной областью исследования, которое осуществляется при помощи методов различных наук, в том числе лингвистического метода компонентного анализа; его применение помогло нам описать базовые ценности россиян, сгруппировав их на основе выявленных общих сем в содержании дефиниций, предложенных в лексикографических [Шведова, 1998; Ушаков, 1994, т. 2; Евгеньева, 2002; Евгеньева, 1982, т. 2] и энциклопедических [Головин, 1998; Грицанов, 1998; Зинченко, 1999; Грицанов, 2010] источниках. Нам удалось выявить три группы. В группу «государственные ценности» вошли безопасность, власть, могущество, независимость, долг, законность, известность, сотрудничество. Группу «общечеловеческие (универсальные) ценности» образовали мир, порядочность, равенство, свобода, смысл, вера, доверие, внимательность (внимание к людям), надежда, Родина, семья, здоровье, достаток, убеждение, природа, уважение, творчество, труд, профессионализм, образование, развитие, успех. Группу «аффективно-когнитивные ценности» составляют такие ценности, как согласие, справедливость, покой, стабильность, любовь, удовольствие, дружба, милосердие.

КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТЕЙ

При помощи метода семантического дифференциала была составлена классификация ценностей как результат экспериментального исследования отношения к этим объектам, оформленная в виде Дендрограммы 1 (рис. 1), на которой представлен список классифицируемых объектов, соединенных между собой и образующих группы на основе сходства между ними [Вашунина и др., 2020].

Если на уровне анализа семантических компонентов, отраженных в статьях в энциклопедических словарях и лексикографических источниках, мы выделили одну группу «государственные ценности», то результаты оценки объектов по шкалам семантического дифференциала, представленные с помощью процедур кластерного анализа, позволили нам описать представления носителей русской культуры о связи ценностей друг с другом. Данная группа распадается на пять отдельных групп: 1) *власть и долг*; 2) *безопасность, дружба и Родина*; 3) *законность, известность и могущество*; 4) *убеждение и сотрудничество*; 5) *независимость и удовольствие*.

В первой группе ценности *власть и долг* объединяет сема «принуждение». *Власть* может трактоваться как внешнее принуждение, а *долг* как

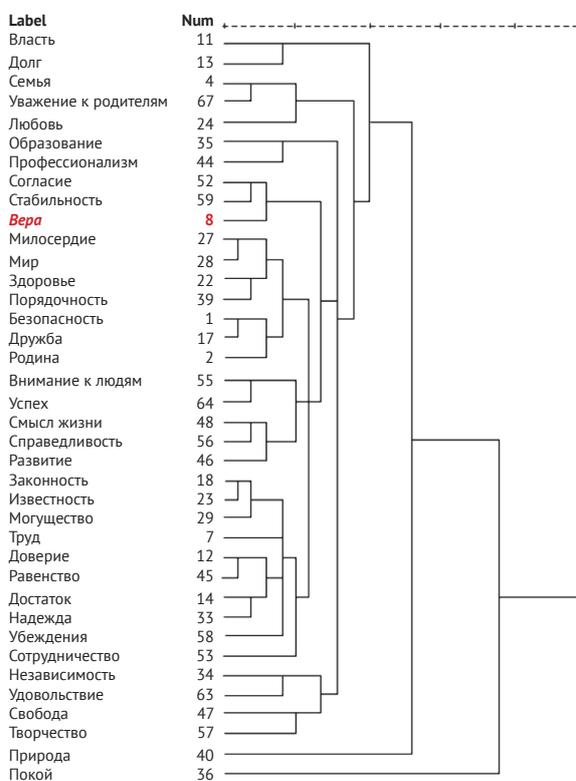

Рис. 1. Дендрограмма 1

внутреннее принуждение самого человека к совершению поступка.

Во второй группе ценность *безопасность* отделяется от государственных ценностей и ассоциируется с аффективно-когнитивной ценностью *дружба* и общечеловеческой ценностью *Родина*. Очевидна положительная оценка ценностей *дружба* и *Родина* в контексте ценности *безопасность*.

Третью группу образуют *законность, известность, могущество* с общим значением «сила». По мнению опрошенных, не только закон ассоциируется с силой, но и *известность* как признанность обладает силой. Что же касается ценности *могущество*, «сила» интерпретируется как атрибут государственной власти.

Четвертую группу составляет ценность *сотрудничество*, которая ассоциируется не с государственными ценностями, а с *доверием, равенством, достатком, надеждой и убеждением*, т. е. с общечеловеческими ценностями. Можно предположить скрытую негативную реакцию на сотрудничество с государством и стремление оценивать *сотрудничество* как общечеловеческую ценность.

В пятую группу входит ценность *независимость* и аффективно-когнитивная ценность *удовольствие*. *Независимость* осмысливается как положительное переживание, приобретает больше личностный характер (стремление к получению большей свободы) в контексте ценности *удовольствие*. В сознании носителей русской культуры ценность *независимость* ассоциируется с человеком, а не государством, классифицируется как общечеловеческая ценность.

Лингвистическая группа «общечеловеческие (универсальные) ценности» распадается на 13 отдельных групп по результатам психосемантического эксперимента:

- 1) *семья, уважение к родителям, любовь*;
- 2) *образование и профессионализм*;
- 3) *согласие, стабильность и вера*;
- 4) *милосердие, мир, здоровье, порядочность*;
- 5) *Родина и дружба, безопасность*;
- 6) *внимание к людям, успех*;
- 7) *смысл жизни, справедливость, развитие*;
- 8) *труд и закон, известность, могущество*;
- 9) *доверие, равенство*;
- 10) *достаток, надежда*;
- 11) *убеждение и равенство, достаток, надежда*;
- 12) *свобода, творчество*;
- 13) *природа* и косвенная связь со всеми ценностями (кроме ценности *покой*).

Ценности *семья и уважение к родителям* образуют группу с аффективно-когнитивной ценностью *любовь*. Семья невозможна не только без уважения к родителям, но и без любви, что подчеркивает

исключительно положительное отношение к традиционным ценностям русской культуры, передающимися из поколения в поколение. Современные тенденции, в рамках которых предлагается новая модель нетрадиционной семьи, для носителей русской культуры по-прежнему неприемлемы.

Логичным представляется выделение второй группы из двух ценностей *образование и профессионализм*, так как образование ассоциируется в сознании респондентов с профессионализмом. Благодаря образованию личность приобретает опыт, который является одной из основополагающих черт профессионализма.

В отдельную группу респонденты выделили ценность *вера*, объединив ее с аффективно-когнитивными ценностями *согласие, стабильность*. Вера воспринимается как оплот духовности, дает чувство стабильности и согласия, способствует переживанию душевного равновесия.

Ценности *мир, здоровье, порядочность* образуют четвертую группу, в которую включена и аффективно-когнитивная ценность *милосердие*. Современному социуму не хватает здоровья как состояния полного физического благополучия, милосердия как заботы, мира как покоя. *Порядочность* как ценность становится актуальной только в относительно здоровом во всех отношениях обществе.

Следующая группа включает в себя ценность *Родина*, которая ассоциируется с государственной ценностью *безопасность*, что подразумевает положительную оценку внутренней и внешней политики, а также аффективно-когнитивную ценность *дружба*. У ценностей *дружба и Родина* появляется общий семантический компонент «отсутствие опасности» в контексте ценности *безопасность*.

Объединение ценностей *внимание к людям и успех* в шестую группу основывается на ассоциативной связи. Одним из залогов успеха является внимание к людям.

Смысл жизни как высшая ценность человеческого существования и *развитие* как прогресс образуют седьмую группу, в которую включена аффективно-когнитивная ценность *справедливость* – категория морали. По мнению респондентов развитие и определение смысла жизни тесно связаны с переживанием справедливости как добродетели.

В восьмую группу респонденты выделили ценность *труд*, но объединили ее с государственными ценностями *законность, известность, могущество*. Очевидна ассоциативная связь труда и законности (право на труд, оформленное на законодательном уровне), труда и известности (традиционное отношение к труду заложено на генетическом уровне: всякий труд у нас в почете, прославиться можно

при помощи трудовых подвигов), труда и могущества (экономические и политические достижения как результат трудовой деятельности, способствующей могуществу государства).

Ценности *доверие* и *равенство* формируют отдельную группу, при этом связи на уровне семантики у этих ценностей нет. Доверие можно определить как веру, а равенство как характеристику определенного общественного состояния, но тем не менее в сознании респондентов эти две ценности образуют группу, так как для того, чтобы возникло доверие, необходимо равенство.

Несмотря на отсутствие семантической связи, ценности *достаток* и *надежда* входят в состав десятой группы. На ассоциативном уровне достаток (отсутствие нужды) всегда сопровождается надежда (вера в возможность реализации благоприятного события) на его приобретение в настоящем времени или надежда на возможность иметь достаток в будущем.

С группой ценностей *равенство*, *достаток*, *надежда* связана ценность *убеждение*. Равенство, достаток и надежда ассоциируются с убеждением как более высокой степенью уверенности в достижении цели.

«Выбор» как общий семантический компонент ценностей *творчество* и *свобода* описывается на основе ассоциативной связи между этими объектами. Творчество предусматривает свободу выбора, и только там, где есть свобода, может возникнуть истинное творчество.

Максимально многочисленную группу по формальному признаку (количество членов группы) составляют ценности *природа* и остальные ценности (кроме ценности *покой*), связанные с ней косвенно. Природа как материя, универсум, Вселенная связана с жизнедеятельностью человека, его мировосприятием и духовным началом. Именно поэтому ценность *природа* ассоциируется практически со всеми ценностями.

В-третьих, группа «аффективно-когнитивные ценности» распадается на семь групп:

- 1) *согласие* и *стабильность*;
- 2) *справедливость* и *смысл жизни*;
- 3) *справедливость*, *природа* и *покой*;
- 4) *семья*, *уважение к родителям* и *любовь*;
- 5) *независимость* и *удовольствие*;
- 6) *безопасность* и *дружба*;
- 7) *милосердие* и *мир*.

Аффективно-когнитивные ценности *согласие* и *стабильность* выделяются респондентами в отдельную группу, так как на ассоциативном уровне они тесно связаны. Стабильность как прочность нуждается в достижении согласия как основы для успешной реализации совместной деятельности.

Во второй группе оказывается ценность *справедливость*, тесно связанная с общечеловеческой ценностью *смысл жизни*. Стремление к справедливости как архетипическая черта русского характера ассоциируется со смыслом жизни.

Многочисленная по формальному признаку третья группа образована большинством ценностей [Вашунина и др., 2020], опосредованно связанных с ценностью *покой*. Заслуживает внимания тот факт, что *природа* и *покой*, косвенно связанные со всеми ценностями, не выделяются носителями русской культуры в самостоятельную группу. На современном этапе развития общества природа не ассоциируется с покоем.

Ценность *милосердие* максимально тесно связана с общечеловеческой ценностью *мир*. Мир в сознании носителей русской культуры ассоциируется с милосердием. Респонденты выражают в речи идеальный образ мира, частью которого является основополагающее для русской культуры христианское мироощущение.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ АНТИЦЕННОСТЕЙ

В рамках исследования базовых ценностей россиян [там же] были проанализированы семантические компоненты антиценностей, с опорой на которые мы описали семантические поля в виде трех лингвистических групп:

1) государственные антиценности (*беззаконие*, *вырождение*, *безработица*, *взяточничество*, *война*, *святошество*, *безответственность*);

2) общечеловеческие (универсальные) антиценности (*бездуховность*, *глупость*, *корысть*, *неудача*, *бедность*, *болезнь*, *загрязнение*, *наркомания* и *алкоголизм*, *разврат*, *непрофессионализм*, *разобщенность*);

3) аффективно-когнитивные антиценности (*слабость*, *хамство*, *черствость*, *агрессия*, *лень*, *одиночество*, *жестокость*, *зависть*, *месть*, *обман*, *подлость*, *порабощение*).

КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ АНТИЦЕННОСТЕЙ

В результате применения метода семантического дифференциала три лингвистические группы образуют шестнадцать групп на основе кластерного анализа. Между компонентами существуют ассоциативные связи, и это наглядно представлено в виде Дендрограммы 2 на рисунке 2 [Вашунина и др., 2020, с. 17].

Во-первых, группа «государственные антиценности» подразделяется на четыре группы:

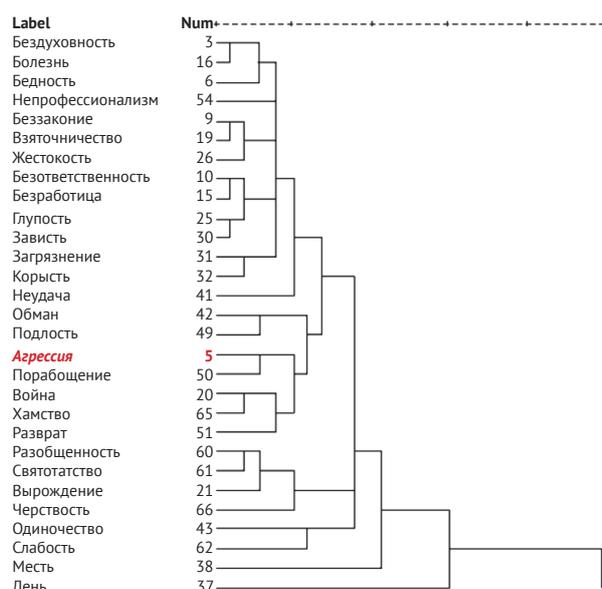

Рис. 2. Дендрограмма 2

- 1) *беззаконие, взяточничество;*
- 2) *разобщенность, святотатство и вырождение;*
- 3) *безответственность и безработица;*
- 4) *война и хамство.*

Первую группу образовали две государственные антиценности *беззаконие* и *взяточничество*, обладающие общей семей «грех». Не только в лексикографических и энциклопедических источниках находит свое отражение эта связь, но и в сознании носителей русской культуры. Взяточничество как вымогательство оценивается крайне негативно и ассоциируется с беззаконием как злоупотреблением.

Во вторую группу входят универсальные антиценности *разобщенность* и *святотатство*, *вырождение*, которые семантически не связаны. Разобщенность как разрозненность, святотатство как кощунство и вырождение как дегенерация по мнению респондентов имеют нечто общее, например, причинно-следственную связь между этими объектами. Разобщенность и святотатство могут привести в конечном счете к вырождению.

В состав третьей группы вошли антиценности *безответственность* и *безработица*. Безответственность как головотяпство и безработица как незанятость на семантическом уровне не связаны. Однако, по мнению респондентов, они образуют группу, в основе которой лежит причинно-следственная связь на ассоциативном уровне. Следствием безответственности как раз и может стать безработица.

Четвертую группу образуют антиценность *война* и аффективно-когнитивная антиценность

хамство. Война как борьба и хамство как бессовестность на семантическом уровне не связаны. Война как борьба на уровне государств предполагает наличие определенных ресурсов и силовых аргументов. Объединив войну с хамством, носители русской культуры ассоциируют выяснение отношений на межличностном уровне, а также их масштаб с войной.

Во-вторых, группа «общечеловеческие (универсальные) антиценности» подразделяется на семь групп:

- 1) *глупость и зависть;*
- 2) *бездуховность, болезнь и бедность;*
- 3) *загрязнение и корысть;*
- 4) *безответственность, безработица, глупость, зависть, загрязнение, корысть и неудача;*
- 5) *бездуховность, болезнь, бедность и непрофессионализм;*
- 6) *война, хамство и разврат;*
- 7) *разобщенность, святотатство.*

Первую группу образуют антиценность *глупость* и аффективно-когнитивная антиценность *зависть*. Глупость, определяемая по словарю как идиотство, и зависть как порок не имеют общих семантических компонентов, но респонденты их объединяют, так как в сознании носителей русской культуры есть взаимообусловленная связь между глупостью и завистью. Как правило, глупость как черта характера провоцирует зависть как негативное переживание.

Вторую группу образуют антиценности *бездуховность*, *болезнь* и *бедность*. Бездуховность как противоречие нравственным догматам веры, болезнь как немощь и бедность как скудость обладают общим семантическим компонентом «убожество» на ассоциативном уровне. Другими словами, бездуховность – это болезнь, а бедность – это нездоровое, противоестественное социальное явление.

Антиценности *загрязнение* и *корысть* входят в состав третьей группы. Загрязнение как засорение и корысть как стремление получить материальную выгоду любым способом не имеют общих семантических компонентов, тем не менее выделяются в отдельную группу. Напрашивается вывод о наличии ассоциативной связи между корыстью и загрязнением, между желанием получить личную выгоду любым способом, даже ценой нанесения ущерба окружающей среде.

Четвертую группу составляют государственные антиценности *безответственность* и *безработица*, аффективно-когнитивная антиценность *зависть*, а также *глупость*, *загрязнение*, *корысть*, *неудача*. Безответственность как головотяпство, безработица как незанятость, зависть как порок,

глупость как идиотство, корысть как стремление получить материальную выгоду любым способом, неудача как провал обладают общим семантическим компонентом «злосклонение» на ассоциативном уровне. Безответственность, безработица, зависть, глупость, корысть рассматриваются в контексте антиценности *неудача*. Именно неудача сопутствует безответственности, безработице, зависть может быть следствием неудачи, глупость – ее причиной, корысти часто сопутствует неудача, и эта многогранная связь находит свое отражение в сознании респондентов.

Пятая группа состоит из антиценностей *непрофессионализм* и *бездуховность, болезнь, бедность*. Непрофессионализм входит в указанную группу при помощи вторичной или опосредованной связи. Поэтому мы выделяем эту антиценность в отдельную группу, а не присоединяем к уже существующей второй группе, в которой связь между объектами непосредственная. Непрофессионализм как дилетантизм органично присоединяется к группе, в которой *бездуховность* как противоречие нравственным догматам веры, *болезнь* как немощь и *бедность* как скудость обладают общим семантическим компонентом «убожество» на ассоциативном уровне. Выражаясь иначе, к *бездуховности* как болезни духа и *бедности* как болезни социума добавляется *непрофессионализм* как профессиональный недуг (отсутствие необходимого уровня знаний и навыков для успешного взаимодействия в профессиональной сфере).

В шестую группу входят государственная антиценность *война*, аффективно-когнитивные антиценности *хамство* и *разврат*. *Разврат* входит в указанную группу при помощи опосредованной связи. Война как борьба, хамство как бессовестность, разврат как распущенность на семантическом уровне не связаны. Респонденты выражают крайне негативное отношение не только к войне, хамству, но и к разврату как к нарушению всех морально-нравственных устоев традиционного общества, в рамках которого считается неприемлемым проявление агрессии в любой форме по отношению к другим членам общества.

Седьмая группа состоит из непосредственно связанных антиценности *разобщенность* и государственной антиценности *святотатство*. *Разобщенность* как разрозненность и *святотатство* как кощунство не имеют общих семантических компонентов. В основе ассоциативной связи лежит причинно-следственная связь между ними. *Святотатство* может быть причиной *разобщенности*.

В-третьих, в рамках группы «аффективно-когнитивные антиценности» на основе экспериментальных данных было выделено девять групп:

- 1) *слабость* и *одиночество*;
- 2) *война* и *хамство*;
- 3) *разобщенность, святотатство, вырождение* и *черствость*;
- 4) *агрессия* и *порабощение*;
- 5) *черствость, одиночество, слабость, месть* и *лень*;
- 6) *беззаконие, взяточничество* и *жестокость*;
- 7) *глупость* и *зависть*;
- 8) *разобщенность, святотатство, вырождение, черствость, одиночество, слабость* и *месть*;
- 9) *обман* и *подлость*.

Первую группу образуют семантически не связанные аффективно-когнитивные антиценности *слабость* и *одиночество*. В сознании носителей русской культуры на ассоциативном уровне одиночество воспринимается как слабость, личность не обладает достаточным потенциалом для преодоления негативно оцениваемого состояния.

В состав третьей группы входит общечеловеческая антиценность *разобщенность*, государственные антиценности *святотатство* и *вырождение*, а также *черствость*. *Разобщенность* как обособленность, *святотатство* как кощунство, *вырождение* как дегенерация и *черствость* как бесчеловечность не имеют общих семантических компонентов. В основе ассоциативной связи лежит причинно-следственная связь. *Святотатство* и *черствость* являются причиной *разобщенности*, а ее следствием может быть *вырождение*.

Аффективно-когнитивные антиценности *агрессия* и *порабощение* образуют четвертую группу. *Агрессия* как враждебность и *порабощение* как колонизация обладают общим семантическим компонентом «захват» и на ассоциативном уровне носителям русской культуры они представляются как явления одного порядка, так как любая агрессия в конечном счете может привести к порабощению физическому, политическому, экономическому или духовному.

Пятая группа аффективно-когнитивных антиценностей состоит из *лени* и косвенно связанных с ней других антиценностей (*черствость, одиночество, слабость, месть*). *Черствость* как бесчеловечность, *месть* как намеренное причинение зла, *одиночество* как покинутость, *слабость* как недостаточная твердость и *лень* как апатия не имеют общих семантических компонентов, но существование этой группы подразумевает наличие такой связи. Например, одной из причин *черствости* может быть душевная *лень* (нежелание воспитывать в себе морально-нравственные качества), *одиночество* переживается личностью из-за *лени* (нежелание

боротся с нехваткой общения или эмоционального контакта с окружающими), слабость как временное негативное состояние может возникнуть из-за лени (нежелание противостоять возникшим трудностям), месть как негативное переживание может иметь отношение к лени (скрытая агрессия как реакция на свою пассивность и нежелание разобраться в сути конфликтной ситуации).

Следующая группа состоит из государственных антиценностей *беззаконие* и *взяточничество*, а также аффективно-когнитивной антиценности *жестокость*. Беззаконие как злоупотребление, взяточничество как вымогательство, жестокость как бесчеловечность обладают общей семой «грех». Беззаконие и взяточничество являются общественным злодеянием, а жестокость – злодеянием нравственного порядка, в целом они все направлены против человека и общества.

Самостоятельную группу образуют общечеловеческая антиценность *разобщенность*, государственная антиценность *святотатство* и *вырождение*, аффективно-когнитивная антиценность *черствость*, *одиночество*, *слабость*, а также *месть*. Разобщенность как обособленность, святотатство как кошунство, вырождение как дегенерация, черствость как бесчеловечность, одиночество как покинутость, слабость как недостаточная твердость, месть как намеренное причинение зла не имеют общих семантических компонентов. В основе ассоциативной связи лежит причинно-следственная связь. Святотатство, черствость, одиночество являются причиной разобщенности, а ее следствием может быть вырождение. Описанные выше антиценности являются негативными эмоциональными переживаниями, в основе которых лежит фрустрация, способная инициировать месть как личностную

реакцию на разочарование, неосуществление цели или потребности.

В девятую группу входят антиценности *обман* и *подлость*. Обман как мошенничество и подлость как бесчестность обладают общим семантическим компонентом «отсутствие честности», на ассоциативном уровне обман воспринимается носителями русской культуры как подлость, что свидетельствует о культурной традиции крайне низко оценивать людей, склонных ко лжи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лингвистические группы («государственные ценности», «общечеловеческие (универсальные) ценности», «аффективно-когнитивные ценности») качественно и количественно отличаются от групп, выявленных при помощи метода семантического дифференциала. С помощью процедур кластерного анализа в группе «государственные ценности» было выделено пять отдельных групп, «государственные антиценности» – 4; в группе «общечеловеческие (универсальные) ценности» – 13, «общечеловеческие (универсальные) антиценности» – 7; в группе «аффективно-когнитивные ценности» – 7, «аффективно-когнитивные антиценности» – 9. В качестве промежуточных итогов отметим, что, во-первых, границы лингвистических групп практически полностью размываются. Во-вторых, компоненты этих групп образуют новые поля на основе ассоциативной связи. В-третьих, описание групп ценностей и антиценностей при помощи двух методов расширяет уже существующее представление о содержании ценностей усредненного представителя русской культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Базовые ценности носителей русской культуры: учебное пособие для студентов иностранцев / И. В. Вашунина и др. М.: РУДН, 2020.
2. Ильина В. А. Группы базовых ценностей и антиценностей россиян // Жизнь языка в культуре и социуме-5. М.: Канцлер, 2015. С. 173–174.
3. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; под общей редакцией Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998.
4. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под редакцией Д. Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1994. Т. 2.
5. Словарь синонимов русского языка / под редакцией А. П. Евгеньевой. М.: АСТ, Астрель, 2002.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / под редакцией А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1982. Т. 2. К–О.
7. Головин С. Ю. Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1998.
8. Грицанов А. А. Новейший философский словарь / главный научный редактор и составитель А. А. Грицанов. Мн.: Изд. В. М. Скакун, 1998.
9. Зинченко В. П. Психологический словарь / под редакцией В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. М.: Педагогика-Пресс, 1999.

10. Грицанов А. А. Новейший социологический словарь / составители А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко и др. Мн.: Книжный дом, 2010.

REFERENCES

1. Vashunina, I. V. et al. (2020). Bazovye cennosti nositelej russkoj kul'tury = Basic values of Russian culture representatives: a textbook for foreign students. Moscow: RUDN. (In Russ.)
2. Il'ina, V. A. (2015). Gruppy bazovyh cennostej i anticennostej rossiyan = Basic values and anti-values groups of Russians. Language life in culture and society, 5, 173–174. Moscow: Kancler. (In Russ.)
3. Shvedova, N. Yu. (1998). Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij = Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary systematized by classes of words and meanings. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)
4. Ushakov, D. N. (1994). Tolkovyj slovar' russkogo yazyka = Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vols. (Vol. 2). Moscow: Russkie slovari. (In Russ.)
5. Evgen'eva, A. P. (2002). Slovar' sinonimov russkogo yazyka = Dictionary of synonyms of the Russian language. Moscow: AST, Astrel'. (In Russ.)
6. Evgen'eva, A. P. (1982). Slovar' russkogo yazyka = Dictionary of the Russian language: in 4 vols. (Vol. 2. K–O). Moscow: Russkij yazyk. (In Russ.)
7. Golovin, S. Yu. (1998). Slovar' prakticheskogo psihologa = Dictionary of a practical psychologist. Minsk: Harvest. (In Russ.)
8. Gricanov, A. A. (1998). Novejšij filosofskij slovar' = The newest philosophical dictionary. Minsk: V. M. Skakun. (In Russ.)
9. Zinchenko, V. P. (1999). Psihologicheskij slovar' = Psychological Dictionary. Moscow: Pedagogika-Press. (In Russ.)
10. Gricanov, A. A. (2010). Novejšij sociologičeskij slovar' = The newest sociological dictionary. Minsk: Knizhnyj dom. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильина Виолетта Александровна

доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода
Российского нового университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilina Violetta Alexandrovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor of the Department of Translation Theory and Practice,
Russian New University

Статья поступила в редакцию 04.02.2022
одобрена после рецензирования 01.03.2022
принята к публикации 09.03.2022

The article was submitted 04.02.2022
approved after reviewing 01.03.2022
accepted for publication 09.03.2022

Научная статья
 УДК 81-112, 811.111'36
 DOI 10.52070/2542-2197_2022_3_858_54

Диахронические процессы в грамматике английского языка: экспансия Continuous

Е. Н. Коршунова¹, М. А. Салькова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹elenkorsh@gmail.com

²smartletters@mail.ru

Аннотация. Объектом диахронического анализа в статье выступает форма длительного вида (Continuous), аккумулирующая формальные и содержательные возможности предыдущих состояний английского языка и его современности. Вследствие интерференции смыслового потенциала формообразующих источников, ревизии глаголов, совместимых с Continuous, и дискурсивных задач авторов художественных текстов сегодняшний длительный вид оказывается чрезвычайно мобильной грамматической формой, продолжающей свою экспансию.

Ключевые слова: глагол, длительный вид, Continuous, древнеанглийский, среднеанглийский, новоанглийский

Для цитирования: Коршунова Е. Н., Салькова М. А. Диахронические процессы в грамматике английского языка: экспансия Continuous // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3 (858). С. 54–61. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_54

Original article

Historical Processes in English Grammar: Expansion of Continuous

Elena N. Korshunova¹, Marina A. Sal'kova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹elenkorsh@gmail.com

²smartletters@mail.ru

Abstract. The object of historical analysis in the article is the Continuous aspect form that accumulates the formal and meaningful abilities of the former and present-day states of the English language. Resulting from the interference of the semantic potential of the form-building sources, recognition of a larger list of verbs exposing compatibility with the Continuous, and discursive tasks of literary writers, today's Continuous aspect appears a most flexible grammatical form that keeps its gradual expansion.

Keywords: verb, aspect, Continuous, Old English, Middle English, New English

For citation: Korshunova, E. N., Sal'kova, M. A. (2022). Historical processes in English grammar: expansion of Continuous. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(858), 54–61. 10.52070/2542-2197_2022_3_858_54

ВВЕДЕНИЕ

Формы Progressive / Continuous развились в общем русле аналитических тенденций средне- и новоанглийского периодов. Хотя до сих пор не до конца ясны источники их происхождения, современные грамматисты уверенно определяют категориальный статус этих форм как видовых; как в зарубежных, так в отечественных исследованиях в рамках данной категории им противопоставляются и простые (*Simple*) и перфектные (*Perfect*) формы [Crystal, 2019; Quirk, Wrenn, 1989].

Базовое значение форм длительного вида, сформулированное в прескриптивных грамматиках, определяется как *действие в развитии в ограниченный отрезок времени*. Норма языка предписывала, что данное употребление характерно только для динамических глаголов, предполагающих возможность действия иметь процессную фазу. При этом парадигма форм, инкорпорирующих грамматическое значение Continuous, значительно меньше, чем у форм общего вида, особенно в пассиве и в сочетании с перфектом.

Синхронные и диахронные исследования выделяют рост частотности длительных (Progressive / Continuous) форм как одно из самых ярких явлений естественного развития современного английского языка [Crystal, 2019; Baugh, Cable, 2002]. Отмечаемые профессиональным сообществом изменения затрагивают, в первую очередь, смысловую сферу применения форм длительного вида – она неуклонно расширяется в глобализирующемся и быстро обновляющемся мире, увеличивается охват семантических групп глаголов, имеющих формы длительного вида. Сложные формы Continuous, отражающие межкатегориальные связи внутри грамматической системы, также расширяют семантические возможности длительного вида. Так, авторы «Cambridge Grammar of English» [Carter, McCarthy, 2006] рассматривают формы Future Perfect Continuous *will have been being done* и Passive Future Continuous *will be being done* как неотъемлемую часть сегодняшней парадигмы (хотя и относят последние к классу составного модального сказуемого).

Высокая популярность Continuous у пользователей и исследователей делает его актуальным объектом грамматического анализа.

МАТЕРИАЛЫ. МЕТОДОЛОГИЯ

Диахронический анализ примеров из культурологически значимых произведений английской художественной литературы, написанных в период с конца XVI века до наших дней, позволяет проследить

финальный этап становления Continuous на фоне формирования литературного английского языка и кодификации его письменной нормы (XVI–XVIII вв.), этапе борьбы за расширение парадигмы длительных форм при существовании императивной нормы (XIX в.) и этапе зарождения и развития новых тенденций в сфере длительного вида (XX–XXI вв.).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ CONTINUOUS И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Источник развития форм длительного вида исследователи находят в письменных памятниках **древнеанглийского периода**. Структура *beon + причастие настоящего времени с окончанием -ende* со значением не ограниченного во времени состояния, хотя и представленная спорадически, справедливо рассматривается историками языка как основа для происхождения длительных форм [Algeo, 2010; Baugh, Cable, 2002; Quirk, Wrenn, 1989; Cambridge History¹, 2006].

Существует мнение, что первоначально длительные формы возникли при переводе латинских текстов как потребность в адекватной передаче смысла оригинала [Baugh, Cable, 2002]. Малочисленность таких форм в исходно англоязычных текстах Р. Кверк [Quirk, Wrenn, 1989] объясняет тем, что для неопределенных глаголов идея длительного действия имплицитно лексическим значением и не требует особых грамматических средств выражения; в этом же направлении мыслят авторы раздела о синтаксисе «Кембриджской истории английского языка» [Cambridge History, 2006]².

Интерпретируя древние источники, кембриджские историки объясняют, что в новой форме экзистенциальный глагол *beon* выступает в качестве связки, причастие на *-ende* по своим свойствам ближе к прилагательному: оно склоняется, употребляется с отрицательными адъективными приставками, усиливается наречиями степени. В большинстве случаев структура выполняет функцию составного именного сказуемого. Примеры, в которых структура имеет значение, близкое к акционально-глагольному, встречаются редко:

...hit God siþþan longsumlice **wrecende wæs**... (...it God then long **avenging was**...; ...and God **avenged** this [on him and his family] for a long time) (*Or* 2 1.35.30) [цит. по: Cambridge History, 2006, с. 138]

¹ Cambridge History – см. в списке источников: Hogg R., Denison D. A History of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

² Раздел «Синтаксис», авторы Ольга Фишер и Вим ван дер Вурфф.

Во многих случаях древнеанглийская структура не имела значения длительности и практически не отличалась от обычных форм настоящего времени изъявительного наклонения, ср.:

Ic mē *gebidde* to ðæm Gode þe *bīo eardigende* on heofonum – ‘I *pray* (at this moment) to the God who *is dwelling* (not only at this moment) in the heavens’ [цит. по: Quirk, Wrenn, 1989, с. 80].

При этом Р. Кверк отмечает, что уже в древнеанглийском новая единица обладала большей силой воздействия на читателя, особенно в ингрессивном значении:

Ʒætte nǣnig ... wǣre āwendende þās ūre dōmas (‘That no one *should set about changing* these our decrees’) [цит. по: Quirk, Wrenn, 1989, с. 80].

Историки из Кембриджа также видят у новой структуры оттенок настойчивости (персистентности), объясняя его кельтским влиянием. В таком употреблении глагол-сказуемое стоит в прошедшем времени и, соседствуя с обстоятельством времени, описывает длительную ситуацию:

...he *was herriende* and *feohtende* fiftig wintra, oð he hæfdee eallt Asiam on his geweald genyd (...he *kept attacking* and *fighting* for fifty years until he had compelled all of Asia into his dominion) (Or 1 2.2:25, taken from *Strang*, 1970: 351) [цит. по: Cambridge History, 2006, с. 136].

Грамматические процессы **среднеанглийского периода** значимо сказались на развитии вида, который ранее не имел четких способов выражения. Приставки, служившие способом выражения видовых значений, либо были утрачены, либо полностью перешли в разряд словообразующих средств, что привело к возникновению ниши в системе видовых форм английского глагола. Как следствие, выражение аспектуальности формировалось за счет грамматикализации древнего словосочетания *be + причастие настоящего времени*. Глагол *be*, утрачивая свое лексическое значение, теперь служит для выражения времени действия. При этом причастие не только теряет согласование со своим субъектом, но и претерпевает изменения формального характера: в течение XIII–XIV веков конкурируют древнее окончание *-inde* и заимствованный от отглагольного существительного суффикс *-inge*, в течение XV века форма на *-nd* полностью исчезает, и в конце среднеанглийского периода происходит окончательное закрепление окончания *-ing*.

Еще одним источником происхождения формы Continuous считают структуру *be + on + отглагольное существительное на -ing* с последующим ослаблением предлога *on* в направлении *be + a + doing*. А. Бах считает этот процесс основным фактором роста длительных форм начиная с XVI века: *He was on laughing > he was a-laughing* [Baugh, Cable, 2002].

Взаимоналожение двух похожих структур, передающих семантику вовлеченности деятеля в процесс реализации действия и / или пребывания в некотором состоянии, привело к их постепенному слиянию и росту частотности употребления к концу среднеанглийского периода (особенно в северных диалектах) [Crystal, 2019]. Дальнейшей грамматикализации структуры и ее вхождению в глагольную парадигму способствовали комбинаторные изменения: если в древнеанглийский период глагол и причастие были разделены другими словами, в среднеанглийский период они все чаще стоят рядом и начинают восприниматься как целое.

В целом длительные формы все еще остаются редкими до конца XVII века и взаимозаменяемыми с формами общего вида, однако синтаксические контексты новой формы увеличиваются в частотности и прирастают временными обстоятельствами, однозначно поддерживающими идею длительности – *always, all (the) day* [Algeo, 2010]: *syngynge he was, and floytynge, all the day* (G. Chaucer. *The Canterbury Tales*). Таким образом, в течение средне- и ранненовоанглийского периодов выражение длительного действия, граничащего с состоянием, получает два варианта интерпретации: такое действие может быть не лимитировано во времени либо контекстуально носить ограниченный во времени характер. Именно во втором значении структура *be + причастие на -ing* становится частью системы грамматических средств выражения аспектуальности и как таковая закрепляется в нормативных грамматических описаниях конца XVIII века.

Помимо количественного роста длительных форм, **ранненовоанглийский период** свидетельствует об укреплении сложных межкатегориальных связей языкового новообразования. В то время как прообраз длительного вида страдательного залога можно найти еще у У. Шекспира: ‘Hamlet: which, *being kept* close, might move more grief to hide’ (W. Shakespeare. *Hamlet*), первые случаи регулярного употребления аналитических форм встречаются в самом конце XVIII века, между 1769 и 1795 гг.: ‘a fellow, whose uppermost upper grinder *is being torn out* by a mutton-fisted barber’ (R. Southey) [цит. по: Baugh, Cable, 2002, с. 276].

Первое признание в учебнике грамматики форма получила в 1802 году.

Относительно позднее развитие пассивных форм длительного вида объясняется тем, что глаголы состояния (*love, hate, fear*), будучи неопределенными по своему значению, даже в недлительной форме выражают процесс, так что «простой» формы оказывается достаточно для передачи этого смысла: *The man is loved*. Предельные глаголы, в свою очередь, требуют разграничения длительной и недлительной форм: *The man is killed ~ the man is being killed*, где только пассив передает незаконченность действия.

Сложность исторических процессов подтверждает динамика упоминавшихся выше структур с предлогом *on* > *a*. С одной стороны, они ускорили развитие длительных форм, а с другой стороны, замедлили развитие этих же форм в страдательном залоге. В результате ослабления формы предлога (*be on building* > *be a-building* > *be building*) употребление получили предложения типа *The house is building*, где при определенных условиях может выражаться страдательное значение (ср. *Дом строится кем-либо*). Такие употребления зафиксированы с XIV века, а с ослабленной формой без предлога мы встречаемся по сей день: *The dinner is cooking*. Этот способ выражения мысли имел очевидные ограничения с неодушевленными существительными и не мог иметь страдательного значения с одушевленными. Примечательно, что такая очевидно удобная форма, как страдательный залог, отвергалась как «необоснованная инновация», и на ее закрепление в норме языка и всеобщее признание потребовалось почти еще столетие [Vaugh, Cable, 2002].

CONTINUOUS В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Справедливость теоретических реконструкций выше подтверждает анализ ряда произведений англоязычной художественной литературы («Макбет» У. Шекспира, «Робинзон Крузо» Д. Дефо, «Ярмарка тщеславия» У. М. Теккерея, «Ферма животных» Дж. Оруэлла, «Гарри Поттер и философский камень» Дж. Роулинг). Хотя перечисленные произведения отличаются по объему и относятся к различным жанрам, они общепризнанно отражают развитие языка своего времени.

Описываемая историками языка низкая частотность и отсутствие строгой смысловой дифференциации длительных и недлительных форм хорошо заметны в пьесе У. Шекспира «Макбет», относящейся к началу XVII века. Обнаруженные в тексте 10 форм длительного вида глаголов,

выражающих физические действия (*come, go, set forth*) имеют четкую структуру *be + Ving*, но встречаются только в настоящем и прошедшем времени действительного залога. Из шести форм настоящего времени две используются для обозначения будущего и обеспечивают явление так называемого временного переноса (*tense shift*).

Так, в пределах одной строфы можно встретить разные видовые формы одного и того же глагола в одинаковом значении, однако выбор формы трудно объяснить, исходя из современной логики употребления их форм. Тем не менее видится, что значению ингрессивности (во второй реплике гонца) сопутствует большая эмоциональная окраска:

Messenger: *The king comes here tonight.*

Lady Macbeth ...

Messenger: *So please you, it is true – our thane is coming.* (W. Shakespeare. *Macbeth*)

В других примерах:

Faith sir, we **were carousing** till the second cock...
(W. Shakespeare. *Macbeth*)

...the obscure bird

Clamour'd the livelong night: some say, the earth
Was feverous and **did shake.**
(W. Shakespeare. *Macbeth*)

Действия развиваются на протяжении ограниченного отрезка времени (*till the second cock* и *the livelong night*), но формы, избранные автором, разные. Выбор форм общего вида *did shake* и *clamour'd* можно объяснить тем, что неодушевленное подлежащее редко использовалось с глаголами длительного вида. Для одушевленного подлежащего использована форма *were carousing*.

Формы длительного вида употреблялись У. Шекспиром для описания более долговременных действий, выступающих фоном для точечного действия:

'How tender 'tis to love the babe that milks me:
I would, while it **was smiling** in my face,
Have pluck'd my nipple from his boneless gums.'
(W. Shakespeare. *Macbeth*)

В целом, несмотря на немногочисленность длительных форм в пьесе, их употребление свидетельствует о необходимости выражать действия в его динамике не только лексическими, но и грамматическими способами.

В романе Д. Дефо «Робинзон Крузо» (1719) можно найти следы развития формы в более

ранние периоды, а именно «неплотный» порядок слов (*was near two months performing*) и употребление предлога перед причастием (*there were more wolves a-coming*). Страдательные значения выражаются через активные формы:

While **this was doing**, I sent Friday with the captain's mate... (D. Defoe, *Robinson Crusoe*)

Однако поскольку роман относится к эпохе борьбы за кодификацию, чистоту и правильность английского языка, когда вариативность грамматических способов передачи идентичного содержания, свойственная эпохе Шекспира и его современников, постепенно элиминировалась, длительные аналитические формы постепенно приобретали статус полноправных участников передачи видовременных отношений и начинали объединяться с перфектными и страдательными формами, оформляя особые смыслы.

1) В то время как основной корпус употреблений здесь составляют длительные и перфектно-длительные формы настоящего и прошедшего времени в тех же значениях, что и у У. Шекспира, Д. Дефо начинает использовать длительные формы прошедшего времени для описания относительного будущего, достигая эффект когезии:

...and I resolved to lay up a store as well of grapes as limes and lemons, to furnish myself for the wet season, which I knew **was approaching** (D. Defoe, *Robinson Crusoe*).

Когезия, реализуемая с помощью сложных перфектно-длительных форм вместо форм Simple, создавала эффект большей значимости описываемого и личной вовлеченности говорящего, убедительности речи:

I **had been talking** a great deal to him of the power of God, His omnipotence, His aversion to sin... After this I **had been telling** him how the devil was God's enemy in the hearts of men... (D. Defoe, *Robinson Crusoe*)

В романе можно обнаружить и такие значения анализируемой формы, как передача эмоциональной оценки, в том числе выражение раздражения и неодобрения:

...and yet so deep had the mistake taken root in my temper, that I could not satisfy myself in my station, but **was continually poring** upon the means and possibility of my escape from this place (D. Defoe, *Robinson Crusoe*).

Длительные формы уместно акцентировали лексическое содержание глагола:

The old man told me he had not been in the Brazils for about nine years; but that he could assure me that when he came away my partner **was living**... (D. Defoe, *Robinson Crusoe*)

Факт развития длительного вида подтверждает расширение семантики глаголов в составе форм: в тексте Д. Дефо были обнаружены не только глаголы движения, но и глаголы, выражающие физическое состояние, глаголы речи и даже умственной активности. При этом ограничения на глаголы состояния сохраняются. В то же время для формы длительного вида становятся возможными достаточно несвойственные употребления – передача регулярно повторяющегося действия, что усиливается наречием со значением частотности:

While my jealousy of him **lasted**, you may be sure I **was every day pumping** him to see if he would discover any of the new thoughts which I suspected were in him... (D. Defoe, *Robinson Crusoe*)

2) В романе Д. Дефо появляется новое средство выражения будущего, развившееся на базе длительных форм глаголов движения, – конструкция *be going / coming to do*. Неустойчивость структуры свидетельствует о ее новизне:

...and with this thought I **was going to** give thanks to God... ; ...and now I expected that part of my dream **was coming to** pass... (D. Defoe, *Robinson Crusoe*)

Все это свидетельствует о том, что и сама форма длительного вида, и ее функциональный потенциал находились в процессе формирования. При этом репертуар грамматических значений длительных форм постоянно расширялся.

Столетие спустя в романе У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» (1847–1848) практически отсутствуют примеры нелогичной взаимозаменяемости простых и длительных форм, что говорит об окончательной кодификации последних. В XIX веке происходит завершение формирования их парадигмы, растет частотность, снимается часть ограничений на их употребление со стативами:

...an honour of which my beloved Miss Crawley said I **was DESERVING**...

Две и более форм длительного вида теперь могут использоваться вместе для передачи нескольких параллельных действий:

Perhaps he **is visiting** the sentries, thought she; perhaps he **is bivouacking**; perhaps he **is attending** the couch of a wounded comrade, or **studying** the art of war up in his own desolate chamber (*W. Thackeray, Vanity Fair*).

Важнейшим нововведением этого периода можно считать закрепление в речи длительных форм страдательного залога (настоящего и прошедшего времени). Возникает четкая оппозиция значения длительных и недлительных форм пассива, что было необходимо для преодоления возможной двусмысленности толкования:

Papa conducted his mysterious operations in the City – a stirring place in those days, when war **was raging** all over Europe, and empires **were being staked** (*W. Thackeray, Vanity Fair*).

Употребление длительных форм для выражения повторяющихся действий (как в ограниченный отрезок времени, так и постоянных) в некоторых случаях приобретает дополнительную экспрессивную коннотацию – что-то происходит чаще, чем хотелось бы:

Her heart was dead long before her body. She had sold it to become Sir Pitt Crawley's wife. Mothers and daughters **are making** the same bargain **every day** in Vanity Fair (*W. Thackeray, Vanity Fair*).

Высокую частотность для передачи выраженной негативной эмоциональной окраски приобретает употребление длительных форм с наречием *always*:

You're **always talking** nonsense and scandal (*W. Thackeray, Vanity Fair*).

Вместе с тем подобные примеры могут звучать нейтрально, при этом превалирует значение повторяемости:

"You're **always joking**," said she, smiling as innocently as she could (*W. Thackeray, Vanity Fair*).

В романе обнаруживается источник современной тенденции употреблять фазовые глаголы в форме длительного вида:

There now, I see you **are beginning to be** in a good humour; but oh these queer odd City people (*W. Thackeray, Vanity Fair*).

В написанной почти век спустя повести-притче «Ферма животных» Дж. Оруэлла (1945) находим

все ранее возникшие длительные формы, включая сложные сочетания с формами перфекта и пассива, отвечающие оформившемуся глагольному анализирующему английскому языку, вплоть до крайне сложных форм, которые не получают широкого признания и не становятся частотными в речи:

And what has happened to that milk which **should have been breeding up** sturdy calves? (*G. Orwell, Animal Farm*)

В данном произведении автор прибегает к длительным формам для описания не только закрепившихся значений длительности, эмфазы и кластеризации параллельных действий, но использует их содержательный потенциал крайне разнообразно. Например, с помощью Continuous создается фон повествования:

With the ring of light from his lantern dancing from side to side, he **lurched** across the yard, **kicked off** his boots at the back door, **drew** himself a last glass of beer from the barrel in the scullery, and **made** his way up to bed, where Mrs. Jones **was** already **snoring** (*G. Orwell, Animal Farm*).

Здесь же длительные формы дают эффект развития событий перед глазами читателя и, следовательно, личной вовлеченности:

A large jug **was circulating**, and the mugs **were being refilled** with beer. Too amazed and frightened to speak, all the animals crowded through the door to watch the chase. Snowball **was racing** across the long pasture that led to the road. He **was running** as only a pig can run, but the dogs were close on his heels. Suddenly he slipped and it seemed certain that they had him. Then he was up again, running faster than ever, then, the dogs **were gaining** on him again (*G. Orwell, Animal Farm*).

Появляется новый оттенок значения при описании длительных действий – описание перемены, эволюции состояния, трансформации, занимающий значительное время:

"My sight **is failing**," she said finally (*G. Orwell, Animal Farm*).

В этом употреблении длительная форма может усиливаться повторением прилагательного в сравнительной степени:

They had nothing to go upon except Squealer's lists of figures, which invariably demonstrated that

everything **was getting better and better** (G. Orwell, *Animal Farm*).

Регулярно употребление Continuous для передачи рутинной итеративности (с наречиями и наречными сочетаниями *daily, usually, from morning to night* и т. д.), в том числе с эмоциональной окраской негативного характера (*always, continually*):

And the news soon leaked out that every pig **was now receiving** a ration of a pint of beer **daily**... Once again it was being put about that all the animals **were dying** of famine and disease, and that they **were continually fighting** among themselves and had resorted to cannibalism and infanticide (G. Orwell, *Animal Farm*).

В прямой речи это употребление повышает ее персуазивность:

Day and night we **are watching** over your welfare. It is for YOUR sake that we drink that milk and eat those apples?' (G. Orwell, *Animal Farm*)

По сравнению с предыдущими периодами конец XX века демонстрирует высокую востребованность более простых форм Continuous. Несмотря на существующую «нехватку» форм Future Continuous Passive или Passive Perfect Continuous forms, парадигма длительных и перфектно-длительных форм не претерпевает расширения: компенсирующий характер носит расширение семантического охвата глагольных групп, граничащее с нарушением императивной нормативности. Особенно наглядно это демонстрирует популярная серия романов о Гарри Поттере, созданная в конце XX века Дж. Роулинг.

Так, в поле действия маркированных видовых форм теперь регулярно попадают:

- аспектные глаголы:
He **was starting to feel** that nothing would surprise him.
- перформативы:
I'm warning you now, boy – any funny business, anything at all – and you'll be in that cupboard from now until Christmas (J. Rowling, *Harry Potter and the sorcerer's stone*).

Стативы реализуют идею длительности и процессуальности как в собственном значении эмоционального состояния, умственной активности, желания:

But see what the card is. *I'm missing* Agrippa.

He **had been wondering** for a while if Flamel wasn't somewhere in there.

It seemed she **had been wanting** to say all this for years,

так и изменяя собственное содержание:

People **are being downright careless**, out on the streets in broad daylight, not even dressed in Muggle clothes, swapping rumors) (J. Rowling, *Harry Potter and the sorcerer's stone*).

При этом Роулинг не всегда пренебрегает традицией и распределяет значения действия и состояния через выбор соответствующих форм: *Exactly what he was looking for, none of them knew* (J. Rowling, *Harry Potter and the sorcerer's stone*), – хотя последний глагол уже стал использоваться в эмфатичном Continuous, что связывают с интерференцией региональных вариантов английского языка, например, индийского (см., например, обсуждение *know* в [Algeo, 2010, с. 202; Crystal, 2019, с. 96]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный диахронический анализ системной динамики форм длительного вида свидетельствует о том, что интенсивность этой части истории английского языка оказалась достаточно высокой. В то же время, понимая языковую систему как коммуникативный инструмент, сошлемся на мнение Д. Кристалла, который связывает активность языковых процессов и жанр речи: «длительные формы чаще встречаются в устной, чем в письменной речи, в художественной литературе чаще, чем в журналистике, и редко в академической прозе» [Crystal, 2019, с. 96]¹.

Было показано, что, произрастая из семантической сферы передачи кратковременных и долговременных состояний и процессов, современный Continuous невероятно богат в своем содержательном потенциале и легко «скрещивается» с семантикой перфекта и пассива, таким образом покрывая огромное количество смыслов. Являясь маркированной, а значит, достаточно заметной грамматической формой, с XIX века он привлекает все большее количество глаголов, в том числе стального характера, не столько дублируя их лексическую семантику, сколько перенаправляя интерпретацию в сторону контекстуально обоснованной эмфазы на любом аспекте действия, которая необходима автору художественного произведения. В итоге, не противореча исторической логике,

¹ Перевод наш. – Е. К., М. С.

грамматическое описание Continuous предлагает незакрытый список значений, дополняющих хронологически первичные, такие как краткое или длительное действие в развитии в конкретный момент и / или ограниченный временной период, фоновое или выдвинутое действие, параллельное действие, изменение во времени (процесс перемен), повторяемость и возобновляемость действия,

временной перенос, интенсивность действия и его важность или неизбежность, намерение и настойчивость в выполнении, более или менее негативную оценку и так далее. Практическим следствием диахронических процессов становится своеобразная универсальность Continuous для устного и литературного дискурсов и дальнейшая экспансия данного грамматического явления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press. 2019. 3rd ed.
2. Quirk R., Wrenn C. L. An Old English Grammar. London: Routledge, 1989.
3. Baugh A. C., Cable Th. A History of the English Language. London: Routledge, 2002. 5th ed.
4. Carter R., McCarthy M. Cambridge Grammar of English. Cambridge: Cambridge University Press. 2006.
5. Algeo J. The Origins and Development of the English Language. Boston: Wadsworth, Cengage Learning, 2010. 6th ed.
6. Hogg R., Denison D. A History of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

REFERENCES

1. Crystal, D. (2019) The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press. 3rd ed.
2. Quirk, R., Wrenn, C. L. (1989). An Old English Grammar. London: Routledge.
3. Baugh, A. C., Cable, Th. (2002). A History of the English Language. London: Routledge. 5th ed.
4. Carter, R., McCarthy, M. (2006). Cambridge Grammar of English. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Algeo, J. (2010). The Origins and Development of the English Language. Boston: Wadsworth, Cengage Learning. 6th ed.
6. Hogg R., Denison D. (2006). A History of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Коршунова Елена Николаевна

старший преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

Салькова Марина Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой грамматики и истории английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Korshunova Elena Nikolaevna

Senior Lecturer, Department of English Grammar and History of the English Language, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University,

Sal'kova Marina Alekseevna

PhD (Philology), Associate Professor, Head of the Department of English Grammar and History of the English Language, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.02.2022
одобрена после рецензирования 01.03.2022
принята к публикации 09.03.2022

The article was submitted 04.02.2022
approved after reviewing 01.03.2022
accepted for publication 09.03.2022

Научная статья
УДК 81.367
DOI 10.52070/2542-2197_2022_3_858_62

Развитие системы имени в английском и русском языках

Ю. Б. Маркова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
julia@themarkovgroup.com

Аннотация. Статья посвящена эволюции индоевропейской системы имени, составляющих ее частей речи и грамматических категорий от древнеславянских и древнегерманских времен до наших дней на примере русского и английского языков. Применение методов синхронного и диахронного описания данных грамматических таблиц учебников по славянской и германской филологии позволило автору выделить общеиндоевропейские тенденции в развитии имени.

Ключевые слова: старославянский язык, общегерманский язык, система имени, неличные формы

Для цитирования: Маркова Ю. Б. // Развитие системы имени в английском и русском языках. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3 (858). С. 62–67. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_62

Original article

Development of the Nominal System in English and Russian

Yulia B. Markova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
julia@themarkovgroup.com

Abstract. The article is devoted to the evolution of the Indoeuropean nominal system, parts of speech, constituting it, their grammatical categories from Old Slavonic and Old Germanic times to modern Russian and English days. The application of synchronic and diachronic description of the grammar tables data from Slavonic and Germanic philological manuals enabled the author to single out common Indoeuropean tendencies in the nominal system development.

Keywords: Old Slavonic, Common Germanic, nominal system, non-finite forms

For citation: Markova, Y. B. (2022). Development of the Nominal System in English and Russian. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3 (858), 62–67. 10.52070/2542-2197_2022_3_858_62

ВВЕДЕНИЕ

Общность происхождения русского и английского языков и – шире – германских и славянских языков из одного праиндоевропейского источника подвигла автора проследить историю именных частей речи и их грамматических категорий от Рюрика и Эльфрика до наших дней.

Предметом изучения выступает система имени и ее состав в славянских и германских языках.

Объектом исследования является ее развитие от древнеславянского и древнегерманского к современным русскому и английскому языкам.

Актуальной представляется **задача** проследить эволюцию грамматической системы имени в вышеуказанных древних языках, существовавших до их распада на отдельные родственные языковые ветви, которые претерпели существенные изменения, пока не приобрели современные черты.

Поскольку неличные формы в английском языке, как и причастия, инфинитивы и деепричастия в русском, имели именную природу в древние времена, а теперь рассматриваются как глагольные формы, изучение двух вышеуказанных диалектных групп внутри праиндоевропейского языка проясняет универсальные закономерности в развитии системы имени в целом и позволяет выделить общеиндоевропейские тенденции эволюции английского языка, в частности, уходящие корнями в далекое прошлое. Подобная **цель** до сих пор не ставилась в научных исследованиях, что представляет научную новизну.

Материалом для данной научной статьи послужили языковые данные грамматических таблиц по истории церковнославянского языка, с одной стороны, и английского языка, с другой.

КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

Поразительная близость грамматического строя, словарного состава и фонетических соответствий в различных языках (албанском, кельтском, персидском, хеттском, русском, испанском, английском, литовском, санскрите, греческом и латыни) навела лингвистов двести пятьдесят лет назад на мысль о возможном существовании в древние века единого языка, получившего название праиндоевропейского. Выбранное название описывает ареал распространения этого древнего языка от Индии до Европы, включая территорию современного Ирана, Афганистана, Средней Азии, Причерноморья, России, вплоть до Англии. Момент зарождения этого языкового единства точно неизвестен (VI тысячелетие до нашей эры). Точка

начала его распада на ряд диалектов известна лишь примерно – около II–IV тысячелетия до нашей эры, а, может, и на полтысячелетия раньше, так как это был долгий процесс, разные диалектные группы отделялись от праязыкового единства не единомоментно, а в разное время: самой первой выделяется хетто-лувийская группа (в хеттском исчезают ларингалы / сонантические коэффициенты, скреплявшие языковое единство на огромной территории и длительное время), затем германская (в древнегерманском происходит акцентный переворот – смена места и характера ударения), позднее других – балтославянская (миграция).

Сначала наиболее родственным праязыку признавался санскрит, так как только в нем достоверно обнаружены придыхательные согласные, постулируемые для праиндоевропейского языка законом Р. Раска – Я. Гримма. Именно древнеиндийский лингвист Панини IV века до нашей эры, автор первой нормативной грамматики санскрита, в стихотворной и весьма абстрактной форме описал основы флективного строя своего родного языка, в частности, типы консонантных и вокалических основ в склонениях имен существительных, которые имеют параллели во всех языках индоевропейской семьи. Современная наука, однако, пришла к десанскритизации праязыка. Поскольку и общегерманский, и праславянский языки относятся к индоевропейской языковой семье, автору придется ссылаться на накопленные в науке сведения о праиндоевропейском языке.

На праславянском говорили предки современных славян. Это было некогда единое племя, проживавшее на одной территории и соседствовавшее с прагерманцами от Эльбы до Балтийского моря. Первые упоминания о славянах в Европе относятся к 500 году нашей эры [Кравцова, 2020]. Примерно в это же время общеславянский / праславянский язык распался на южную, западную и восточную ветви. Церковнославянский / старославянский язык, данные которого автор будет привлекать для анализа в статье, возник на основе солунского диалекта македонских говоров южнославянской ветви и получил буквенное письмо в 863 году благодаря переводам Святого Писания греческих монахов Кирилла (Константина) и Мефодия. Оба были уроженцами города Солуни (Фессалоники) и знали диалект, на котором говорили македонцы, жившие в окрестностях Солуни.

С самого начала своего возникновения церковнославянский язык приобрел книжные черты, был литературно облагорожен Кириллом и Мефодием и предназначался для богослужения в качестве общеславянского койнэ. Первыми его получили в дар славяне Моравии и Чехии по просьбе

князя Растицы (Ростислава), отстаивавшие свою независимость в столкновениях с соседями-баварцами. Этот язык также именуется древнеболгарским, так как ученики Кирилла и Мефодия позже вынуждены были переехать в Болгарию, спасаясь от преследований латино-немецкой группы миссионеров, которым покровительствовал моравский князь Святополк, сместивший князя Ростислава. В 907 году Моравия пала, но славянское письмо и богослужение были сохранены.

Восточнославянский диалект именуют также древнерусским. Он сохранял монолитность до XIV века, пока не распался на русский, украинский и белорусский. Именно на древнерусском создавались памятники письменности («Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве») и говорили в быту, в то время как на церковнославянском проводили церковные службы. Последний постепенно становился все менее и менее понятным простоянцам и приобретал черты и маркированность высокого стиля речи как язык начала славянской письменности, при этом древнерусские переписчики богословских и богослужебных текстов и книг могли вносить изменения, подстраиваясь под родной язык. Так возник русский извод церковнославянского языка, языка русского православия, сформировавшегося в середине XVII века. Его новейший общерусский синодальный извод датируется 1915 годом.

Одно из первых упоминаний о древних германских племенах содержится в «Германии» римского историка Публия Корнелия Тацита на исходе I века нашей эры. Задолго до него в IV веке до нашей эры при Александре Македонском древнегреческий мореплаватель Пифей / Питеас достиг Норвегии и Британских островов. В общегерманском уже тогда намечались диалектные членения на восточногерманскую, северогерманскую и западногерманскую ветви.

Древнеанглийский или англосаксонский язык начинает самостоятельную жизнь внутри западногерманской диалектной группы в 449 году, в год переселения англов, саксов, ютов и фризов на Британские острова.

Итак, и древнерусский, и древнеанглийский формируются почти в одно и то же время. Однако древнеанглийский получил письменность на основе латинского алфавита с вкраплениями некоторых рунических знаков на два столетия раньше. Интересно отметить следующий факт, общий как для древнерусской, так и древнеанглийской практик переписывания книг: переписчик оставлял запись, обращаясь к читателю с просьбой не корить переписчика за возможные ошибки и неточности в процессе переписывания или самому переписать текст без ошибок.

ИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ И ИХ ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ В РАЗВИТИИ

Система имени в русском включает:

- 1) имена существительные, обозначающие предметы или живые существа;
- 2) прилагательные, обозначающие признаки предмета;
- 3) числительные, обозначающие количественные признаки предмета;
- 4) местоимения, обозначающие говорящего или собеседника.

В английском, в отличие от русского и древнеанглийского, числительные больше не склоняются и не обладают ни одной грамматической категорией.

Важная общая черта в эволюции древнеанглийских и древнерусских существительных заключается в развитии омонимичных окончаний и унификации типов склонения – продуктивные типы склонения, где слов было больше, перетягивали к себе слова из других склонений, где слов было меньше.

В конечном итоге в русском от десяти типов склонения праславянского наследия осталось только три, а в среднеанглийском многообразии основ склонения сводилось либо к склонению на *-a* (ему соответствовали основы на *-o*, *-jo* в древнецерковнославянском), либо на *-n* в зависимости от диалекта. Именно склонение с основами на *-o*, *-jo* дало 2-е склонение в русском – мужской род с нулевым окончанием и средний с окончанием *-o*, *-e*, например, *осел, море*. Английские существительные обязаны этому типу склонения окончанием *-s* во множественном числе общего падежа и в единственном и множественном числе родительного падежа. Существительные *темя, время, знамя, бремя, вымя, пламя, семя, имя* (**imen*), *племя* (**pledmen*), *камень, день, корень*, которые когда-то склонялись как основы на *-n*, сохранили этот основообразующий суффикс и теперь относятся к разносклоняемым. В английском, как известно, осталось только три существительных, сохранивших суффикс *-n*: *children, oxen, brethren*. И в древнеанглийском, и в церковнославянском существовал общий семантический принцип группирования существительных. Так, в обоих языках был тип склонения, объединявший названия детенышей животных и человека. В древнеанглийском – *lamb* (ягненок), *cild* (ребенок), *ei* (яйцо). В церковнославянском – *отрочата, ослята, телята*.

Интересная общая тенденция наблюдается также в эволюции древнегерманских и праславянских местоимений. В обоих диалектных группах

индоевропейского праязыка отсутствовали личные местоимения третьего лица. Отсылка к присутствующему человеку в третьем лице могла осуществляться только с помощью указательных местоимений. Использование возникших позже личных местоимений третьего лица считалось возможным только по отношению к объектам, находящимся вне предметов речи. Оно долго не входило в практику по отношению к присутствующим, так как считалось невежливым. Что интересно, современные русские личные местоимения – *он, она, оно* – это исторически бывшие указательные местоимения дальнего расположения; они соответствовали по значению «тот далекий – та далекая – то далекое» [Кравцова, 2020]. Косвенное свидетельство этому можно найти в фонетических соответствиях по закону Р. Раска – Я. Гримма между начальным согласным в латинском слове *cis*, означающем «по сию сторону», и в древнеанглийском местоимении мужского рода единственного числа *hē*, то есть индоевропейский согласный *k* переходил в древнегерманском в согласный *h* [Смирницкий, 2008]. Личные местоимения третьего лица *hē, hēo, hit* в древнеанглийском развились из указательных *sē, sēo, Pæt*. Это очевидно, во-первых, фонетически, а, во-вторых, по объему имеющих грамматических категорий: род, число, падеж. Личные местоимения первого и второго лица лишены категории рода, зато имеют двойственное число среди категориальных форм категории числа. В древнеисландском личные местоимения третьего лица сопровождали имена собственные в значении «личного определенного артикля» [Стеблин-Каменский, 2017, с.89].

И древнеславянские, и древнегерманские указательные местоимения сыграли особую роль в судьбе прилагательных. В церковнославянском они способствовали образованию имен прилагательных **полной** формы, а в общегерманском – **сильного** склонения прилагательных (термин Я. Гримма). Отсюда можно сделать вывод о том, что прилагательные **краткой** формы в церковнославянском более древние, чем прилагательные **полной** формы, равно как и **слабые** прилагательные в древнегерманском более древние, чем **сильные**. **Краткие** прилагательные – это исторические имена признаков, бывшие существительные с преобладанием значения признака, а не предмета. Склонение существительных и **кратких** имен прилагательных образуют именное склонение в церковнославянском [Турбин, Шулежкова, 2021]. Это же можно сказать и о древнегерманском с поправкой на **слабые** прилагательные. **Полные** формы имен прилагательных склоняются по местоименному склонению, так как их окончания – это

указательные местоимения. Равным образом местоименные окончания проникли в склонение прилагательных в древнегерманском и образовали **сильное** склонение прилагательных. Церковнославянские порядковые числительные (бывшие имена-числа) не отличались от **кратких** и **полных** прилагательных.

Причастия и в церковнославянском, и в древнеанглийском относились к системе имени и склонялись. На это указывают следующие русские прилагательные и причастия: *жгучий–жгущий; лежачий–лежащий; колючий–колющий; ревучий–ревущий; дремучий–дремлющий*. Русские деепричастия восходят к формам причастий именительного падежа единственного числа мужского и среднего рода, отличавшимся от остальной парадигмы. Исключения составляют деепричастия *идучи, жалеючи, работаючи, будучи*, которые восходят к формам причастия именительного падежа женского рода единственного числа. Теперь это все неизменяемые формы, утратившие склонение в русском языке. Итак, русское причастие образовало новую глагольную форму, само став глагольным по своей природе. Причастие может снова стать существительным, если потеряет связь с глаголом, свою глагольность. Для сравнения – «на земле лежал раненый» и «раненый зверь». В английском субстантивизация возможна: *a first born* новорожденный; *the wounded* раненые. В английском тоже есть прилагательные – бывшие причастия: *naked голый; wretched несчастный; learned ученый; aged престарелый; ragged шероховатый*. Во всех этих словах произносится гласный в окончании *-ed*.

И в церковнославянском, и в древнеанглийском причастия с течением времени приобрели глагольность, глагольные характеристики, обозначая признак предмета по действию, совпадающему или не совпадающему с моментом речи внутри категории времени. Признак предмета, совершающего действие, может быть противопоставлен внутри категории залога признаку предмета, испытывающего воздействие извне. Тем не менее причастия сохранили в обоих языках синтаксическую функцию именной части составного именного сказуемого.

Инфинитив и супин в церковнославянском были несклоняемыми. По значению супин близок инфинитиву, но употреблялся только при глаголах движения для обозначения *цели движения*. В древнеанглийском инфинитив имел сокращенную систему падежей: именительный падеж и *дательный цели*, по сути, это очень похоже на инфинитив и супин в церковнославянском. Инфинитив можно трактовать как падежную форму древнего глагольного имени [Кравцова, 2020].

Герундий возникает в среднеанглийском периоде благодаря слиянию отглагольного существительного с предлогом *on* и причастия в одну фонетическую оболочку, и не совсем понятно отличие герундия от причастия в словосочетании *he herde foweles singinge* «он слушал пение птиц» или «он слушал поющих птиц». Рассмотрим другие предложения в среднеанглийском *he was on huntinge* «он охотился, был на охоте», *he lay on dyinge* «он умирал», которые в ранненоанглийском уже звучали, как: *he was a-hunting* и *he lay a-dying*, а позднее *he was hunting*, *he lay dying*. На этом основан известный каламбур в пятой главе книги Льюиса Кэррола «Зазеркалье» (*Beyond the looking glass*):

Alice: Am I addressing the white Queen?

Queen: If you call that a-dressing. I have been a-dressing myself for the last two hours.

Alice could see that the Queen was dressed terribly untidy.

В свете вышесказанного такие слова, как *awake*, *afloat*, *aboard*, *afraid* предстают результатом слияния предлога или приставки с существительным.

Существует точка зрения, что в архаичном праязыке, ностратическом языке-предке, все части речи были образованы от имен: имен предметов, имен со значением признака или действия [Кравцова, 2020]. Глаголы развились тоже из имен. Формой современного прошедшего времени в русском языке является бывшее причастие на *-л*-смыслового глагола, которое изменялось по родам и числам, а спрягаемый глагол-связка *быть*, служивший для образования перфекта, был утрачен

(*шел-шла-шло-шли*). Поэтому форма прошедшего времени в русском языке изменяется по родам и числам и не имеет спряжения. От этого же причастия образованы формы сослагательного (условного) наклонения в церковнославянском, омонимичные в русском языке с формами прошедшего времени (*шел бы, шла бы, шло бы, шли бы*).

Можно предположить, что в архаичном языке-предке существовали статичные двусоставные назывные именные предложения. Вычленив отдельный физический предмет и присвоить ему имя легче, чем выразить абстрактное действие. Динамичные двусоставные предложения, должно быть, появились значительно позже.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Номенклатура именных частей речи и в церковнославянском, и в древнеанглийском была шире, чем в настоящее время, так как наследовала индоевропейскому состоянию с его древней нерасчлененностью имени.

И английский, и русский язык обнаружили тенденцию к упрощению и унификации многочисленных типов склонения, доставшихся от общеиндоевропейского состояния.

В обоих языках причастие развивает глагольные черты и способствует формированию новой глагольной формы – герундия и деепричастия соответственно.

В русском языке причастие способствовало образованию современных омонимичных форм прошедшего времени и условного наклонения, изменяющихся по родам и числам, но не спрягаемым.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кравцова М. Ю. Церковнославянский язык. М.: Этносфера, 2020.
2. Смирницкий А. М. Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII в. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2008.
3. Стеблин-Каменский М. И. Древнеисландский язык. М.: Ленанд, 2017.
4. Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык. М.: Издательство «Флинта». 2021.

REFERENCES

1. Kravtsova, M. Y. (2020). Tserkovnoslavjanskij jazyk= The Church Slavonic language. Moscow: Etnosfera. (In Russ.)
2. Smirnitskij, A. M. (2008). Hrestomatija po istorii anglijskogo jazyka s VII po XVII v.= Reader on the history of English from VII to XVII c. Moscow: MGU imeni M. V. Lomonosova. (In Russ.)
3. Steblin-Kamenskij, M. I. (2017). Drevneislandskij jazyk= The Old Icelandic language. Moscow: Lenand, (In Russ.)
4. Turbin, G. A., Shulezhkova, S. G. (2021). Staroslavjanskij jazyk =The Old Slavonic language. Moscow: Izdatelstvo "Flinta", (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маркова Юлия Борисовна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Markova Yulia Borisovna

PhD (Philology), Associate Professor, Associate Professor at the Department of English Grammar and History of the English Language, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.02.2022
одобрена после рецензирования 01.03.2022
принята к публикации 09.03.2022

The article was submitted 04.02.2022
approved after reviewing 01.03.2022
accepted for publication 09.03.2022

Научная статья
УДК 811.11-112
DOI 10.52070/2542-2197_2022_3_858_68

Эллиптические предложения как конструктивные аномалии интернет-дискурса

Л. С. Петрова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
lubasha114@mail.ru

Аннотация. В работе обсуждаются понятия, которые одновременно противопоставлены друг другу и обеспечивают функциональность языковой системы: норма, узус и аномалия. В качестве иллюстративного материала приводятся употребления грамматических ненамеренных аномалий, а именно, эллиптических предложений в современной англоязычной интернет-коммуникации, на примере которых показан конструктивный характер языковой аномалии.

Ключевые слова: языковая норма, языковая аномалия, конструктивная аномалия, грамматическая непреднамеренная аномалия, интернет-дискурс, эллиптические предложения

Для цитирования: Петрова Л. С. Эллиптические предложения как конструктивные аномалии интернет-дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3(858) С. 68–74. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_68

Original article

Elliptical Sentences as Constructive Anomalies of Internet Discourse

L. S. Petrova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
lubasha114@mail.ru

Abstract. The paper discusses and interprets linguistic notions that may seem to be antonymous but are dialectically inseparable, which grants the language system its functionality: norm, usage and anomaly. Grammatical unintentional anomalies, namely, elliptical sentences, in contemporary English-language Internet communication are used to illustrate the constructive character of language anomaly.

Keywords: language norm, language anomaly, constructive anomaly, grammatical unintentional anomaly, internet discourse, elliptical sentences

For citation: Petrova, L. S. (2022). Elliptical sentences as constructive anomalies of Internet discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(858), 68–74. 10.52070/2542-2197_2022_3_858_68

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА О ЯЗЫКОВЫХ АНОМАЛИЯХ

В статье в ракурсе языковой аномальности рассматриваются варианты эллиптических предложений, построенных пользователями сети Интернет в процессе написания отзыва о том или ином приобретенном ими продукте. Покупательский отзыв как форма коммуникации, возникшая в результате пользования Интернетом, представляет собой особую форму устно-письменной речи – «Netspeak is identical to neither speech nor writing, but selectively and adaptively displays properties of both» [Crystal, 2004, с. 47]. Являясь ярким примером интернет-дискуса, покупательский отзыв «имплицитно отражает субъективно-личностную авторскую позицию, смоделированную с учетом психологических, лингвистических и технологических факторов» [Варламова, 2006, с. 116]. Таким образом, как текст он является естественной средой для наблюдения за языковыми решениями, которые наилучшим образом удовлетворяют решениям задач коммуникантов. Некоторые решения при этом характеризуются как отклоняющиеся от общепринятых.

Проблема языковой правильности волнует носителей языка, начиная с античных времен [Лайонз, 1978]. Интерес к ней не иссяк и по сей день, особенно в области грамматики, где решение о правильности или неправильности того или иного явления традиционно является приоритетным с точки зрения качества структурированного оформления мысли.

Что есть аномалия для лингвиста? В рамках когнитивного подхода аномалия рассматривается как отклонение от известных нам закономерностей в процессе познания объекта. «Тем самым явление оказывается аномальным не само по себе, а относительно тех или иных законов» [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 437]. Для языковой аномалии таким законом выступает **языковая норма**. Но это понятие в лингвистике трактуется неоднозначно. В императивном, статичном смысле норма есть правило языковой системы, зафиксированное в справочной литературе, а в диспозитивном, динамическом – норма определяется как общепринятое употребление, т. е. сближается с **узусом**, или «использованием языка в разных сферах человеческой деятельности, речевой практикой» [Крысин, 2007, с. 5]. Очевидно, в качестве исследовательской программы для описания аномалий опорным видится узкое императивное понимание нормы, так как употребление зависит от многих нелингвистических факторов, в частности, географического, культурного и исторического. Однако мы полагаем, что с учетом фундаментального

для современной лингвистики представления об обязательной реализации системы языка в речевой деятельности языковую аномалию в общем виде следует понимать как дуалистическое противопоставление императивной и диспозитивной нормативности, или единовременное нарушение правила порождения и «нарушение правила употребления какой-то языковой или текстовой единицы» [Апресян, 1990, с. 50].

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

На данный момент не существует единой общепринятой научным сообществом классификации аномалий. Вслед за Ю. Д. Апресяном, наиболее важным среди предлагаемых типологий мы полагаем деление аномалий на *намеренные* и *ненамеренные*. *Намеренные аномалии* порождаются носителями языка осознанно, в целях «языковой игры» на уровне обыденной коммуникации или в художественных целях. К *ненамеренным аномалиям* относятся нарушения разного рода языковых правил, порожденные говорящим случайно. Отметим, что ненамеренные аномалии могут носить как конструктивный, так и деструктивный характер. Ошибки нерегулярного характера, возникшие либо чисто случайно как технические оговорки, либо как результат недостаточности образования, либо под наплывом эмоций и т. д., не имеют перспектив в языке и действительно могут выступать как деструктивное начало. Для лингвистов же важно увидеть конструктивные ненамеренные отклонения, т. е. те, которые со временем могут быть приняты системой языка и послужить толчком к ее обновлению (изменению норм).

Основным предметом исследования среди отечественных лингвистов в последнее время являлись намеренные языковые аномалии в художественных и публицистических текстах (Т. Б. Радбиль, О. В. Мурдускина, Е. В. Падучева, В. З. Санников, М. Ягелло). Мы же предлагаем для рассмотрения более узкий и специфичный объект, а именно, *ненамеренные грамматические аномалии в узусной среде – англоязычной интернет-коммуникации*. В качестве материала исследования предполагается использование текстов пользовательских отзывов на сайте Amazon и YouTube, обладающих общей установкой – выразить мнение / отношение к некоторому объекту / явлению.

Исторически в лингвистике в связи с изучением аномальных языковых явлений противостоят друг другу два подхода: традиционный (нормативный) и функциональный. Согласно первому, прескриптивному (господствующему до XIX века), – аномалия

принимает статус ошибки, выступает примером того, как нельзя говорить, и таким образом, имеет несомненно отрицательную коннотацию. Функциональный же подход (дескриптивный, связанный, главным образом, с представителями Женевской школы и Пражского лингвистического кружка) говорит об аномальности как естественном и ожидаемом явлении: «ошибки, по крайней мере те, которые возникают постоянно, чаще всего порождены глубинными тенденциями в речи в целом» [Фрей, 2006, с. 17]. Следовательно, аномалии понимаются как «точки роста новых явлений» [Апресян, 1990, с. 64] и рассматриваются как фактор языкового развития. В современной отечественной и зарубежной лингвистике вопрос о языковой аномальности также в основном трактуется в связи с «диалектическим противостоянием тенденции к стабильности существующей нормы и тенденции к обновлению языка, на первых порах принимающей вид отклонений от существующих норм» [Радбиль, 2006, с. 32]. Очевидно, функциональный подход представляется современным исследователям более перспективным, так как с помощью него можно заглянуть «вглубь» языкового явления.

Для проведения исследования в рамках функционального подхода эффективно использована одна из методологий теории коммуникации – индуктивная, функционально ориентированная теория манипуляции пользователями языковой системой на ее различных уровнях, предложенная А. Фреем, одним из представителей французской функциональной школы дискурсивного анализа. Предлагаемый методологический подход акцентирует динамическую природу языковых явлений – их дискурсивное употребление, где влияние факторов коммуникации становится источником общепринятой ошибочности, дополняющей и даже замещающей традиционное нормативное решение. В данной работе эллиптические (неполные) предложения описаны как возможные языковые инструменты передачи двух из пяти фундаментальных дискурсивных потребностей, выделяемых вслед за Анри Фреем [Фрей, 2006], и понимаемых как причины грамматических девиаций, допускаемых носителями языка, а именно, потребности в краткости и экспрессивности. Актуальность исследования избранного объекта и специфика его реализации подтверждается использованием количественных методов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Потребность в краткости

Одна из основных потребностей говорящего – это потребность в краткости, которая проявляется

в стремлении говорящего *к сокращению длины и числа элементов*, взаимодействие которых и составляет речевой поток. В языке эта потребность может репрезентироваться эллиптическими построениями.

Эллипсис (или неполное предложение) представляет собой структуру, которая позволяет экономно расходовать средства языка за счет опущения элемента, известного из контекста или системной парадигмы, то есть мы можем говорить о двух его видах: синтагматическом или контекстуальном (задающимся контекстом и формирующим разделяемое знание коммуникантов, т. е. их дискурсивную компетенцию) или парадигматическом, аналоговом (имеющем отношение к владению системой языка, к языковой компетенции коммуникантов) [Бархударов, Штелинг, 1973].

Для интернет-коммуникации потребность в краткости особенно значима: для пользователя важно написать краткий, но при этом содержательный отзыв. В связи с этим эллиптические конструкции регулярно встречаются в интернет-дискурсе. С точки зрения системной нормативности, данные конструкции представляют собой синтаксические аномалии, игнорирующие требования к построению предложения. Отсюда – вопрос в том, насколько это мешает или не мешает достижению коммуникативной цели. Рассмотрение эллиптических структур в обозначенном выше типе текста демонстрирует следующее.

Парадигматические эллипсисы

В парадигматическом эллипсисе опущенный элемент достраивается согласно правилу формирования грамматически корректного с точки зрения императивной нормы предложения. Одним из наиболее распространенных примеров такого эллипсиса являются предложения с пропущенном глаголом-связкой *to be*:

- (1) “*It small and easy to move around*. The quality is great for the price.”
- (2) It’s good but it’s a little bit heavy, when using it for a long time, my head starts hurting me... *but it still good*, the sound is so quality.

Пропуск глагола *to be* не сказывается на общем смысле, так как сам глагол не несет в себе смысловой нагрузки, а является грамматическим глаголом-связкой (*link-verb*).

Интернет-пользователь также может опускать глаголы *would* и *had* в грамматических конструкциях *would rather* и *had better*, уже стянувшиеся в

современном английском языке в компонент *'d*, близкий к служебному (*'d better / rather*), так что дифференцирующую функцию приняли к выполнению наречия, передающие семантику субъективного предпочтения и объективной целесообразности:

- (3) It was intended for personal used like watching Netflix and YouTube but **now I rather not use it** it's frustrating since a lot of features don't work well!
- (4) I'm so beyond frustrated with this computer that I'm ready to throw it out the window. I'm resetting the computer. **It better not be** all messed up and **I better be able to return** this thing if I can't get it fixed.

Еще одним вариантом парадигматического эллипсиса служит отсутствие оборота *there is / are*, выполняющего роль формальной грамматической основы предложения:

- (5) If you're buying this for backlit keys, DON'T. They stay backlit for five seconds, then shut off again. **No option to keep them lit.**

Принимая во внимание, что в указанных структурах опускаются элементы, являющиеся лишь способами грамматически правильного оформления предложения-высказывания, естественно ожидать, что смысл при этом не страдает.

Реже говорящий может опускать и полноценное, несущее смысл сказуемое в предложении. В этой ситуации коммуникативная нагрузка предложения оказывается более интенсивной. Рассмотрим пример:

- (6) "She came back after and said that she couldn't reach them despite their call center being 24 hours but would call me at 5pm on Friday. **Friday** and I did not receive a call."

Варианты достраивания полного двусоставного предложения здесь различны, что говорит о полипарадигматичности данной конструкции. Мы можем предложить следующие сказуемые: *Friday came*, || *It was Friday*. (Стоит отметить, что описательная структура *It was Friday* не очень логично вписывается в нарратив, где акциональные глаголы используются автором отзыва для формирования повествовательной линии). Представляется возможным сделать предложение еще более кратким за счет перевода первой части *Friday* в обстоятельство времени, т. е.: *On Friday, I did not receive a call*, но в таком случае теряется экспрессивность

высказывания. При чтении данного отзыва после слова *Friday* мысленно делается пауза, которая создает напряжение, – мы ждем, что будет дальше. Таким образом, в данном примере использование эллипсиса не только удовлетворяет потребность говорящего в краткости, но и за счет экспрессивности эллиптической конструкции решает задачу управления вниманием читающего (манипуляции).

Смешанные эллипсисы

В анализируемом материале интернет-пользователи имеют тенденцию опускать подлежащее как избыточный элемент, что опять-таки противоречит нормативному описанию, согласно которому всякое предложение характеризуется, прежде всего, наличием подлежаще-сказуемостной структуры. Чаще всего пропускается личное местоимение *I*, имеющее референцию к непосредственному автору текста:

- (7) **Had to buy a remote speaker immediately**, and I live in the country where it's completely silent. **Still can't hear anything** and **had to use captions** while waiting for my speaker to arrive."

В данном примере мы можем однозначно восстановить подлежащее по контексту: понятно, что покупатель пишет от себя, а не от третьего лица. С одной стороны, пропуск подлежащего свидетельствует о парадигматическом эллипсисе, с другой – возможность однозначной экспликации пропущенного элемента по контексту позволяет нам говорить о признаках синтагматического эллипсиса. Таким образом, в подобных примерах правильнее говорить не о чисто парадигматическом эллипсисе, а о смешанном варианте неполного предложения.

Пропуск личного местоимения характерен для интернет-отзывов, где субъект (или агент) по умолчанию понятен. Такие примеры составляют большую часть анализируемого материала, однако встречаются и не столь однозначные конструкции. Рассмотрим следующий пример:

- (8) **Very very unhappy** with this laptop for the sole reason that the OS is Windows 10 in S Mode. It was inconvenient and one of the most useless things I have ever seen pre-installed on a computer. **Created a major and unnecessary headache for me.**

В данном отрывке встречаются две эллиптические конструкции: *very very unhappy* и *Created a major and unnecessary headache for me*. В первом случае, как и в примере (7), мы имеем дело со смешанным

эллипсисом, правда, охватывающим большой структурный объем (опущение не только подлежащего *I*, но и глагола-связки *to be*). Во втором случае мы наблюдаем пример с пропуском одного только подлежащего, однако с его восстановлением не все так однозначно. Не совсем понятно, что в большей степени разочаровало пишущего отзыв: сам ноутбук или установленная на нем операционная система. С другой стороны, насколько важной является данная информация для читающего данный отзыв, если по умолчанию данная модель ноутбука продается уже в комплекте с Windows 10 S Mode? С нашей точки зрения, неоднозначность данного высказывания не наносит существенного ущерба содержательной части, и цель говорящего будет достигнута: у читающего данный отзыв не возникнет желания покупать данную модель в такой комплектации.

Еще одним вариантом смешанного эллипсиса является опущение прямого дополнения при переходных глаголах:

- (9) The power button does nothing. Blue light is on saying it is charged. Held down power for 45 seconds – nothing. **Unplugged from charger** and did the same. Waited a bit and called amazon tech who had me repeat the same steps.

В данном примере мы можем однозначно восстановить пропущенное дополнение, поскольку отзыв всегда пишется на конкретный продукт. Таким образом, задача интернет-пользователя быть кратким, но при этом информативным, успешно решается.

Синтагматические эллипсисы

Эллипсисы данного вида могут быть восстановлены до полных предложений только на основании предшествующего контекста. Как было показано выше, часто парадигматический эллипсис идет в связке с синтагматическим. Случаи чисто синтагматических эллипсисов представлены единичными примерами. Рассмотрим фрагмент текста:

- (10) One of the velcro pieces on the cookie sheet started coming off due to my daughter putting them on and taking them off constantly. I used super glue and have not had any more problems yet, but **a little disappointing** since **I have only had a short amount of time**.

В данном примере присутствуют сразу два эллипсиса: в первом пропущены подлежащее и глагольная часть сказуемого (*a little disappointing*),

во втором – по всей вероятности, дополнение и предлог «for» (*I have only had (THE TOY FOR) a short amount of time*). Попытаемся достроить данные предложения.

1) В случае с пропущенным подлежащим, исходя из формы причастия *disappointing*, мы можем исключить вариант *I*, иначе тогда бы было правильно использовать причастие прошедшего времени *disappointed*. Скорее всего, говорящий опустил формальное подлежащее *it* и глагол *to be*, таким образом, мы имеем дело с парадигматическим эллипсисом. Можно достроить предложение несколькими способами: *the situation/the purchase/the experience is a little disappointing* или с неформальным подлежащим: *It is a little disappointing for me*. Вариантов много, но в любом случае сохранится общая содержательная нагрузка подлежащего; кроме того, сохранится необходимость в глаголе-связке (настоящего времени, которое катафорически связано с формой *have had*). Говорящий сократил свое высказывание, как минимум, на два элемента, но содержательная часть при этом не пострадала. Несмотря на то, что нет однозначного варианта «достройки» этого предложения, общий смысл понятен, покупатель не слишком доволен приобретением, что семантически концентрирует компонент *disappoint*, и коммуникативного сбоя не происходит.

2) Вторая эллиптическая конструкция (*I have only had a short amount of time*) вне контекста представляет собой грамматически правильно построенное предложение. Но в тексте речь идет не о том, что у говорящего мало времени, а о том, что поломка продукции произошла спустя небольшое время после приобретения. Понять, как достроить данное предложение до правильного, нам поможет только контекст, а значит, мы имеем дело с синтагматическим эллипсисом. Автор отзыва опустил дополнение *it*, под которым понимается сам продукт, и предлог *for*. Интернет-пользователь сделал свое высказывание более кратким, хотя качественно данное нарушение более значимо, поскольку требует учета большего объема контекста.

Статистика

Смешанные эллипсисы встречаются гораздо чаще в интернет-дискурсе и составляют 65 % от общего количества случаев (на долю парадигматических приходится 33 %, а синтагматических – всего 2 %). С учетом предложенной интерпретации это означает, что в большинстве случаев достроить предложение до грамматически корректного можно без контекста, но последний при этом дает возможность однозначного варианта «достройки».

Хотя, как показали примеры, отсутствие этой возможности не сказывается негативно на смысле итогового высказывания.

При использовании смешанных эллипсисов в 90 % случаев опускается подлежащее предложения (чаще всего личное местоимение *I*). Оставшиеся 10 % приходятся на другие члены предложения (например, дополнения), которые легко восстанавливаются по контексту.

В парадигматических эллипсисах может опускаться сказуемое либо глагольная часть составного сказуемого, которая не несет в себе смысловой нагрузки. На долю опущенного глагола-связки *to be* приходится около 35 % случаев. Около 24 % приходится на опущение других грамматических элементов в предикатных конструкциях типа *there is, had better* и *would rather*. Иногда пропускается сказуемое со смысловой нагрузкой (12 %), но его отсутствие не только не вызывает коммуникативный сбой, но придает дополнительную эмоциональную окраску высказыванию. В 18 % случаев опускается подлежащее, которое чаще всего можно восстановить формальным подлежащим *it*. Оставшиеся 11 % приходятся на опущение интернет-пользователем служебных частей речи, таких как предлоги и союзы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ВЫВОДЫ

Итак, в функциональном смысле норма, узус и аномалия представляют собой неразделимую триаду, которая имеет непосредственную связь с системой языка. Динамический по своей природе узус – источник и сфера существования языковых аномалий, которые характеризуются своеобразной «окрашенностью» по сравнению со статичной нормой, так как зачастую обнаружить норму становится возможным благодаря фиксации неких отклонений. Стоит отметить, что аномалия, понимаемая как отклонение, не перечеркивает само правило, «а главное – оно (отклонение) может быть рационально мотивировано, коммуникативно адекватно, прагматически успешно и семантически осмысленно» [Радбиль, 2006, с. 26]. Исследователи, занимавшиеся вопросом языковой аномалии, отмечали конструктивный и функциональный характер этого явления, а именно, его способность проявлять скрытые возможности языковой системы и

даже оказывать определенный эффект на адресата – эстетический, митигационный, манипулятивный, что подтверждает проведенный анализ интернет-отзывов покупателей. Было показано, что аномальные с точки зрения традиционной грамматики эллиптические предложения в нескольких вариантах с «деформированной» грамматической основой позволили авторам реализовать важные потребности – создать краткий, но экспрессивный текст, при этом утрата подразумеваемого единственно возможного подлежащего/дополнения или наиболее частотного глагола-связки существенной недосказанности или коммуникативного сбоя не вызывает. Не нарушается понимание и при опущении полной грамматической основы, если она приоритетно отвечает за форму и лишь в малой степени за содержание предложения.

Регулярность эллиптических предложений и сосуществование разных типов эллипсиса в рамках одного текста интернет-отзыва может означать, что нормативные строевые грамматические решения не удовлетворяют потребностям говорящих. Это приводит к стремлению пользователей адаптировать используемые языковые явления к дискурсу, к коммуникативной ситуации, то есть к задачам и условиям общения. На нашем языковом материале мы продемонстрировали преимущества наблюдаемых отклонений от грамматических норм, что может послужить фундаментом для их закрепления в языке. Пропуск не несущих в себе содержательной части элементов клаузы окажется характерной особенностью грамматики интернет-дискурса. В более широкой перспективе такая аномалия (ср. «subject drop, null subject, truncation»¹) за счет конструктивного начала может послужить толчком к развитию потенциальных возможностей языковой системы, реализация которых еще не зафиксирована в традиционном грамматическом описании, но уже есть в употреблении. Регулярная аномалия представляет огромный интерес для лингвистического описания, так как позволяет наблюдать изменения, происходящие в языке в данный момент и прогнозирующие возможный путь его развития.

¹ Thoughtco. URL: <https://www.thoughtco.com/null-subject-subject-drop-1691353>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University press, 2004.
2. Варламова Е. В. Интернет-дискурс как феномен // Вестник Поморского государственного университета. Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 6. С. 116–119.
3. Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978.

4. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997.
5. Крысин Л. П. Русская литературная норма и современная речевая практика // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 5–17.
6. Апресян Ю. Д. Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica: Филологические исследования. Памяти академика Георгия Владимировича Степанова (1919–1986): сборник статей. М., Л.: Наука, 1990. С. 50–71.
7. Фрей А. Грамматика ошибок. М.: КомКнига, 2006.
8. Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.
9. Бархударов Л. С., Штелинг Д. А. Грамматика английского языка. М.: Высшая школа, 1973.

REFERENCES

1. Crystal, D. (2004). Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University press.
2. Varlamova, E. V. (2006). Internet discourse as a phenomenon. Vestnik Pomorskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye i social'nye nauki, 6, 116–119. (In Russ.)
3. Lyons, J. (1978). Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku = Introduction to theoretical linguistics. Moscow: Progress. (In Russ.)
4. Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. (1997). Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki) = Language conceptualization of the world (based on the material of the Russian grammar). Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. (In Russ.)
5. Krysin, L. P. (2007). Russian literary norm and modern speech practice. Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii, 2(14), 5–17. (In Russ.)
6. Apresyan, Yu. D. (1990). Language anomalies: types and functions. Res Philologica: Filologicheskie issledovaniya. Pamyati akademika Georgiya Vladimirovicha Stepanova (1919–1986) (pp. 50–71): The digest of articles. Moscow, Leningrad: Nauka. (In Russ.)
7. Frei, A. (2006). Grammatika oshibok = Grammar of mistakes. Moscow: KomKniga. (In Russ.)
8. Radbil', T. B. (2006). Yazykovye anomalii v hudozhestvennom tekste = Language anomalies in the literary text: Senior Doctoral thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
9. Barhudarov, L. S., Shteling, D. A. (1973). Grammatika anglijskogo yazyka = A grammar of the English language. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петрова Любовь Сергеевна

аспирант кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petrova Lyubov Sergeevna

Postgraduate Student of the Department of Grammar and History of the English Language,
Faculty of English, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.02.2022
одобрена после рецензирования 01.03.2022
принята к публикации 09.03.2022

The article was submitted 04.02.2022
approved after reviewing 01.03.2022
accepted for publication 09.03.2022

Фиолетовая гамма в палитре испанского языка: нюансы дополнительной семантики

Е. А. Попова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
o-genia@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию языковых единиц с первичным значением фиолетового цвета, который составляет значимый фрагмент колоративной картины мира испаноязычных стран. Семантический, этимологический и лингвокультурологический анализ лексем со значением фиолетового тона показывает, что все они имеют дополнительную семантику с отрицательными коннотациями. Особое внимание в данном контексте заслуживают межвариантные особенности значений анализируемых лексем.

Ключевые слова: испанский язык, фиолетовая гамма, языковая единица, семантика, межвариантные особенности

Для цитирования: Попова Е. А. Фиолетовая гамма в палитре испанского языка: нюансы дополнительной семантики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3(858). С. 75–82. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_75

Original article

Purple Gamma in the Palette of the Spanish Language: Nuances of Additional Semantics

Evgeniya A. Popova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
o-genia@yandex.ru

Abstract. The article deals with the study of language units with the primary meaning of purple colour, which represent a significant fragment of the colour picture of the world in Spanish-speaking countries. The semantic, ethymological and cultural analysis of “purple” lexemes allows us to conclude that all of these units have additional semantics with negative connotations. Particular attention is paid to intervariational features of meanings of the units under analysis.

Keywords: Spanish language, purple gamma, language unit, semantics, intervariational features

For citation: Popova, E. A. (2022). Purple gamma in the palette of the Spanish language: nuances of additional semantics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(858), 75–82. 10.52070/2542-2197_2022_3_858_75

ВВЕДЕНИЕ

Цветобозначения, с одной стороны, могут выступать частью научной, а с другой – наивной картины мира. По справедливому утверждению исследователей, лексемы, передающие восприятие человеком цветового спектра, «несмотря на очевидные связи с нейрофизиологией, всё-таки представляют собой артефакты коллективного обыденного сознания и еще шире – артефакты национальной культуры» [Бережных, 2009, с. 17].

В фокусе нашего внимания – языковые единицы (ЯЕ) указанного лексико-семантического поля в сфере обиходного языка, где «значение слова по самой своей природе неточно и неопределенно, чем и отличается от значения научного термина» [там же]. В связи с этим рассматриваемые ЯЕ в разных языках имеют свой национальный, культурообусловленный компонент, выраженный либо в их дополнительной семантике, либо в значениях фразеологизмов, в состав которых они входят. Вышесказанное определяет актуальность исследований, посвященных колоративам.

Цель статьи – выявить дополнительную семантику лексем (как отдельных слов, так и семантически опорных компонентов в составе фразеологических единиц) со значением фиолетовой гаммы в полинациональном испанском языке, поскольку указанный тон выступает значимым фрагментом колоративной картины мира испаноязычных стран. Фиолетовый – это композитный цвет, созданный сочетанием красного и синего. Компонентами фиолетового спектра считаются лавандовый, сиреневый, лиловый, пурпурный, сливовый, фуксия, флокс, баклажан, аметистовый, ежевичный и черничный оттенки. Таким образом, для анализа нами были отобраны следующие ЯЕ, которые в испанском языке подходят под вышеприведенное описание и имеют, помимо основного (цвета), дополнительные, национальные значения: *violeta, lila, púrpura, morado, ciruelo / -a, berenjena*.

Согласно учению о цвете И. В. Гёте, фиолетовый принадлежит к составным цветам первой степени¹, а само понятие фиолетового тона, исходя из теории Б. Берлина и П. Кея об универсальном характере эволюции основных цветобозначений, появляется в языке на ее высшей стадии². Ассоци-

¹ Гёте разделял цвета на три группы: основные (желтый, синий, красный); составные первой степени, получаемые при смешении двух основных цветов (зеленый, оранжевый, фиолетовый), и второй степени – при смешении составных цветов [Фрилинг, Ауэр, 1973].

² Цветовая терминология развивается в строгой последовательности, и каждая следующая стадия включает в себя все предыдущие: появление двух слов, первое из которых обозначает все темные цвета, а второе – все светлые (I); осмысление данных понятий в качестве черного и белого цветов, появление третьего – понятия

ативные эксперименты, проводимые в Европе и США, показывают, что фиолетовая гамма чаще ассоциируется с королевской властью, магией, тайной и благочестием. В сочетании с розовым цвет связан с эротикой, женственностью и соблазнением [Базыма, 2005].

В лингвокультурологических исследованиях цветобозначений (см., например, [Рогулина, 2006; Бережных, 2009; Корнилов, 2011]), встречается понятие «общей референциальной рамки» как основы национально-специфической концептуализации цвета. Ее элементами на этапе становления языков выступают значимые для общества объекты материального мира, в частности – природной среды (небо, солнце, земля, вода, флора и фауна и др.), в связи с чем во многих языках при передаче цветовых ощущений наблюдается принцип подобия.

Считается, что в языках, не достигших высокого уровня абстракции, через отсылку к прототипу передаются обозначения основных цветов, а в более развитых и имеющих гораздо более дифференцированную систему цветобозначений – промежуточных. Названия естественных цветовых прототипов либо сами служат обозначениями цветов, либо присутствуют в их значении в скрытой форме: «такой, как...», «подобный чему-либо» [Корнилов, 2011, с. 171–172]. В современном испанском языке прием указания на конкретный предмет как точку референциальной соотнесенности используется для номинации практически всех цветов фиолетового тона: *violeta / violado* – цвета фиалки, *morado / moracho* – цвета ежевики, *ciruela* – сливы, *uva* – винограда, *berenjena / aberenjenado* – баклажана.

ОБРАЗЫ «КОРОЛЕВСКОГО» ПУРПУРА

В указанном ряду не является исключением и пурпурный цвет – *color púrpura*. «Божественным пурпуром» во времена финикийской цивилизации называли красно-фиолетовый цвет. Согласно легенде, собака финикийского правителя Меркатора, увидев на берегу моря засохшую раковину моллюска, разгрызла ее – и морда животного окрасилась в яркий фиолетовый цвет. Ловля и обработка таких моллюсков положили начало производству красителя «пурпур», однако для изготовления одного грамма краски необходимо было добыть и обработать десять тысяч моллюсков, что обусловило ее высокую стоимость. Таким образом, окрашивать одежду в

красного цвета (II); возникновение понятий синего, желтого, зеленого и коричневого цветов (III, IV, V и VI стадии); появление цветовых обозначений для розового, оранжевого, фиолетового и серого (VII – высшая стадия) [Berlin, Kay, 1969].

пурпурный цвет могли позволить себе только высокие сановники и императоры, демонстрируя тем самым свое богатство и могущество¹. Фиолетовые одежды носили римские магистраты, правители Византийской империи и Священной Римской империи, а позднее – римско-католические епископы.

В испанском языке прилагательное *púrpura*, соответствующее описанному цвету, исторически представляет собой результат метонимического переноса от соответствующего существительного: согласно толковому словарю Испанской Королевской Академии DRAE, первое значение указанной лексемы – «морской брюхоногий моллюск ... выделяет очень небольшое количество желтоватых чернил, которые при соприкосновении с воздухом становятся зелеными, а затем превращаются в темно-красный, пурпурно-красный или фиолетовый»² (*molusco gasterópodo marino ... segrega en cortísima cantidad una tinta amarillenta, la cual al contacto del aire toma color verde, que luego se cambia en rojo oscuro, en rojo violáceo o en violeta*)³.

Кроме того, словарь фиксирует дополнительные метафорические значения: «императорский, королевский, консульский, кардинальский сан» (*dignidad imperial, real, consular, cardenalicia*), «болезненное состояние, характеризующееся кровоизлияниями» (*estado morbos, caracterizado por hemorragias*), «человеческая кровь» (*sangre humana*). Второе из приведенных значений дается с пометой *медицина*, третье – *поэзия*. Также существует устойчивое выражение *púrpura de Casio* («пурпур Кассиуса»), использующееся в естественных науках для обозначения порошка из мельчайших частиц золота соответствующего цвета, который выпадает в осадок из растворов его солей с помощью некоторых восстановителей. Данная химическая реакция была открыта в 1666 году немецким врачом Андреасом Кассиусом, в связи с чем и получила свое название [Hunt, 1976].

Отметим, что не во всех испаноязычных странах пурпурный цвет исторически связан с символами королевской власти, что может вызывать сбои в межкультурной коммуникации. С. Г. Тер-Минасова приводит пример Мексики, где данный цвет, в первую очередь, символизирует траур. Однажды испанская фирма, договорившись с мексиканскими коллегами о продаже большой партии пробок, имела неосторожность выкрасить их для красоты в «королевский» цвет, что привело

к обидам со стороны мексиканцев и срыву сделки [Тер-Минасова, 2000].

«ЛИЛОВЫЕ» МЕТАФОРЫ

Ассоциации с кровью и синяками имеют и другие испанские прилагательные фиолетовой гаммы. Так, фиолетово-красный тон в христианстве отражает крестные страдания Иисуса Христа, поэтому священники носят облачение указанных оттенков по воскресеньям Великого поста и праздникам, связанным с обретением Креста. По мнению исследователя испанского религиозного сознания А. С. Дяченко, для испанцев муки Христа не абстрактны, а предельно конкретны: описание синяков Христа в фольклоре всегда весьма натуралистично [Дяченко 2012], а ряса, залитая кровью, стала метафорическим обозначением лилового цвета, что доказывает устойчивый сравнительный оборот *como la túnica de Cristo* («как ряса Христа»). Кроме того, название *túnica de Cristo* носит лиловое растение «дурман индийский» [Лаврентьева, 2017], что вновь поднимает вопрос об использовании референциальной рамки при номинации составных цветов в испанском языке.

Значение «синяк» имеет и лиловый цвет – *morado* (словарь DRAE фиксирует его с пометой *разговорное*). Приведем пример его актуализации на лингвистическом форуме Wordreference:

Yo no sé si ella te contó, pero una de las razones por las cuales ella abandonó a Daniel fue el hecho de que él le pegara en la pierna y le dejara **un morado**... – «Я не знаю, сказала ли она тебе, но одной из причин, почему она ушла от Даниеля, был тот факт, что он ударил ее по ноге и оставил ей **синяк**...»⁴

Испанскому фиолетовому цвету в русскоязычной картине мира в данном значении соответствует синий. В испаноязычных странах также существуют отличия в цветовосприятии: так, согласно Словарю американизмов Испанской Королевской Академии (RAE amer)⁵, в Аргентине в подобном контексте использовалось бы образование от *morado* – *moratón*, в Боливии и Эквадоре – зеленый цвет (*verde*), а в Гватемале, Гондурасе, Никарагуа, Коста-Рике и на Кубе – существительное, образованное от *verde* – *verdugón*.

С приведенным выше дополнительным значением, основанном на метафорическом переносе,

¹ Фиолетовый в истории и искусстве // DIAIGI. 25.06.2021. URL: <https://diaigi.com/tpost/0goc0mpig1-fioletovii-v-istorii-i-iskusstve>

² Здесь и далее перевод наш. – Е. П.

³ DRAE: Diccionario de la lengua española. Real Academia Española. URL: dle.rae.es/púrpura?m=form

⁴ Forum Wordreference. URL: <https://forum.wordreference.com/threads/fue-el-hecho-de-que-el-le-pegara-en-la-pierna-y-le-dejara-un-morado.1881404/>

⁵ RAE amer: Diccionario de americanismos. Real Academia Española. URL: [https://lema.rae.es/damer/](http://lema.rae.es/damer/)

в некоторой степени связано полисемантическое устойчивое сочетание *estar / ponerse morado* («быть / стать лиловым»): 1) наесться до отвала; 2) опьянеть, захмелеть; 3) быть в состоянии наркотического опьянения; 4) замерзнуть (DRAE). С одной стороны, существует мнение, что его употребление мотивировано физиологическим опытом человека и «связано с гиперболизацией, выражающейся в приукрашивании явления объективной действительности в субъективной картине мира носителей языка» [Соколова, 2016, с. 149–150]. В данном случае предполагается, что такие изменения в организме, как покраснение лица при указанных выше состояниях и процессах, отражаясь во фразеологии, переходят в более темный и насыщенный цвет. Если в картине мира испаноязычных народов этим цветом является фиолетовый, то в русском языке в тех же значениях снова используется синий цвет (ср.: *синячить, синька, синий / синяк* = «злоупотребляющий алкоголем»; *посинеть от холода*). В исследовании Е. Ю. Бережных также находим примеры использования прилагательного *borracho* («пьяный») в значении «лиловый», если речь идет о цвете фруктов [Бережных, 2009].

С другой стороны, носители испанского языка предлагают следующую версию происхождения такой полисемии:

Podría encontrarse en una enfermedad llamada cianosis, en la que se da una coloración azulada en la piel y que es un trastorno que en el pasado se pudo asociar con una gran ingesta de alimentos provocando una serie de trastornos. – «Его можно найти в заболевании, называемом цианозом, при котором наблюдается синеватая окраска кожи; это расстройство, которое могло быть связано с большим потреблением пищи, вызывая ряд последствий»¹.

Гиперболизацию физиологической реакции можно предположить и в отношении семантики страха, характерной для прилагательного *morado* в испанском языке Аргентины до второй половины XX века. Источником значений «трусливый», «напуганный чем / кем-либо», которые активно использовались в аргентинской литературе и текстах танго, а сегодня приводятся в словарях с пометой *устаревшее*, является жаргон лунфардо:

Tal vez me hubieran bombiado
y me venían a buscar;
más no quise disparar,
que eso es de gaucho *morao*.

J. Hernández. *Martín Fiero*

¹ El blog para aprender español. Ponerse morado / -a. URL: <https://blogdeespanol.com/2014/12/ponerse-morado/>

«...возможно, меня ранили»
и теперь пришли за мной
я больше не захотел стрелять,
потому что так себя ведут только *трысы*».

...volverá, *morado*,
con bagualas del fondo de los huesos
su voz, golpeando dura como un puño
en el tambor del pecho.

J. Dávalos. *Temor del Sábado*

«...[к нему] вернется **со страхом**,
диким, пробирающим до костей,
его голос, стучащий кулаком
в барабан его груди».

В определенных контекстах и некоторых национальных вариантах испанского языка фразеологизм *ponerse morado* может выражать и положительную оценку, характеризуя удовлетворение после обильной еды. Например, словарь живой разговорной речи в Латинской Америке *AsiHablamos*² приводит значение «довольный, веселый, счастливый» (*contento, alegre, chocho*):

Se puso *morado* porque ella cocina muy bien. – «Он остался очень доволен, потому что она очень вкусно готовит».

Тем не менее большинство дополнительных значений лексемы *morado* несет негативную окраску, которая, скорее всего, связана с темным оттенком соответствующего цвета. Помимо приведенных выше, в упомянутом словаре RAE amer зафиксированы такие значения, как «зад» (*зрубое*, Эль Сальвадор) и «негр» (*уничжительное*, Гватемала, Никарагуа, Эль Сальвадор). Кроме того, фиолетовый цвет выступает синонимом черного в паниспанских фразеологизмах *pasarlas negras / moradas* и *vérselas negras / moradas* (букв. «проходить через / увидеть черные / лиловые») – «переживать тяжелые времена».

ФИАЛКОВЫЙ, СИРЕНЕВЫЙ, СЛИВОВЫЙ...

Дополнительная семантика с отрицательными коннотациями заметна и у других цветов фиолетового тона, причем на уровне как лексических, так и фразеологических единиц, в состав которых входят такие семантически опорные компоненты, как *violeta* («фиолетовый»), *lila* («сиреневый»), *ciurelo* («сливовый») и др.

² AsiHablamos. El diccionario latinoamericano, para poder entendernos. URL: <https://www.asihablamos.com/www/significado/palabra/morado>

Лексема *violeta*, являющаяся ядром фиолетового спектра во многих европейских языках (ср. рус. *фиолетовый*, англ. *violet*, нем. *Violett*) имеет несколько версий этимологического толкования. Первая относит данную лексическую единицу (ЛЕ) к названию цветка – фиалки: от французского *violette* (впервые зафиксировано в XII веке), которое восходит к древнефранцузскому *virole*, образованному от латинского *viola*¹.

Некоторые исследователи утверждают, что латинизм *viola* под влиянием каталонского в провинции Арагон стал синонимом ЛЕ, обозначающей другой фиолетовый цветок – левкой, а в португальском, кастильском, баскском, нидерландском, английском языках получила распространение именно французская диминутивная форма. При этом лексема со значением фиолетового цвета, возникшая в Каталонии и Арагоне в VIII веке, звучит как *violario* и образована от латинского *violarium* – «рассадник фиалок». Автор «Этимологического словаря испанского языка» Х. Короминас отмечает, что в семантике ЛЕ *violario* заключен смысл пожизненной расплаты, возможно – печали на благо чего-либо, а «фиалковый» цвет мог символизировать положение верующих, берущих на себя функции по оплате ренты [Corominas, 1987, т. 5].

Согласно исследованию Е. Ю. Бережных, от существительного *viola* («фиалка») также образована ЛЕ *violado* – «фиолетовый» (не путать с омонимичным причастием от глагола *violar* – «нарушать закон, бесчестить»), от которой через французский язык возникли кастильские *yodo* («йод»), *yodado* («йодистый») [Бережных, 2009]. Приведенные факты являются еще одним подтверждением ассоциации фиолетового цвета с религией, страданиями и подчеркивают его темный оттенок.

Говоря о дополнительной семантике лексемы *violeta*, выделим значение «насильник» с резко негативной коннотацией, изначально появившееся в испанском языке Аргентины из тюремного жаргона. Указанный эвфемизм используется не только в разговорной речи, но и в СМИ. Так, по заголовку *Desesperación y bronca con los violeta* – «Отчаяние и ненависть к насильникам» (*Soy Boca* 28.03.2014)², не зная специфики такого значения, невозможно представить себе, о чем пойдет речь в статье. Примеры на панамериканском портале INFOBAE³ и в

электронном издании испанской газеты *Vanguardia*⁴ позволяют заключить, что данное значение сегодня актуально для всех национальных вариантов испанского языка.

Подчеркнем, что с лингвистической точки зрения оно не имеет отношения к приведенным выше ассоциациям с фиолетовым цветом, а появилось по созвучию с заменяемой лексемой *violador* («насильник»). Подобное явление можно обнаружить и в семантике ЛЕ *lila* («сиреневый»): *ser (un) lila* означает «быть глупцом», а словари DRAE и DECEL соотносят лексему с созвучной единицей *lelo* («дурачок») ономастопозитического происхождения (по ассоциации с невнятным бормотанием).

Вторичное значение «дурак», «болван» имеет и «сливовый» цвет – *ciruelo* (первое значение ЛЕ – «сливовое дерево»). В испанском языке существует ироничная поговорка, построенная на каламбуре: *Día de San Ciruelo, 30 de febrero* (букв. «День святого дурака – 30 февраля») – аналог русского «когда рак на горе свистнет» (то есть «никогда»). Поскольку 30 февраля не существует, *San Ciruelo* – мифический день мифического покровителя дураков. Доподлинно неизвестно, какое именно значение лежит в основе указанного метафорического переноса – «сливовое дерево», «сливовый цвет» или их комбинация, однако в мемах, найденных на просторах Интернета по запросу (*Día de San Ciruelo*, предполагаемый «болван» изображен фиолетовым (см. рис. 1).

В дополнительной семантике ЛЕ *lila* с негативными коннотациями стоит упомянуть сленговое

de-barreda-a-robledo-puch-los-estremecedores-testimonios-que-revelan-la-violenta-relacion-de-los-presos-con-los-violadores/

⁴ El presunto violador y asesino de dos mujeres policías sufre un ajuste de cuentas en la cárcel // La Vanguardia. URL: <https://www.lavanguardia.com/vida/20080827/53527963757/el-presunto-violador-y-asesino-de-dos-mujeres-policias-sufre-un-ajuste-de-cuentas-en-la-carcel.html>

Рис. 1. El día de San Ciruelo pagaré lo que te debo (букв. 'В день святого дурака я верну тебе все долги')

¹ DECEL: Diccionario etimológico de castellano en línea. URL: <http://etimologias.dechile.net/?violeta>

² Desesperación y bronca con los violeta (violadores seriales del estatuto) // SoyBoca. URL: soyboca.com.ar/2014/03/28/desperacion_y_bronca_con_los_violeta_violadores_seriales_del_estatuto.html

³ De Barreda a Robledo Puch: los estremecedores testimonios que revelan la violenta relación de los presos con los violadores // INFOBAE. URL: <https://www.infobae.com/sociedad/policiales/2018/03/21/>

значение «кокаин» в национальном варианте испанского языка Эль Сальвадора; связано с наркотиками и одно из вторичных значений «баклажанового» цвета (*berenjena*) в сленге Пуэрто-Рико, – «вена наркомана». Примеры возвращают нас к метафорическому переносу, лежащему в их основе.

«ЖЕНСКИЙ» ЦВЕТ

Если одни цвета фиолетовой гаммы явно находятся ближе к красному спектру (*púrpura*), а другие – к синему (*morado*, *berenjena*), что выражается в соответствующих метафорических значениях, то для ряда «фиолетовых» лексем характерны ассоциации с розовым цветом, что находит отражение в стереотипных образах, связанных с женщинами. Так, например, *ser un lila*, помимо глупого человека, обозначает представителя нетрадиционной сексуальной ориентации и имеет пейоративную окраску: согласно данным форума Wordreference, мотивированность данной ЯЕ заключается в том, что *lila* ассоциируется с цветами, в которые обычно одеты куклы Барби¹.

Делать что-либо *a la violeta* («по-фиолетовому») обозначает дилетантизм в определенной области, поверхностное представление о предмете разговора и желание порисоваться. Происхождение данной единицы датируется XVIII веком и впервые встречается в названии работы Хосе Кададьсо *Los eruditos a la violeta o curso completo de todas las ciencias... Publícase en honor a los que pretenden saber mucho estudiando poco* («Эрудиты «по-фиолетовому» или полный курс всех наук... Публикуется для тех, кто стремится много знать, но при этом мало учиться»)². Такое значение появилось «благодаря» созданию автором женоподобного образа лже-мудрецов: «гладко выбритых» – *barbilampiño*, «причесанных» – *peinado*, «надушенных» – *empolvado*, «благоухающих лавандой и фиалками» – *lleno de aguas olorosas de lavanda y violeta* и «любящих покрасоваться» – *adonizado* (*J. Cadalso, Los eruditos a la violeta...*).

Даже не углубляясь в вопросы гендерной дискриминации, из приведенных примеров можно увидеть, что отрицательная оценка, заложенная в указанных значениях, основана на восприятии женщин как поверхностных существ, которые заботятся исключительно о своем внешнем виде. Тем не менее сегодня в культурах испаноязычных стран фиолетовая гамма стала символом

феминистского движения, борьбы женщин за свои права. Выражением *humor lila* («сиреневый юмор») в современном испанском языке называют анекдоты или истории из жизни женщин, в которых они преуспевают в мире мужчин, наслаждаются своей независимостью, побеждают их и диктуют свои правила игры.

В латиноамериканских странах частью уличной культуры считается возможность выражать свои взгляды с помощью цветной ткани, которая получила название *estrategia de pañuelos* («стратегия платков»). Больше всех на данном поприще преуспела Аргентина, где используются более 20 цветов для проведения уличных демонстраций. Именно фиолетовый цвет символизирует борьбу с насилием в отношении женщин, которая в современном аргентинском обществе (как и в ряде других стран Латинской Америки) становится одной из самых актуальных задач. В стране активно действует феминистское движение, собирающее на митинги сотни человек под лозунгом *Ni una menos* («Ни одной больше»). На улицах Буэнос-Айреса часто можно увидеть женщин с фиолетовыми аксессуарами. Благодаря активной деятельности «фиолетового» движения в 2019 году домогательство на публике в отношении женщин стало преступлением в Аргентине: соответствующий закон единогласно принял сенат страны³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный семантический, этимологический и лингвокультурологический анализ вторичных значений ЛЕ фиолетовой гаммы показал, что, с одной стороны, общеевропейские ассоциации данного цвета с королевской властью, религией (благочестием), женственностью характерны и для испанского языка. С другой стороны, практически все рассмотренные единицы имеют дополнительную семантику с отрицательными коннотациями, что заметно на уровне как лексики (*lila*, *ciruelo* – «глупец», «болван»; *morado* – «пьяный», «синяк»), так и фразеологии (*erudito a la violeta* – «дилетант», *pasarlas moradas* – «оказаться в безвыходном положении») и может быть связано с явлениями метафорического или метонимического переноса, а также с появлением новых значений по принципу фонетического сходства с другими ЯЕ.

Особого внимания в рамках исследования лексики и фразеологии испанского языка как полинационального заслуживают межвариантные особенности значений указанных лексем

¹ Forum Wordreference. URL: <http://forum.wordreference.com/showthread.php?t=720059&langid=18>

² URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/los-eruditos-a-la-violeta-3/html/ff14bdd2-82b1-11df-acc7-002185ce6064_2.html

³ В Аргентине уличные домогательства в отношении женщин стали преступлением // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190419/1552833211.html>

(например, в Аргентине *violeta* может иметь значение «насилльник», а *morado* – «трус»; *berenjena* и *lila* обозначают наркотики в Пуэрто-Рико и Эль Сальвадоре). Подобные семантические нюансы могут быть связаны как с языковыми, так и с экстралингвистическими факторами. Материал

проанализированных устойчивых выражений также позволяет сделать вывод об их культурной обусловленности, поскольку они не могут быть переведены на русский язык дословно в силу отсутствия в нем схожего символа или ассоциации с фиолетовым цветом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бережных Е. Ю. Цветообозначения и их символика в русском и испанском языках: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009.
2. Фрилинг Г., Ауэр К. Человек – Цвет – Пространство: Прикладная цветопсихология. М.: Стройиздат, 1973.
3. Berlin V., Kay P. Basic Color Terms: their Universality and evolution. Berkeley; Los Angeles: The University of California Press, 1969.
4. Базыма Б. А. Психология цвета: Теория и практика. М.: Речь, 2005.
5. Рогулина Е. Э. Национально-культурная семантика цвета в испанской фразеологии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
6. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: КДУ, 2011.
7. Hunt L. B. La verdadera historia de Purple of Cassius // Boletín de oro. 1979. Vol. 9 (4). P. 134–139. doi: 10.1007/bf03215423
8. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.
9. Дяченко А. С. Саэта как отражение испанского религиозного сознания XVI–XVII веков // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2012. № 6. С. 144–151.
10. Лаврентьева А. С. Десакрализация образов святых в испанском фольклоре // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Серия Филологические науки. № 1. М., 2017. С. 61–79.
11. Соколова К. А. Структурно-семантические особенности фразеологизмов с цветовым компонентом в западно-романских языках (на материале испанского, французского и итальянского языков): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016.
12. Corominas J., Pascual J. A. Diccionario Critico Etimologico Castellano e Hispanico. T. 5: RI – X. Madrid: Graficas Condor, S.A., 1987.

REFERENCES

1. Berezhnyh, E. Yu. (2009). Cvetoooboznacheniya i ih simbolika v russkom i ispanskom yazykah = Colour designation and their symbolism in Russian and Spanish languages: PhD in Philology. Kazan'. (In Russ.)
2. Friling, G., Auer, K. (1973). Chelovek – Cvet – Prostranstvo: Prikladnaya cvetopsihologiya = Man – Colour – Space: Applied colour psychology. Moscow: Strojizdat. (In Russ.)
3. Berlin, V., Kay, P. (1969). Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley; Los Angeles: The University of California Press.
4. Bazyma, B. A. (2005). Psihologiya cveta: Teoriya i praktika = Psychology of colour. Moscow: Rech'. (In Russ.)
5. Rogulina, E. E. (2006). Nacional'no-kul'turnaya semantika cveta v ispanskoj frazeologii = National and cultural semantics of colour in Spanish phraseology: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
6. Kornilov, O. A. (2011). Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov = Language pictures as results of national mentality. Moscow: KDU. (In Russ.)
7. Hunt, L. B. (1979). La verdadera historia de Purple of Cassius. Boletín de oro, 9(4), 134–139. 10.1007/bf03215423
8. Ter-Minasova, S. G. (2000). Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya = Language and intercultural communication. Moscow: Slovo. (In Russ.)
9. Dyachenko, A. S. (2012). Saeta as a reflection of Spanish religious consciousness of the XVI–XVII centuries. Vestnik of Moscow State University. Philology, 6, 144–151. (In Russ.)

10. Lavrent'eva, A. S. (2017). The desacralization of saints as a result of the peculiarities of the functioning of the agioanthroponyms in the Spanish folklore. *Vestnik of Moscow Sholokhov State University of Humanities. Philological Sciences*, 1, 61–79. Moscow. (In Russ.)
11. Sokolova, K. A. (2016). *Strukturno-semanticheskie osobennosti frazeologizmov s cvetovym komponentom v zapadno-romanskih yazykah (na materiale ispanskogo, francuzskogo i ital'yanskogo yazykov) = Structural and semantic peculiarities of phraseological units with a colour component in West-Romanic languages (based on Spanish, French and Italian): PhD in Philology. Saint-Petersburg. (In Russ.)*
12. Corominas, J., Pascual, J. A. (1987). *Diccionario Critico Etimologico Castellano e Hispanico. T. 5: RI – X. Madrid: Graficas Condor, S.A.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Евгения Андреевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка
Института иностранных языков им. М. Тореза
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Popova Evgeniya Andreevna

PhD (Philology), Assistant Professor at the Department of the Second Foreign Language,
M. Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.02.2022 одобрена после рецензирования 01.03.2022 принята к публикации 09.03.2022	The article was submitted 04.02.2022 approved after reviewing 01.03.2022 accepted for publication 09.03.2022

Грамматические средства взаимодействия автора и читателя в немецкоязычном письменном научном дискурсе

Е. В. Садовникова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
sadovnikova.ev@gmail.com*

Аннотация. Статья представляет собой исследование, проведенное в русле грамматики дискурса, изучающей грамматические явления в тексте с учетом дискурсивного окружения. На материале немецкоязычных научных статей по лингводидактике рассматриваются особенности взаимодействия автора и читателя на грамматическом уровне. Наряду с выделением активного участия форм глагольных категорий, выполняющих важные коммуникативно-прагматические функции в научной статье, и некоторых специфичных синтаксических конструкций как средств диалогизации, делается вывод о специфичном сочетании избираемых автором конкретных грамматических форм и структур.

Ключевые слова: научный дискурс, научная статья, средства адресации, грамматика дискурса, категории глагола, синтаксис

Для цитирования: Садовникова Е. В. Грамматические средства взаимодействия автора и читателя в немецкоязычном письменном научном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3 (858). С. 83–89. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_83

Original article

Grammatical Means of Interaction between the Author and Readers in German Scientific Discourse

Elena V. Sadovnikova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
sadovnikova.ev@gmail.com*

Abstract. The article is a study carried out in line with the grammar of discourse, which studies grammatical phenomena in the text, taking the discursive environment into account. The study is based on the material of German-language scientific articles in the field of linguodidactics and considers the features of the interaction between the author and readers at the grammatical level. The results of the study allow to come to the conclusion about the active participation and a specific combination of grammatical forms and structures chosen by the author according to his intentions.

Keywords: scientific discourse, scientific article, means of addressing, discourse grammar, verb categories, syntax

For citation: Sadovnikova, E. V. (2022). Grammatical means of interaction between the author and readers in German scientific discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(858), 83–89. 10.52070/2542-2197_2022_3_858_83

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития лингвистической мысли, междисциплинарность подходов в лингвистических исследованиях, обращение к когнитивным процессам речевой деятельности определяют перспективность такого направления в языкознании, как грамматика дискурса, позволяющего изучать грамматические явления в тексте (от грамматической формы до словопорядка и синтаксических структур в предложении) не в узком формальном понимании, а с учетом экстралингвистических факторов коммуникативной ситуации.

Внимание к функционированию грамматических явлений и категорий в тексте возникло независимо от дискурсивных исследований и имеет долгую историю. Достаточно вспомнить основополагающие труды в области теоретической и практической грамматики выдающихся лингвистов (Benveniste, 1959; Weinrich, 1964; Шендельс, 1972; Москальская, 1974 и др.). Дискурсивная направленность современной лингвистической парадигмы, безусловно, расширяет возможности анализа грамматических форм в тексте, определяя их дискурсивно обусловленными, т. е. актуализируя и объясняя их связь с намерениями и целями коммуникантов. Грамматические явления признаются важной составляющей арсенала средств, раскрывающих интенцию дискурса [Казанцева, 2004], необходимым «каркасом» реализации межличностных отношений в речевом акте.

Особое внимание в этой связи уделяется проблемам вербализации взаимодействия адресанта и адресата в различных типах дискурса, в том числе в письменном научном дискурсе, представляющем собой процесс и продукт профессионального общения, обладающим высокой степенью авторитетности, с одной стороны, и высокой степенью воздействия на реципиента речи, с другой стороны. Интерес к изучению данного аспекта лингвистического механизма текста как вербального компонента дискурса обуславливает необходимость дальнейших исследований в этой области и определяет актуальность настоящей работы.

Целью исследования, представленного в статье, является изучение реализации взаимодействия коммуникантов в немецкоязычном письменном научном дискурсе. Рассматриваются грамматические средства адресации как основы взаимодействия автора и читателя в научной статье. В качестве практического материала для исследования анализируются немецкоязычные научные статьи по лингводидактике как одному из популярных гуманитарных направлений в немецкоязычном научном пространстве. Выбор практического материала

поддерживается мнением о том, что научные тексты гуманитарных направлений отличаются большей субъективностью, возможностями проявления в них автора как исследователя и более активным взаимодействием с реципиентом текста [Алексеев, 1991].

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи. Дается характеристика научной статьи как вербального компонента письменного научного дискурса. Описываются прагматические аспекты взаимоотношений коммуникантов в научной статье. Обосновывается выделение «фактора адресата» как основы взаимодействия автора и читателя. На фрагментах из немецкоязычных научных статей анализируются грамматические средства адресации автора к читателю, на морфологическом и синтаксическом уровнях. Делаются выводы.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ КАК ВЕРБАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ПИСЬМЕННОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Понимание дискурса как «коммуникативного события» [Kornerding, 2009], как «межличностной коммуникации, охватывающей все формы социального взаимодействия институтов, индивидов и социальных групп» [Казанцева, 2010, с. 56], позволяет выделить основные компоненты дискурса, находящиеся в тесной взаимосвязи друг с другом и являющиеся специфичными для каждого типа дискурса: коммуникантов, коммуникативную ситуацию и сам текст. Текст является тем параметром, который доступен анализу с лингвистических позиций. Понимание текста в широком смысле как «комплексное речевое действие, включенное в совместную деятельность коммуникантов и направленное на решение определенных задач в материальной, мыслительной и эмоциональной сферах» [Казанцева, 2004, с. 19], раскрывает его не просто как лингвистическую единицу, а как вербальный компонент дискурса.

Научную статью как вербальный компонент письменного научного дискурса можно охарактеризовать в содержательном, структурном и коммуникативно-прагматическом плане. Содержательной основой научной статьи является передача теоретических и исследовательских положений в систему научной парадигмы той или иной научной области. Статья характеризуется достаточно четкой, институционально зависимой структурой, а именно состоит из коммуникативно-значимых отрезков текста, имеет системно-приобретенные признаки и является обязательной для научного дискурса. На текстовом уровне дискурса нередко используется понятие суперструктуры, понимаемое как стандартная схема, по которой строится дискурс [Дейк ван, 2000].

При рассмотрении проблемы взаимодействия автора и читателя в научном дискурсе (в тексте научной статьи) учитывается, прежде всего, коммуникативно-прагматический аспект, т. е. те составляющие, в опоре на которые порождается и воспринимается текст: коммуниканты с присущими им социальными ролями, целями, ценностными установками, фоновыми знаниями и коммуникативная ситуация, включающая форму и сферу общения.

Научная статья предполагает двух участников ситуации общения – автора и читателя. Адресантом, автором научной статьи является ученый, исследователь, цель которого заключается в том, чтобы с помощью опубликованного материала не только познакомить читателя с данными проведенного научного исследования, но и убедить его в истинности полученного знания. Адресатом текста научной статьи является ученый, работающий в той же или смежной тематике, что и автор, которому должна быть знакома и интересна проблематика научной статьи. Таким образом, адресант и адресат научного текста являются «коллегами», «со-мыслителями», заинтересованными в решении научной проблемы.

Адресат текста научной статьи может быть рассмотрен в двух ракурсах: как «идеальный» читатель-ученый в условиях «здесь и сейчас» и как обобщенный образ научного сообщества с включением в него автора или противопоставления с ним. Такая многоаспектность адресата научной статьи может указывать на наличие разных интенций со стороны автора, а значит и на использование автором различных средств взаимодействия с читателем в процессе коммуникативного акта.

Особенности взаимодействия автора и читателя определяют также коммуникативные условия научной статьи. Письменная форма общения между коммуникантами предопределяет дистантность их отношений, откорректированную и оптимизированную для восприятия внешнюю и внутреннюю форму научного текста, актуализацию специфических форм диалогичности. С учетом специфики проявления коммуникантов и особенностей коммуникативных условий предлагается подробнее рассмотреть коммуникативно-прагматические аспекты взаимодействия автора и читателя в научной статье.

«ФАКТОР АДРЕСАТА» КАК ОСНОВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АВТОРА И ЧИТАТЕЛЯ В НАУЧНОЙ СТАТЬЕ

В рамках научной коммуникации посредством научной статьи между адресантом и адресатом научного текста складываются отношения особого двустороннего взаимодействия, продиктованные

целями научной коммуникации и коммуникативными условиями ее реализации. Научная статья представляет собой процесс авторского мышления, которым управляет «фактор адресата» по терминологии Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1981]: в ходе своих рассуждений и умозаключений автор стремится отстоять свою точку зрения, оказав воздействие на мнение адресата, изложить свою концепцию максимально доступно, логично и убедительно, предугадать возможную реакцию со стороны читателя, его возражение, несогласие или критику, то есть предвосхитить механизм интерпретации читателем содержания научного текста. Адресат видится в роли своеобразного «соавтора» научного текста, влияющего на оформление и развитие научной мысли автора-ученого. Таким образом, представляется возможным говорить о том, что «фактор адресата» лежит в основе взаимодействия автора и читателя в научной статье.

Учет адресата в тексте выражается в использовании языковых средств различных уровней, ориентированных на взаимодействие с читателем и не зависящих от темы научного сообщения. Е. А. Баженова называет их «метатекстовыми единицами», «универсальными упаковочными формами научного содержания» [Баженова, 2007, с. 222]. Такие языковые единицы выполняют важные коммуникативно-прагматические функции в научной статье: они обеспечивают логико-композиционное развертывание научного текста, направлены на акцентирование значимой информации, способны управлять вниманием читателя, предугадывать его реакцию и отношение к содержанию статьи, участвуют в создании аргументативных связей и структур. В исследовании описываются и анализируются грамматические средства адресации к читателю в немецкоязычной научной статье, среди которых особое внимание уделяется глагольным категориям, их морфологическим формам, а также некоторым синтаксическим структурам.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА АДРЕСАЦИИ К ЧИТАТЕЛЮ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ НАУЧНОЙ СТАТЬЕ

Роль глагольных категорий как языковых средств, участвующих в обеспечении взаимодействия автора и читателя на грамматическом уровне, не может быть недооценена. По мнению О. И. Москальской, глагольные категории лежат в основе речевого акта и межличностных отношений, возникающих в речевом акте [Москальская, 2004]. Лингвистические исследования показывают, что глагольные категории обладают для этого

необходимым дискурсивным потенциалом (Кожина, 1981; Антипова, 1988; Казанцева, 2004; Бойко, 2008; Троицкая, 2008; Митрофанова, 2009; Садовникова, 2021 и др.).

Категория лица/числа является одним из важнейших средств адресации и проявления диалогичности в тексте научной статьи. Это объясняется особым грамматическим статусом категории лица / числа: семантико-синтаксическая категория лица / числа устанавливает связь между глаголом-сказуемым и подлежащим, выраженным существительным или местоимением. В коммуникативном плане категория лица / числа указывает на роль коммуникантов в речевом акте, поскольку основывается на оппозиции «адресант» – «адресат» – «предмет речи» (обсуждаемые третьи лица или объекты).

Поскольку научная статья характеризуется отсутствием прямой адресации к партнеру по коммуникации (читателю), а значит отсутствием форм второго лица, автор использует другие формы лица / числа, обеспечивающие его взаимодействие с читателем.

Адресация к непосредственному читателю, к тому самому «идеальному» читателю в условиях «здесь и сейчас», реализуется с помощью использования первого лица множественного числа, так называемого инклюзивного *wir*:

Schnell wurde das Interkulturelle dann im Kontext der Landeskunde verortet (vgl. z. B. Zeuner 2009), was zur Entwicklung von German- oder anderen area-studies-Studiengängen geführt hat, in denen Literatur in der Regel keine große Rolle spielt. Doch **bleiben wir** bei der Literatur (H. Rösch. *Glokale Literatur im Deutsch-als-Fremdsprachunterricht*).

В данном фрагменте статьи форма первого лица множественного числа включает в себя как автора, так и непосредственного читателя. Сочетание инклюзивного *wir* с формой императива создает у читателя впечатление его непосредственного присутствия и может быть интерпретировано как приглашение читателя к совместной исследовательской деятельности.

Рассмотрим еще один фрагмент научной статьи с использованием инклюзивного *wir*:

Aber wie **wir** schon im ersten Teil bei Straub **gesehen haben**, gibt es keine soziale Mechanik, die zwangsläufig dazu führt, dass kollektive Identitäten Menschen ausgrenzen und verfolgen (L. Bredella. *Trans- oder Interkulturalität als Bildungsziel des Fremdsprachenlehrens und -lernens?*).

Взаимодействие с категорией времени, а именно использование инклюзивной местоименно-

глагольной формы первого лица множественного числа в сочетании с формой перфекта, выполняет несколько функциональных задач: создание у читателя впечатления его непосредственного присутствия и участия в исследовательской деятельности автора, обеспечение связи логико-смысловых частей текста статьи, создание аргументативной основы с помощью актуализации предшествующих действий.

Особый интерес представляют возможности адресации к читателю через третье лицо единственного или множественного числа. Рассмотрим несколько примеров.

Lügen und Täuschen ist ein Thema, das **alle** Menschen interessiert. **Jeder** wurde schon belogen, **jeder** belügt andere (J. Meibauer. *Konzepte des Lügens*).

Автор апеллирует к опыту своего читателя, который в местоимениях *jeder* и *alle* должен «узнать себя».

Jeder Studierende kennt dieses Problem: **man** sitzt an einer Hausarbeit und möchte das ich verwenden... Kaum hat **man** das ich eingetippt, holt **einen** das schlechte Gewissen ein... (T. Steinhoff. *Intertextuelle Prozeduren. Aneignungsprobleme und Fördermöglichkeiten*).

Использование третьего лица через местоимения *jeder* и *alle* или неопределенно-личное местоимение *man* в сочетании с формами презенса и перфекта подчеркивает всеобщность проявления упомянутого факта и позволяет автору показать, что рассматриваемая научная проблема знакома и актуальна читателю по личному опыту.

Одним из важнейших проявлений взаимодействия автора и читателя является предугадывание реакции и механизма интерпретации текста со стороны читателя. Предвосхищение ожидаемой реакции у читателя может выражаться в клишированных фразах следующего типа: *Es dürfte einleuchten, dass...* ; *Man könnte vermuten, dass...* Большое значение для реализации подобного авторского замысла имеет использование глаголов с семантикой предположения, осмысления, размышления и т. д. Но нельзя отрицать при этом роль избираемых автором глагольных форм. В отличие от местоимения первого лица множественного числа *wir*, с помощью которого автор ведет диалог со своим непосредственным читателем, включая его в исследовательскую деятельность, третье лицо подобных клишированных выражений придает им более нейтральный обобщающий характер и расширяет образ читателя до научного сообщества. Использование автором наряду с третьим лицом

(неопределенно-личным местоимением *man* или безличным *es*) определенных форм модальных глаголов *können* и *dürfen*, а именно форм сослагательного наклонения, позволяет автору научного труда спрогнозировать ход развития мысли читателя и сохранить при этом некатегоричный тон высказывания.

Предугадывание реакции у читателя не исключает использования автором несвойственной научному стилю вежливой формы обращения *Sie*:

Vielleicht sagen **Sie** jetzt: Genau so ist es eigentlich, diese Stigmatisierung, dieses vermeintlich schlechte Deutsch, das wir mit Ausländern häufig reden, das kann ja nichts bringen (*J. Roche. Wie Deutsche mit Ausländern sprechen und was man daraus für den Spracherwerb und den Sprachunterricht lernen kann*).

Данный фрагмент иллюстрирует, как сочетание вежливой формы *Sie* с презенсом и темпоральным сигналом настоящего времени создает эффект непосредственного общения автора с читателем.

Важным посредником взаимодействия автора и читателя являются модальные глаголы, являющиеся необходимыми лексико-грамматическими средствами выражения модальности на уровне высказывания [Москальская, 2004] и демонстрирующие свой прагматический потенциал с учетом намерений коммуникантов и посредством выбора конкретных глагольных форм. Рассмотрим несколько примеров.

Alle in diesem Beitrag genannten Übungen trainieren einzelne Aspekte des Blattdolmetschens. Sie **sollten** regelmäßig durch Dolmetschen mit Text ergänzt werden, um das Fehlen des auditiven Kanals zu trainieren (*W. Odendahl. Blattdolmetschen als Möglichkeit zur Integration von Dolmetschertraining in den Mittelstufenunterricht*).

Формулируя обращение к научному сообществу в виде рекомендации дальнейших действий в ходе решения научной проблемы, автор научной статьи использует глагол *sollen* в форме претерита конъюнктива (*sollte*). Автор не прогнозирует совершение того или иного действия, лишь тактично (с помощью конъюнктива) призывает к необходимости его свершения. За таким призывом стоит обращение к читателю в широком смысле, что подчеркивается формой пассивного залога, использование которого создает оппозицию «автор – научное сообщество».

Подобный рекомендательный характер могут приобретать высказывания, содержащие инфинитивные конструкции *sein + zu + Infinitiv*.

Weitere Forschungsarbeiten **sind** hierzu durchaus **vorzunehmen** (*K.-H. Gerholz. Design universitären Wandels – Interventionen als Gestaltungsinstrument von universitären Veränderungsprozessen*).

Автор научной статьи, обратившись к научному сообществу, может выразить предостережение от ошибочных умозаключений или действий.

Der wissenschaftliche Kulturvergleich hat einen anderen Erkenntnisgegenstand als eine Theorie interkultureller Kommunikation, Ergebnisse kulturvergleichender Studien sind deshalb keine Beschreibung des interkulturellen Kommunikationsprozesses, da die Darstellungswerte kultureller Sinngebilde nicht mit ihren Steuerungswerten im Kommunikationsprozess verwechselt werden **sollten** (*J. Loenhoff. Kulturvergleich und interkulturelle Kommunikation*).

Es **darf** auf keinen Fall beim bloßen Vergleich bleiben, denn dies kann vermeintliche Unterschiede bestätigen und einen negativen Automatismus erzeugen (*T. Brunsing. Landeskundliche Abbildungen in Lehrbüchern für Deutsch als Fremdsprache. Die Entwicklung des Bildeinsatzes in den Jahren 2000 bis 2010*).

Активным грамматическим средством адресации к читателю в данном фрагменте является связка модального глагола *sollen* в форме претерита конъюнктива или модального глагола *dürfen* в форме презенса индикатива с отрицанием и формой третьего лица, не включающего автора в действие, а намеренно подчеркивающего наличие оппозиции «автор – научное сообщество». Автор, сделав свой выбор, как бы оставляет принятие решения за читателем.

На примере следующего фрагмента становится понятной значимость избирательного отношения автора к глагольным формам при реализации взаимодействия с читателем на грамматическом уровне:

Möchten wir, dass sich die DaF-Lernenden mit Wörterbüchern beschäftigen, und zwar auch mit qualitativ hochwertigen, so **sollten wir** ihnen (und auch ihren Lehrkräften) den Zugang dazu erleichtern (*M. Nied Curcio. Wörterbuchbenutzung und Wortschatzerwerb. Werden im Zeitalter des Smartphones überhaupt noch Vokabeln gelernt?*).

Как и в предыдущих примерах, обращение к читателю носит рекомендательный или назидательный характер, но автор не противопоставляет себя научному сообществу. Выбирая форму первого лица множественного числа, автор присоединяется к широкому кругу лиц, подчеркивая чувство «единения», «солидаризации» в этом вопросе.

Адресация к читателю осуществляется в тексте научной статьи не только на морфологическом уровне с помощью выбора конкретных глагольных форм, но и на синтаксическом. При этом большое значение приобретает взаимосвязь грамматических форм и синтаксических структур. Так обращение к неопределенно-личному местоимению *man* в форме третьего лица единственного числа в сочетании с формами презенса индикатива используемого глагола и бессоюзным условным предложением может придавать высказыванию значение предугадывания автором возможных вопросов со стороны ученого сообщества, на которые исследователь сразу дает ответ.

Vergleicht man die Tradition der Wörterbücher für Deutsch als Fremdsprache mit der lexikografischen Tradition, auf die andere europäische Kultursprachen, vor allem Englisch oder Französisch, bei ihrer Vermittlung als Fremdsprache zurückblicken können, werden große Unterschiede sichtbar (A. Töpel. *Das Wörterbuch ist tot – es lebe das Wörterbuch?!).*

Средством адресации к читателю в научной статье являются также вопросительные предложения, используемые в научном дискурсе в своей вторичной функции с ориентацией не на получение ответа, а на передачу информации, для привлечения внимания читателя, как средство воздействия или убеждения [Дашкова, 2013]. Вопросительные структуры встречаются в научной статье в виде риторических вопросов, вопросно-ответных комплексов.

Trotz der beinahe 75jährigen Erfolgsgeschichte der Lernerwörterbücher ist das Wissen um die tatsächliche Benutzung dieser Wörterbücher jedoch relativ gering. Welche Angaben schlagen Lernende nach, welchen widmen sie besondere Aufmerksamkeit, welche Angaben werden eher vernachlässigt? Und: Werden die nachgeschlagenen Informationen auch langfristig behalten? (M. Runte. *Wie benutzen fortgeschrittene DaF-Lernende Wörterbücher? Eine Eye-Tracking-Studie zur Benutzung von Lernerwörterbüchern und ein Vorschlag zu deren Verbesserung).*

Убеждая читателя в актуальности темы научной статьи, автор указывает на проблемные ниши в данной области знаний. С помощью вопросительных

структур автор акцентирует внимание читателя на исследуемой проблематике. Предполагается, что читатель найдет ответы на поставленные вопросы в ходе прочтения научной статьи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленные фрагменты научных статей иллюстрируют далеко не все грамматические средства адресации автора к читателю, но дают возможность увидеть активное участие грамматических форм глагольных категорий и синтаксических структур и их дискурсивный потенциал в осуществлении взаимодействия автора и читателя в немецкоязычной научной статье.

Анализ практического материала и полученные в ходе исследования результаты позволяют сформулировать следующие выводы. Глагольные категории и синтаксические конструкции являются грамматическим «каркасом» вербализации намерений автора в свете его взаимоотношений с читателем. Важным является вывод о том, что их участие в качестве грамматических средств взаимодействия коммуникантов в письменном научном дискурсе происходит не изолированно друг от друга, а в специфичном сочетании, «сумме» избираемых автором конкретных грамматических форм и структур. Центральным средством адресации к читателю проявляет себя категория лица / числа. Выполняя прагматическую функцию указания на коммуникативную роль участников общения, категория лица / числа реализует различную степень адресации к читателю и группирует вокруг себя определенные формы остальных глагольных категорий и синтаксических конструкций, что указывает на избирательность и взаимосвязь грамматических средств взаимодействия автора и читателя.

В свете сформулированных выводов открываются теоретические и практические перспективы дальнейших исследований в рамках грамматики дискурса: более детальное изучение функционирования грамматических средств вербализации коммуникативных намерений автора в научном дискурсе с целью выявления дискурсивного потенциала различных грамматических категорий в тексте. Не исключается перспектива лингводидактического «освоения» использования грамматических средств в этом ключе для развития навыков научного письма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Казанцева Ю. М. Возможна ли грамматика дискурса? // Германистика: состояние и перспективы развития: тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти профессора О. И. Москальской 24–25 мая 2004 г. М.: МГЛУ, 2004. С. 19–20.

2. Алексеев А. П. Аргументация. Познание. Общение. М.: Издательство Московского университета, 1991.
3. Kornerding K. P. Diskurslinguistik – eine neue linguistische Teildisziplin // Sprache. Heidelberger Jahrbücher. Bd. 53. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2009. S. 155–177.
4. Казанцева Ю. М. Ментальная база перевода религиозных текстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Вып. 4 (583). С. 55–70.
5. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. БГК имени И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.
6. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40 (4). С. 356–367.
7. Баженова Е. А. Прагматические единицы научного текста // Филологические заметки. 2007. Т. 2. С. 221–225.
8. Москальская О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка. М: Академия, 2004.
9. Дашкова С. Ю. Риторический вопрос в структуре аргументативного высказывания (в научно-учебном тексте) // Вестник Кемеровского государственного университета. Филология. 2013. Т. 2. 2 (54). С. 36–40.

REFERENCES

1. Kazantseva, Ju. M. (2004). Vozmozhna li grammatika diskursa? = Is There Such a Thing as Discourse Grammar? Germanistics: state and development prospects (pp. 19–20): abstracts of the reports of the international conference dedicated to the memory of Professor O. I. Moskalskaya. (In Russ.).
2. Alekseev, A. P. (1991). Argumentaciya. Poznanie. Obshchenie = Argumentation. Cognition. Communication. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).
3. Kornerding, K. P. (2009). Diskurslinguistik – eine neue linguistische Teildisziplin. Sprache. Heidelberger Jahrbücher, 53, 155–177.
4. Kazantseva, Ju. M. (2010). The mental base of the translation of religious textes. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 4(583), 55–70. (In Russ.)
5. Van Dijk, T. A. (2000). Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya = Language. Cognition. Communication. BGK imeni I. A. Boduena de Kurtene. (In Russ.)
6. Arutyunova, N. D. (1981). Faktor adresata = Recipient factor. Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka, 40(4), 356–367. (In Russ.)
7. Bazhenova, E. A. (2007). Pragmaticheskie edinitsy nauchnogo teksta = Pragmatic units of scientific text. Filologicheskie zametki – Philological Studies, 2, 221–225.
8. Moskalskaya, O. I. (2004). Teoreticheskaya grammatika sovremennogo nemeckogo yazyka = Theoretical grammar of modern German. Moscow: Akademia. (In Russ.)
9. Dashkova, S. Yu. (2013). Rhetorical questions in the structure of argumentative statements (in scientific and academic texts). Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2-2(54), 36–40. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Садовникова Елена Викторовна

старший преподаватель кафедры второго иностранного языка
Института иностранных языков им. М. Тореза
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sadovnikova Elena Viktorovna

Senior Lecturer, Department of the Second Foreign Language,
Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.02.2022
одобрена после рецензирования 01.03.2022
принята к публикации 09.03.2022

The article was submitted 04.02.2022
approved after reviewing 01.03.2022
accepted for publication 09.03.2022

Научная статья
УДК 81.38
DOI 10.52070/2542-2197_2022_3_858_90

Прецедентные феномены как средство реализации эмотивности в немецких газетно-публицистических текстах на правовую тематику

Т. А. Скотникова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
tati2137@mail.ru*

Аннотация. В данной статье проводится анализ немецких газетно-публицистических текстов с точки зрения использования в них прецедентных феноменов как средства реализации эмотивности. Прецедентные феномены, представляющие собой конкретные материальные или духовные объекты, запечатлевшиеся в сознании социума и связанные с определенными внутренними эмоциональными состояниями его представителей, рассматриваются как механизм лингвистического обеспечения эмоционального отношения автора к складывающимся правовым ситуациям и способствуют преодолению языкового барьера в общении между специалистом и неспециалистом.

Ключевые слова: прецедентные феномены, эмотема, прецедентные имена, прецедентная ситуация, прецедентное высказывание

Для цитирования: Скотникова Т. А. Прецедентные феномены как средство реализации эмотивности в немецких газетно-публицистических текстах на правовую тематику // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3(858). С. 90–96. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_90

Original article

Precedent Phenomena as a Means of Emotivity Implementation in German Newspaper and Publicist Texts on Legal Topics

Tatyana A. Skotnikova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
tati2137@mail.ru*

Abstract. This article analyzes German newspaper and journalistic texts from the point of view of using precedent phenomena in them as a means of implementing emotivity. Precedent phenomena, which are specific material or spiritual objects, imprinted in the consciousness of society and appealing to certain internal emotional state of the addresser, are considered as a mechanism for linguistic support of the author's emotional attitude to the emerging legal situations and contribute to overcoming the language barrier in communication between a specialist and a non-specialist.

Keywords: precedent phenomena, emoteme, precedent names, precedent situation, precedent statement

For citation: Skotnikova, T. A. (2022). Precedent phenomena as a means of implementing emotivity in German newspaper and journalistic texts on legal topics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities. 3(858), 90–96. 10.52070/2542-2197_2022_3_858_90

ВВЕДЕНИЕ

В статье рассматриваются прецедентные феномены в немецких газетно-публицистических текстах на правовую тематику как средства выражения эмотивности, призванные обеспечить доступность предметно-специальной информации для неоднородной аудитории читателей, предварительно не подготовленной к восприятию терминологии права. Публикации немецкого еженедельника «Дер Шпигель», статьи которого послужили материалом исследования на предмет функционирования в них прецедентных феноменов, нацелены на критически анализирующую и рефлексирующую аудиторию читателей и обнаруживают некоторые особенности экспрессивного характера. Большинство читателей не имеют специальной подготовки и испытывают трудности в восприятии сложного языка права, юридической терминологии и предметно-специальной информации, что подтверждает актуальность лингвистических исследований в вопросе преодоления частичного или полного непонимания массовым читателем содержания статей, представленного средствами юридического предметно-специального языка.

Доступность содержания таких статей для читателя, не обладающего достаточными знаниями из области права, определяет суть функции воздействия публицистической речи, о которой пишет Г. Я. Солганик, особое внимание уделяя таким свойствам языка газеты, как «социальная оценочность, коммуникативная общезначимость, особый характер экспрессивности» [Солганик, 1981, с. 13]. Как справедливо отмечает автор, «передаваемое в ходе массовой коммуникации содержание доступно всем членам общества без каких-либо ограничений... Язык газеты должен быть коммуникативно общезначимым, т.е. ясным, точным, кратким и выразительным» [там же, с. 12].

Проведенный ранее анализ функционирования других средств популяризации правовой тематики, обеспечивающих доступность содержания правового медиадискурса любому гражданину общества, показал, что «познавательная ценность информации будет различной в зависимости от фоновых знаний адресата, его подготовленности к восприятию сообщения, жизненного опыта данного человека, статуса и других социальных и психологических особенностей» [Скотникова, 2018, с. 123]. При этом специфика информирующей функции и функции воздействия на читательскую аудиторию в текстах СМИ на правовую тематику продиктована «отбором и организацией средств предметно-специального языка, отвечающих за фактуальную насыщенность изложения, с одной

стороны, и эмоциональностью, выражением авторского отношения к содержанию, с другой стороны» [там же, с. 123].

С помощью эмотем, представленных прецедентными феноменами, автор выражает свою позицию по вопросам из области права и дает оценку происходящему в правовой сфере, осуществляя тем самым задачи информирования читателей по различным вопросам права и формирования у них субъективного отношения к той или иной ситуации правового регулирования. Вслед за В. И. Болотовым мы понимаем под эмотемой «отрезок текста (от слова до всего текста), смысл которого или форма выражения содержания являются источником эмоционального воздействия» [Болотов, 1981, с. 18].

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ СТИЛЕ

Прецедентные феномены, проанализированные в данной статье, вызывают определенные образные представления и ассоциации, отсылающие читателя к конкретным историческим, литературным и другим культурным фактам и сведениям. Вслед за В. В. Красных и Д. Б. Гудковым, мы понимаем под прецедентными феноменами «законченный самодостаточный продукт речемыслительной деятельности» [Красных, Гудков, 1997, с. 64]. Под прецедентными феноменами понимаются «потенциально автономные смысловые блоки речевого произведения, актуализирующие значимую для автора смысловую информацию и апеллирующие к «культурной» памяти читателя» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2003, с. 107]. В сознании языковой личности прецедентный феномен формирует «концепт, сжатый образ, максимально уплотненное представление» [Красных, 1999, с. 43–44]. Концепт представляет собой «дискретную многофакторную ментальную единицу со стохастической (вероятностной) структурой: его единство и отдельность обеспечиваются тождеством того денотата, с которым он соотносен в каких-то ментальных мирах» [Никитин, 2004, с. 53]. Связанные с концептом ассоциации вербализируются в процессе коммуникации и представляют собой суть прецедентного феномена.

Вне зависимости от конкретной ситуации функционирование прецедентных феноменов в газетно-публицистическом стиле подчинено реализации основного стилистического принципа газетного стиля – принципа оценочного отражения политической реальности и формирования общественного мнения под необходимым углом зрения.

Аналогичное мнение выражает В. Н. Телия, по справедливому замечанию которой прецедентные феномены необходимы «не только и не столько для целей расчленения и вербализации действительности, сколько для прагматических целей» [Телия, 1988, с. 31]. Прецедентность посредством самоустранения адресанта делает оценочность более объективной, а, следовательно, оказывающей наибольшее воздействие на адресата.

Экспликация прецедентных феноменов в сознании человека происходит с учетом следующих условий: «во-первых, осознанность адресантом факта совершаемой им реминисценции на определенный текст; во-вторых, знакомство адресата с исходным текстом и его способность распознать отсылку к этому тексту; в-третьих, наличие у адресанта прагматической пресуппозиции» [Слышкин, 2000, с. 48].

Прецедентные феномены мы рассматриваем в соответствии с классификацией, предложенной В. В. Красных:

I. Прецедентные имена – индивидуальные имена, связанные с широко известными произведениями художественной литературы, среди которых можно выделить следующие группы:

1а) исторические личности: реально существовавшие персонажи;

1б) мифологические и библейские персонажи.

II. Прецедентная ситуация, представляющая собой ситуацию, с которой соединены определенные ассоциации, связанные с событием, произошедшим в прошлом.

III. Прецедентное высказывание – цитаты из различных произведений художественной литературы, а также из фильмов и общественно-политического дискурса.

Характерной чертой используемых в изучаемых типах текстов прецедентных имен (I) является эксплицитная апелляция к символизируемым ими образам. Как справедливо замечает В. В. Красных, «апелляция осуществляется не к собственно денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени» [Красных, 1999, с. 45].

I. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА

1а. Исторические личности

Das böse Wort von Putin als *“Moskaus Mussolini”*, das Jimmi Carters einstiger Sicherheitsberater Zbigniew Brzezinski wählte, findet in Russland dennoch wenig Widerhall. Zwar wächst die Zahl der Unzufriedenen im Land (*Der Spiegel*, 2004, Nr.52).

«Недобрые слова о Путине как о «московском Муссолини», которые выбирает Збигнев Бжезинский, бывший советник Джимми Картера по вопросам безопасности, не находят отклика в России. Хотя количество недовольных в стране возрастает» (Здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Т. С.).

Ассоциативный потенциал прецедентного имени Муссолини актуализируется за счет политических взглядов лидера фашистской партии Италии Бенито Муссолини, демонстрировавших одобрение диктаторского правления. Используемая в данном примере эмотема в виде прецедентного имени репрезентирует отрицательное эмотивно-оценочное отношение к политическим действиям Путина, она направлена на экспликацию негативного отношения к авторитарному стилю правления, используемому российским главой государства.

1б. Мифологические и библейские персонажи

Ориентация газетных материалов на «среднего» читателя, своего рода учет его способности понять эксплицируемый в контексте эмотивно-оценочный потенциал прецедентного имени не предполагает включения в смысловое пространство текста сложных прецедентных имен, ассоциативный потенциал которых доступен для понимания лишь некоторой группе читателей.

Раскодирование смысла, заложенного в следующие прецедентные имена, не представляет собой сложности. В статье видный правовед, обладающий обширным опытом международного права, отвечает на вопрос о том, что имеет приоритетное значение – право или мир. Свой ответ судья аргументирует, ссылаясь на древнегреческую мифологию. Право, возникшее в Древнем Риме, явилось прообразом правовых систем многих других государств. Это объясняет широкое распространение античной мифологии как источника для многих прецедентных имен и ситуаций в корпусе проанализированных примеров.

Frieden oder Recht – was kommt zuerst? Der Bolivianer Rene Blattmann ist Zweiter Vizepräsident des Weltgerichts. In seiner von schwachem Recht und massiver Gewalt gezeichneten Heimat war er mal Justizminister. Klar sagt er, das Recht komme zuerst. Begründung? „Irene war in der griechischen Sage die Tochter von Themis, der Göttin der Gerechtigkeit“. Und der griechische Name Irene heißt nichts anderes als: Frieden. **Frieden ist die Tochter von Recht, Krieg ist die**

Ausgeburts von Unrecht. Wie konnten, fragt der deutsche Richter Hans-Peter Kaul, Katastrophen wie der Hitlerische Völkermord, die großen Menschheitsverbrechen der Neuzeit im humanistisch beseelten Deutschland, im Schatten des Kulturerbes der Menschheit, denn möglich werden? (*Der Spiegel*, 2009, Nr. 3).

«Мир или право – что первично? Рене Блаттманн (Боливия) является вторым вице-президентом Международного Суда. На родине, которая отличалась слабым распространением права и массовым насилием, он был министром юстиции. Он говорит, что право должно быть первичным. Почему? «Ирена по греческой легенде была дочерью богини правосудия Темис». Греческое имя Ирена означает не что иное, как мир. Мир есть дочь права, война есть порождение бесправия. Немецкий судья Ханс-Петер Кауль задается вопросом, как в гуманистически одухотворенной Германии, в тени культурного наследия человечества могли осуществиться такие катастрофы, как гитлеровский геноцид, явившийся величайшим преступлением человечества».

Использованная автором в следующем примере эмотема представляет собой трансформацию семантического состава фразеологического выражения *das Schwert der Gerechtigkeit* («карающий меч правосудия») с целью переосмысления описываемой ситуации, что предполагает определенное приращение смысла в оценочном (здесь – положительном) аспекте.

Ist es das, was dieser Mister Moreno-Ocampo für Frieden durch Recht hält? Die Frage erhebt sich immer öfter. Nicht nur in Uganda, wo immer der Mann **das Schwert** seiner Beschuldigungen in Afrika **nieder-sausen** lässt, oft erntet er nicht, wie er es aus seiner Sicht verdient, Dankbarkeit und Befriedigung, sondern Proteststürme (*Der Spiegel*, 2009, Nr. 3).

«Это и есть мир правовым путем, по мнению мистера Морено-Окампо? Вопрос поднимается все чаще. Не только в Уганде, где юрист *со свистом обрушивает меч своих обвинений* на Африку, он пожинает не заслуженные, по его мнению, благодарность и удовлетворение, а бурю протестов».

С помощью когнитивной актуализации данного прецедентного феномена устанавливается имплицитная ассоциативная связь с греческой богиней правосудия Немезидой, крылатой женщиной, держащей в руках меч. Слово «меч» является репрезентацией прагматической установки адресанта, связанной с властью государственного суда, и апеллирует к вере в «справедливое возмездие».

Библейские прецедентные имена и их функционирование в изучаемых газетных и журнальных материалах можно проследить в следующем примере:

Was wir hier bestrafen, ist kriminell **seit Kain und Abel**. ... Musmanno: „Die Geschichte hat durch Jahrhunderte gezeigt, warum der Mensch seinen Bruder umgebracht hat. Aber es war dem 20. Jahrhundert vorbehalten, eine solche *nie dagewesene Orgie des Mordes* hervorzubringen“ (*Der Spiegel*, 2006, Nr. 42).

«То, что мы здесь наказываем, криминально *со времён Каина и Авеля*... Масманно: "История показала в веках, почему человек убил брата. Но лишь XX веку было уготовано произвести на свет такую *небывалую оргию смерти*"».

В представленном примере американский юрист Майкл, возглавлявший трибунал в Нюрнберге по делу о карательных эйнзатц-группах, дает юридически обоснованную и глубоко нравственную оценку массовых убийств. Знания о библейских прецедентных именах Каин и Авель относятся к фоновым знаниям читателей, благодаря чему возможна однозначность их интерпретации. Старший сын Адама совершает убийство своего брата Авеля. Когнитивная актуализация прецедентных имен направлена на экспликацию негативного отношения к войне, которая по Библии, как и любое убийство, является братоубийством, так как, участвуя в ней, отец убивает сына, брат – брата. Дополнительным средством объективации отрицательного эмоционально-оценочного отношения выступает метафорическое описание крупнейшего в истории человечества убийства (*nie dagewesene Orgie des Mordes*), оказывающее усилительное эмоциональное воздействие в совокупности с негативными коннотациями, связанными с данным историческим фактом.

II. ПРЕЦЕДЕНТНАЯ СИТУАЦИЯ

Мы присоединяемся к мнению В. В. Красных, которая пишет, что прецедентная ситуация «связана с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки прецедентных ситуаций входят в когнитивную базу» [Красных, 1999, с. 43].

Die Trias sollte zum Modell des modernen Völkerrechts werden. Sie war ein Triumph für Jackson. Aber es war ein **Pyrrhussieg**. Niemals wieder nach Nürnberg ist das Verbrechen des Angriffskrieges im Völkerrecht anerkannt worden. ...In Nürnberg würde es nur noch

um den Krieg gehen – das einzigartige Verbrechen, der Holocaust, kam nur noch am Rande vor (*Der Spiegel*, 2006, Nr. 42).

«Триада должна была стать моделью современного международного права. Она была триумфом Джексона. Но это была *пиррова победа*. После Нюрнберга больше никогда не признавалось в международном праве такое преступление, как наступательная война. ... в Нюрнберге речь шла только о войне – уникальное преступление, холокост, упоминалось второстепенно».

Прецедентная ситуация, обозначаемая как *пиррова победа*, ассоциируется с положением дел, когда цена победы слишком высока и приравнивает победу к поражению. Данная прецедентная ситуация апеллирует к событиям древней истории, произошедшим в 279 году до нашей эры во время сражения, возглавляемого эпирским царем Пирром против римлян. В результате сражения сопротивление римлян было сломлено, но потери были столь велики, что он произнес: «Еще одна такая победа, и у меня не останется больше воинов». Выражение «пиррова победа» апеллирует к эмоциональному состоянию читателя, которое он испытывает, достигнув цели ценой больших потерь.

В следующем примере дается негативная оценка реализации норм международного права в Руанде и Югославии путем использования эмотемы, представленной прецедентной ситуацией, связанной со словами «Второй Нюрнберг»:

Das Versäumnis, den Terror einer Regierung gegen das eigene Volk unter Strafe zu stellen, wurde erst vor dem Jugoslawien-Tribunal in den Haag beseitigt. Seitdem sprechen die Völkerrechtler von der Niederländischen Gerichtsmetropole als von „Nürnberg zwei“ (*Der Spiegel*, 2006, Nr. 42).

«Правительственный террор по отношению к народу не преследовался как преступно наказуемое деяние. Это упущение должен был устранить Международный трибунал по бывшей Югославии в Гааге. С тех пор юристы-международники говорят о нидерландской судебной метрополии как о «втором Нюрнберге».

III. ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ

Прецедентные высказывания представляют собой отрывки из известных произведений художественной литературы. В. В. Красных рассматривает

прецедентное высказывание как «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, смысл которой всегда «шире» простой суммы значений его компонентов» [Красных, 1999, с. 48].

Der Clausewitz-Satz, dass Krieg nichts anderes sei als die Fortsetzung der Politik mit anderen Mitteln, hat seinem preußischen Erfinder viel Prügel eingetragen (*Spiegel*, 2006, Nr. 42).

«Формулировка Клаузевица, по которой война есть продолжение политики иными средствами, доставила немало хлопот своему прусскому создателю».

Изречение Карла фон Клаузевица «война есть продолжение политики иными средствами» часто цитируется журналистами в том числе и при описании современных международных перипетий.

В следующем примере отображена критическая оценка Нюрнбергского процесса в прецедентном высказывании «игра в бисер» (*Glasperlenspiele*), которое благодаря ассоциативной связи с одноименным произведением Германа Гессе о вымышленной игре создает картину несерьезности, практической и общественной бесполезности поведения профессионально непригодных судей, которых автор называет «сектой юристов»:

Schlimmer noch: Die Sprüche der Nürnberger Richter „entsprechen allenfalls den Vorstellungen radikaler Pazifisten“, befand der angesehene Speyrer Staatsrechtsprofessor Helmut Quaritsch, keineswegs ein alter Nazi. Glasperlenspiele einer internationalen Juristensekte“, wütete der Professor noch 1994, seien alle Debatten über die Lehren aus Nürnberg (*Spiegel*, 2006, Nr. 42).

«Что еще хуже, высказывания нюрнбергских судей "соответствуют всем применимым идеям радикальных пацифистов", как считает уважаемый профессор конституционного права Гельмут Кваритш, далеко не старый нацист. "Все дискуссии об уроках Нюрнберга – это игра в бисер международной секты адвокатов", – сетовал профессор еще в 1994 году».

Следующее прецедентное высказывание апеллирует к литературному произведению «Божественная комедия», написанному итальянским поэтом Данте Алигьери. В иносказательном смысле сюжет «Божественной комедии» состоит в том, что человек подлежит награждающему и карающему правосудию и обречен на странствования по обителям Ада, Чистилища и Рая. Когнитивная актуализация данного прецедентного высказывания

направлена на экспликацию негативного отношения к нацистским военным преступлениям.

Und der Richter verdammt die meisten Angeklagten in alle Ewigkeit – glaubte er zumindest. Deren Verbrechen trotzten „in ihrer Vertiertheit“ jeglicher Beschreibung, in nichts stünden sie zurück hinter „*Dantes imaginarem Inferno*“ (*Spiegel*, 2006, Nr. 42).

«И судья проклял большинство обвиняемых в веках, по крайней мере, как он сам думал. Их преступления "в своем зверстве" не поддаются никакому описанию, ни в чем они не отстали от "представленного Данте ада"».

Особую группу прецедентных высказываний составляют разнообразные соглашения, декларации, конвенции и прочие документы, регулирующие отношения между государствами и выступающие как источники международного права. Так, например, использование в статье о Нюрнбергском трибунале прецедентного феномена *Вестфальский мир* апеллирует к знаниям адресата об истории становления и развития современного правопорядка. Именно этот мирный договор положил конец Тридцатилетней войне в Священной Римской империи путем урегулирования конфессиональных внутриимперских противоречий: провозглашение принципа веротерпимости и дальнейшее снижение конфессионального фактора в отношениях между государствами, наделение равными с германским императором правами монархов государств Европы, ставших суверенными.

Begraben wurde in Nürnberg die Ordnung der Welt nach den Grundsätzen des *Westfälischen Friedens von 1648*. Danach war es das Vorrecht souveräner Staaten, mit ihren Bürgern umzuspringen, wie sie wollten, und Kriege gegen andere souveräne Staaten zu führen, wann immer sie sich stark genug fühlten (*Spiegel*, 2006, Nr. 42).

«В Нюрнберге было покончено с порядком в мире, установленным Вестфальским миром от 1648 года. В соответствии с этим мирным соглашением суверенные государства наделялись преимущественным правом бесцеремонно распоряжаться своими гражданами по своему усмотрению и вести войны против других суверенных государств, когда позиции были особенно сильными».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, прецедентные феномены являются одним из конститuentов эмотивности в правовом медиадискурсе, реализация семантического инварианта которого происходит опосредованно за счет актуализации культурно-обусловленных ассоциаций, связанных с тем или иным прецедентным феноменом.

Эмотемы, представленные прецедентными феноменами, как часть содержания публикаций, затрагивающих вопросы права, служат инструментом привлечения внимания читателей и формирования их интереса. Расшифровка эмотем в виде прецедентных феноменов помогает правильно понять подтекст, заложенный лингвистическими средствами в реальный смысл текста.

Предпринятый анализ прецедентных феноменов в немецком правовом медиадискурсе подтверждает значительную роль использования различных видов эмотем для обеспечения доступности коммуникации между специалистами и неспециалистами. Наряду с прецедентными феноменами авторы газетно-публицистических текстов широко используют сравнения, фразеологические единицы, метафоры, экспрессивный синтаксис и другие стилистические приемы создания эмотивного содержания публицистических текстов, исследование которых открывает ряд перспектив для дальнейших научных трудов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Солганик Г. Я. Лексика газеты: Учебное пособие для вузов по спец. «Журналистика». М.: Высшая школа, 1981.
2. Скотникова Т. А. Сравнения как средство реализации эмотивности немецких газетно-публицистических текстов на правовую тематику // Языковое бытие человека и этноса: сборник научных трудов по материалам XV Березинских чтений (Москва, 25 мая 2018 г.) / под ред. В. А. Пищальниковой, Л. Р. Комаловой, Н. Н. Германовой. Березинских Москва: ИНИОН РАН, 2018. Вып. 20: Материалы XV чтений. С. 121–131.
3. Болотов В. И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности. Основы эмотивной стилистики текста. Ташкент: Фан, 1981.
4. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации. Вестник Московского университета, Сер. 9, № 3. Филология, 1997. С. 62–75.

5. Кожина М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / ред. М. Н. Кожина. М.: Флинта: Наука, 2003.
6. Красных В. В. Структура коммуникации в свете лингво когнитивного подхода: коммуникативный акт, дискурс, текст: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999.
7. Никитин М. В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 53–64.
8. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 26–52.
9. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000.

REFERENCES

1. Solganik, G. Ya. (1981). *Leksika gazety = Newspaper vocabulary: Textbook for universities on special. "Journalism"*. Moscow: Higher school. (In Russ.)
2. Skotnikova, T. A. (2018). *Sravneniya kak sredstvo realizacii emotivnosti nemeckih gazetno-publicisticheskikh tekstov = Comparisons as a means of realizing the emotiveness of German newspaper journalistic texts on legal topics*. In V. A. Pishchalnikova, L. R. Komalova, N. N. Germanova (Eds.), *Linguistic life of a person and ethnos: a collection of scientific papers based on the materials of the XV Berezinsky Readings (Moscow, May 25, 2018) (issue 20, pp. 121–131)*. Moscow: INION RAN. (In Russ.)
3. Bolotov, V. I. (1981). *Emotionality of the text in terms of linguistic and non-linguistic variability. Fundamentals of emotive text style*. Tashkent: Fan. (In Russ.)
4. Krasnykh, V. V., Gudkov, D. B., Zakharenko, I. V., Bagaeva, D. V. (1997). *Kognitivnaya baza i prezedentnye fenomeny v sisteme drugih ediniz i v kommunikazii = Cognitive base and precedent phenomena in the system of other units and in communication*. *Vestnik of Moscow University. Philology*, 9(3), 62–75. (In Russ.)
5. Kozhina, M. N. (2003). *Stilisticheskij enzyklopedicheskij slovar russkogo yazyka = Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)
6. Krasnykh, V. V. (1999). *Struktura kommunikazii v svete lingvo kognitivnogo podhoda: kommunikativnyj akt, diskurs, tekst = The structure of communication in the light of the linguo-cognitive approach: communicative act, discourse, text: abstract of Senior Doctorate in Philology*. Moscow. (In Russ.)
7. Nikitin, M. V. (2004). *Razvyornutyje tezisy o konceptah: voprosy kognitivnoj lingvistiki = Expanded theses about concepts. Questions of cognitive linguistics*, 1, 53–64. Tambov. (In Russ.)
8. Teliya V. N. (1988). *Metafora kak model smysloproduzstva i yeyo ekspressivno-ozenochnaya funkzyya. Metafora v yazyke i tekste = Metaphor as a model of meaning production and its expressive and evaluative function*. In *Metaphor in language and text (pp. 26–52)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
9. Slyshkin, G. G. (2000). *Ot teksta k simvolu: lingvokulturnye koncepty prezedentnyh tekstov v soznanii i diskurse = From text to symbol: linguocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse*. Moscow: Academia. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Скотникова Татьяна Андреевна

старший преподаватель кафедры второго иностранного языка Института иностранных языков им. М. Тореза Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Skotnikova Tatyana Andreevna

Senior Lecturer, Department of the Second Foreign Language,
M. Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.02.2022
одобрена после рецензирования 01.03.2022
принята к публикации 09.03.2022

The article was submitted 04.02.2022
approved after reviewing 01.03.2022
accepted for publication 09.03.2022

Художественный текст и языковая картина мира (репрезентация концепта «состояние» в английском языке)

Т. С. Сорокина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
sotan1462116@gmail.com

Аннотация. В статье обсуждаются возможности художественного текста как источника лингвокультурологической и лингвистической информации и как объекта исследования когнитивной семантики на примере репрезентации языкового концепта «состояние» в диахронии и с учетом национальной специфики генетически близких этносов.

Ключевые слова: художественный текст, языковая картина мира, лингвистический концепт, диахрония, национальная специфика

Для цитирования: Сорокина Т.С. Художественный текст и языковая картина мира (репрезентация концепта «состояние» в английском языке) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3 (858). С. 97–103. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_97

Original article

Literary Text and Language World View (representation of concept “State” in English)

Tatiana S. Sorokina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
sotan1462116@gmail.com

Abstract. The article discusses literary text potential as a source of linguocultural and linguistic information and as a target of probing into cognitive semantics. Linguistic concept “state” representation is instantiated in diachrony and in view of specific features of genetically related ethnic groups.

Keywords: literary text, language world view, linguistic concept, diachrony, national specificity

For citation: Sorokina, T. S. (2022). Literary text and language world view (representation of concept “state” in English). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3 (858), 97–103. 10.52070/2542-2197_2022_3_858_97

ВВЕДЕНИЕ

По мнению многих исследователей, художественный текст представляет собой сложный культурно-языковой феномен, и как наиболее весомое достижение художественной культуры он информативен по своей сути: он может рассматриваться как источник исторической, культурологической, языковой и лингвистической информации.

Так, М. Г. Рабинович настаивает на том, что произведение художественной литературы – важные исторические источники для этнографа, поскольку отражают конкретную бытовую обстановку определенного места и времени [Рабинович, 1985]. Перечень объектов этнографического знания, источником которого является художественная литература, включает такие понятия, как стереотипы поведения, ценностные ориентации, убеждения, этническое самосознание, брачно-семейные отношения, культурно-бытовой фон, среда обитания персонажей, быденное сознание, семейный быт, нормы поведения. Кроме того, художественная литература способна «обогащать представление историка об изучаемой эпохе», помогая «проникнуть в психологическую атмосферу того времени и понять побудительные мотивы действий широких масс и отдельных личностей» [Думова, 1991, с. 112].

М. Пастуро также высказывает мысль о том, что граница между художественными и научными текстами является проницаемой и, более того, что первые способны с большей достоверностью, чем вторые, воссоздавать образ эпохи, к которой относятся [Pastoureau, 2004].

С. О. Шмидт рассматривает произведения литературы как источник формирования исторических представлений, как ценный материал для понимания менталитета времени их создания [Шмидт, 1997].

Для культуролога, в отличие от источниковедческих предпочтений филолога или историка, любой художественный текст независимо от времени его создания, авторской, мировоззренческой или жанровой принадлежности, потенциально информативен. При этом в историческом времени информационный культурологический потенциал литературного текста остается практически неисчерпаемым [Манкевич, 2007].

Одновременно любое произведение художника слова признается фактом истории языка, поскольку «в каждом художественном тексте воплощается определенная ступень развития последнего и, прежде всего, его ответвления – языка художественной литературы. При таком подходе художественный текст выступает как лингвистический источник» [Лисина, 2006, с. 10].

Современное лингвистическое исследование художественного текста подразумевает не только изучение языковых средств, функционирующих в тексте и обеспечивающих его построение, но и пристальное внимание к социально-историческому, культурному и литературному контекстам эпохи. Отсюда, источниковедческий потенциал художественного текста представляется валидным для познания языковой картины мира (ЯКМ) как совокупности знаний о мире конкретной языковой общности, закрепленных в языке (лексике, фразеологии и грамматике).

Цель данной статьи: на основании результатов имеющейся исследовательской практики обсудить возможности художественного текста как объекта исследования языковой картины мира на примере репрезентации лингвистического концепта «состояние».

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА: ДИСКУССИЯ

Современная теория языковой картины мира восходит к работам В. фон Гумбольта и Сепира-Уорфа (Humboldt, 1903–1936; Sapir, 1964; Whorf, 1956) и постулирует, что любой естественный язык кодирует картину мира того языкового сообщества, которое на нем говорит. Термин «языковая картина мира» как отображение в языке картины мира широко используется в работах как отечественных, так и зарубежных авторов.

Обратимся к понятию «языковая картина мира» и дадим два определения:

- 1) языковая картина мира есть ментальное образование, представленное лексическими, фразеологическими и синтаксическими средствами, составляющими семантическое пространство языка. Языковая картина мира есть вся информация о внешнем и внутреннем мире, закрепленная средствами живых национальных разговорных языков [Никитин, 1999]. «Языковая картина мира – это проекция концептуальной системы нашего сознания» [Кубрякова, 1997, с. 47];
- 2) языковая картина мира – это «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа» [Попова, Стернин, 2007, с. 38].

Нетрудно заметить, что первое определение языковой картины мира является когнитивным, а второе предполагает определенный национально-культурный опыт конкретной языковой общности, т. е. является, по сути, лингвокультурологическим.

Современная исследовательская практика исследует художественный текст, в основном, с позиции текстологии и лингвокультурологии: концепт рассматривается как элемент формирования смысла художественного текста (его концептуальной структуры), как особенности индивидуального авторского способа восприятия картины мира, как национально-специфический компонент языковой картины мира. Подобные исследования проводятся на материале лексики и фразеологии, реже – синтаксиса.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СОСТОЯНИЕ»

С лингвокогнитивной точки зрения концепт – это оперативная содержательная единица концептуального уровня, отражающая результаты познавательной деятельности человека в виде определенных идеальных и абстрактных единиц. Именно такое понимание концепта разрабатывается в когнитивно-дискурсивной парадигме отечественной лингвистики. Концептуальная система включает в себя многообразие концептов: в нее входят как концепты естественных объектов, так и языковые концепты (отношение, состояние, причинность).

Состояние понимается нами как онтологический и лингвистический, частично вербализованный, лексически, морфологически и синтаксически репрезентированный концепт; как единица знания, гештальтно передающая способы языкового представления знаний о мире.

Как онтологический концепт состояние имеет два субконцепта: нерезультативное состояние и результативное состояние. Нерезультативное (неперфектное) состояние не обладает признаком связи с результатом действия и актуальностью его последствий. Результативное (перфектное) состояние является результатом предшествующего действия и связано с актуальностью его последствий. Содержание концепта «состояние» и двух его субконцептов составляют максимально обобщенные, абстрагированные смыслы (концептуальные характеристики, или компоненты концепта), которые представляют собой результат объединения и обобщения семантических функций (СФ), выделенных путем функционально-семантического анализа. Эти максимально обобщенные, абстрагированные смыслы мы будем называть гештальт-функциями (ГФ). Исследование пропозициональных (аргументно-предикатных) структур, являющихся репрезентантами концепта «состояние» на разных языковых уровнях, позволило объединить 30 СФ

в 5 ГФ: физическое состояние; психологическое состояние; вовлеченность в движение; вовлеченность в действие; социальный статус.

При рассмотрении художественного текста как объекта лингвистического анализа возникает ряд вопросов:

- 1) может ли художественный текст использоваться как источник информации о языковой картине мира как проекции концептуальной системы нашего сознания?
- 2) может ли художественный текст дать представление о языковых концептах как формах языковой картины мира?
- 3) отражает ли художественный текст изменения в языковой картине мира с позиции связи языка и литературы?
- 4) могут ли диахронные изменения репрезентации языковых концептов отражать эволюцию языковой картины мира через призму художественной литературы?
- 5) могут ли различия в репрезентации языковых концептов, выявленные на основании анализа художественной прозы, отражать национально-культурную специфику языковой картины мира разных этносов?

Положительный ответ на эти вопросы можно проиллюстрировать на основании анализа диахронных изменений репрезентации концепта «состояние» в английском языке, а также выявленных различий в репрезентации этого концепта в современном британском и американском вариантах английского языка в синхронии.

Так, в работе М. В. Гурецкой, выполненной в русле диахронической концептологии, анализируется репрезентация концепта «состояние» на основе английских литературных памятников XIV–XX веков и делается вывод о том, что она меняется с ярко выраженной динамикой, которая обнаруживает определенные «точки разлома» (XVII, XIX и XX века), фиксирующие изменения направления развития определенных параметров на противоположные [Гурецкая, 2021]. В частности, речь идет о диахронных изменениях в употребительности двух наиболее частотных ГФ: «физическое состояние» и «психологическое состояние». Данная работа строится на гипотезе о том, что диахронные изменения концепта «состояние» являются отражением изменений в языковой картине мира, связанными с эволюцией и упорядочением концептосферы человека по мере концептуализации накопленного человеком опыта и роста обрабатываемой языком информации. Автор предполагает, что основные направления и «точки разлома» в динамике репрезентации концепта «состояние» отражают изменения в мировоззрении

и мироощущении английского этноса, доступные через художественную литературу.

Так, первая «точка разлома» приходится на XVII век. В исследовании М. В. Гурецкой он, в основном, представлен произведениями У. Шекспира, которые относятся ко второму периоду его творчества: «тревожные» трагедии «Гамлет», «Отелло», «Макбет» и «Король Лир». Шекспир жил и творил на рубеже XVI–XVII веков в период позднего Возрождения. Именно в эпоху Возрождения были сделаны настоящие открытия в области психологизма, когда внутренняя жизнь человека рисовалась как сложное переплетение настроений, размышлений, состояний и проч. Последующий период – наступивший XVII век – принес с собой настроение подавленности, ужесточение власти церкви, костры инквизиции, упадок в литературе и искусстве. Происходит перелом в мироощущении человека в условиях трагического времени. Трагизм ситуации в произведениях Шекспира этого периода сопровождается усиленным вниманием к психологическому состоянию его героев.

Заметный количественный рост реализации ГФ «психологическое состояние» в этот период, вероятно, можно объяснить отражением переломного момента в мироощущении человека той эпохи, и, следовательно, в его языковой картине мира, дошедшей для нас сквозь призму художественной литературы.

Вторая «точка разлома» приходится на XIX век, т. е. на викторианскую эпоху. Отличительной особенностью викторианской литературы является ее положение между романтизмом и модернизмом XX века, а также доминирующая роль романа, который представлен разными жанрами: романтическим, реалистическим, сенсационным, сентиментальным («домашним») и готическим. В исследовании М. В. Гурецкой анализируются романы Ш. Бронте, У. Коллинза, М. Шелли, Б. Стокера и Ч. Диккенса.

Основными темами раннего викторианства были викторианские ценности и обрисовка быта и нравов мелкопоместного дворянства: семьи, усадьбы, садов, природы, их формы и состояния. Романтическая линия прослеживается в описании характеров, в частности, через внешние объекты, место, события и время. Автор приходит к выводу, что вышеперечисленные черты отражают характер картины мира английского общества той эпохи и, как следствие, обуславливают в том числе изменения в репрезентации концепта «состояние», в частности, рост относительной частотности ГФ «физическое состояние».

В XX веке в английской литературе происходит переход к психологическому роману

модернистского направления. Наиболее плодотворные модернистские тенденции в Англии: психологизм школ В. Вульф и «поток сознания» Дж. Джойса. Так, школой В. Вульф развиваются теоретические принципы психологической школы письма. «Поток сознания» как техника письма – это алогичный монолог, воспроизводящий хаос мысли и переживаний, мельчайших движений души. Таким образом, делается акцент на внутреннем мире человека и его переживаниях. Это в определенной степени может объяснить смену направлений в развитии одного из параметров репрезентации концепта «состояние», а именно рост частотности ГФ «психологическое состояние». Таким образом, точки максимального расхождения значений частотности репрезентантов концепта «состояние», которые приходятся на XVII, XIX и XX века, демонстрируют определенные тенденции диахронных изменений исследуемого языкового концепта и могут найти возможное объяснение в изменении восприятия человеком объективной реальности, что отражается в литературных памятниках соответствующей исторической эпохи.

В статье Н. В. Чалбарих материалом исследования послужили фрагменты художественной прозы, выделенные из состава British National Corpus и Corpus of Contemporary American English и представляющие современное состояние художественной литературы британского и американского вариантов английского языка [Чалбарих 2020]. В своей работе автор опирается на определение языковой картины мира В. А. Масловой, которая утверждает, что «термин “языковая картина мира” – это не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую «окраску» этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которые порождаются спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [Маслова, 2004, с. 52–53].

По результатам исследования автор приходит к выводу о том, что британский и американский варианты английского языка обнаруживают сходства и различия в представлении семантики нерезультативного и результативного состояния. Сходство видится: 1) в совпадении ГФ для нерезультативного и результативного состояния; 2) в совпадении в целом количества и состава

структурно-семантических моделей, реализующих нерезультативную и результативную семантику; 3) в совпадении состава наиболее частотных ГФ. Различия наблюдаются: 1) в заметной разнице в реализации функциональной семантики результативного состояния; 2) в различной концептуальной ориентации структурно-семантических моделей; 3) в явном превалировании в американском варианте семантики «психологическое состояние» не только по сравнению с остальными ГФ внутри варианта, но и по сравнению с относительной частотностью той же семантики в британском варианте. Автор полагает, что это явление (как и различия в репрезентации концепта «состояние» в целом), по всей вероятности, является отражением языковой картины мира носителей американского варианта английского языка, в частности, национально-культурной специфики деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа.

Исходя из того, что художественная проза является отражением языковой картины мира, автор делает попытку соотнести репрезентацию исследуемого лингвистического концепта «состояние» (его семантику) с особенностями английской и американской литературы в XX–XXI веках. Так, автор отмечает, что основными направлениями развития английской и американской литературы в XX–XXI веках являются реализм, модернизм и постмодернизм. Однако, каждая из этих литератур обладает спецификой, связанной с внешними историческими событиями стран и культур британцев и американцев. В английской литературе жанровая палитра романа (как наиболее значимого жанра художественной прозы) характеризуется взаимопроникновением романов научно-фантастического, политического, детективного, семейного, авантюрного. Характерной особенностью английской литературы модернизма стал подчеркнутый, демонстративный уход от общественной проблематики, замыкание в рамках частного мира отдельной личности, кропотливое изучение ощущений, переживаний и реакций, исследование подсознательного.

Постмодернизм в западной литературе XX века в целом – это особый тип мышления, утверждающий в противовес прежней иерархии ценностей и канонов абсолютную относительность, множественность смыслов, приемов, стилей, оценок. Трудность систематизации постмодернизма как в Англии, так и в Америке – его эклектичность. Он синтезирует прежние художественные методы – романтический, реалистический, модернистский и создает свой стиль. Американская литература второй половины XX века

демонстрирует такую же пестроту жанров: послевоенный роман, «спокойные пятидесятые», «встревоженный реализм», фантастический роман, роман-карьера, роман-воспитание, психологический роман, роман-притча, сатирический роман, роман-состояние.

Отличие английского постмодернизма от американского состоит в том, что культура Великобритании в силу островного положения страны и сильных традиций консерватизма избегает крайностей, ее авангардизм (т. е. постмодернизм) всегда был умеренным: творчество крупных писателей, живущих в эпоху постмодернизма, не укладывается в его рамки.

При всем многообразии подходов американских писателей – постмодернистов, можно отметить некоторые общие моменты, характерные для современного американского романа: писатели США XXI века выбирают катастрофические или апокалипсические сюжеты, нагнетается атмосфера страха, тревоги, иногда ничем не мотивируемых; при этом намечается явное внимание к теме богоискательства, тоски, пустоты. Значимой жанровой формой современной американской литературы является роман-состояние. Снижая динамику фабулы и становления характера, он становится формой изображения устойчивого состояния, жизни-паузы.

Анализ литературной критики современной английской и американской литературы показал, что одна из центральных идей современной западной литературы (жизнь – тяжелый крест; субъект человеческого бытия – безличное ничто, не причастное добру; собственная жизнь – тяжкий гнет судьбы, страдания – испытания с безрадостным итогом) путем изображения *серии устойчивых психологических состояний персонажей и их увлеченности своим состоянием, путем «сгущения красок» и как результат «большой свободы творческого воображения»* в большей степени характерна для американской, чем для английской художественной прозы, «избегающей крайностей», демонстрирующей «умеренный» постмодернистский психологизм. Автор высказывает предположение, что большая доля семантики «психологическое состояние» в репрезентации концепта «состояние» в американском варианте английского языка является частным проявлением национально-культурной специфики языковой картины мира американцев, отраженной в современной американской художественной литературе.

В итоге, несмотря на генетическое родство языков и близость культур, языковая картина мира разных этносов демонстрирует определенные различия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ исследований, проведенных с позиции ди-хронической концептологии и корпусной лингвистики, позволил прийти к следующим выводам:

- 1) художественный текст служит инструментом сохранения, фиксации и передачи языковой картины мира;
- 2) лингвокогнитивный и лингвокультурный аспекты языковой картины мира обнаруживают взаимосвязь и взаимозависимость при измерении содержания и репрезентации лингвистических концептов;
- 3) источниковедческий потенциал художественного текста содержит блок информации как об изменении направлений и жанров художественной литературы в зависимости от изменения культурно-исторических условий существования этноса, так и об их национальной специфике;
- 4) поскольку язык, мышление и культура составляют неразрывное единство, художественный текст, отражающий языковую картину мира, является источником исследования мировидения и механизмов мышления определенной общности людей на разных этапах исторического развития этноса;
- 5) отражение языковой картины мира в художественном тексте позволяет включить литературу в общую систему зависимостей: *язык – мышление – культура – литература*.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рабинович М. Г. Город и поэт (к этнографическому источниковедению) // Советская этнография. 1985. № 1. С. 116–129.
2. Думова Н. О. Художественная литература как источник для изучения социальной психологии // О подлинности и достоверности исторического источника на примере романа-эпопеи М. Горького «Жизнь Клим Самгина». Казань, 1991. С. 112–117.
3. Pastoureau M. Une histoire symbolique du Moyen Age Occidental Paris. Editions du Seuil, 2004.
4. Шмидт С. О. Художественная литература и искусство как источник формирования исторических представлений // Шмидт С. О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 113–115.
5. Манкевич И. А. Литературно-художественное наследие как источник культурологической информации // Обсерватория культуры. М., 2007. №5. С. 17 – 23.
6. Лисина Л. А. Художественный текст как объект лингвистического комментирования: На материале произведений И. С. Тургенева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Хабаровск, 2006.
7. Никитин М. В. Об отражении картины мира в языке // STUDIA LINGUISTICA XVIII. Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. СПб: Политехника-сервис, 1999. С. 6–14.
8. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Институт Языкознания РАН, 1997.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ : Восток-Запад, 2007. (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).
10. Гурецкая М. В. Диахронные изменения репрезентации концепта «состояние» (на материале английской художественной прозы XIV–XX вв.) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 8 (850). С. 44–56.
11. Чалбарах Н. В. Концепт «состояние» и его репрезентация в британском и американском вариантах английского языка (корпусное исследование) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 6 (835). С. 177–192
12. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: Тетра Системс, 2004.

REFERENCES

1. Rabinovich, M. G. (1985). Gorod i pojet (k jetnograficheskomu istochnikovedeniju) = City and poet (to ethnographic source studies). Sovetskaja jetnografija, 1, 116–129. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Dumova, N. O. (1991). Hudozhestvennaja literatura kak istochnik dlja izuchenija social'noj psihologii = Fiction as a source for the study of social psychology. In O podlinnosti i dostovernosti istoricheskogo istochnika na primere romana-jepopei M. Gor'kogo "Zhizn' Klima Samgina" (pp. 112–117). Kazan, . (In Russ.)
3. Pastoureau, M. (2004). Une histoire symbolique du Moyen Age Occidental Paris. Editions du Seuil.

4. Shmidt, S. O. (1997). Hudozhestvennaja literatura i iskusstvo kak istochnik formirovanija istoricheskikh predstavlenij = Fiction and art as a source of formation of historical ideas. In Shmidt, S. O., Put' istorika. Izbrannye trudy po istochnikovedeniju i istoriografii (pp. 113–115). Moscow. (In Russ.)
5. Mankevich, I. A. (2007). Literaturno-hudozhestvennoe nasledie kak istochnik kul'turologicheskoi informacii = Literary and artistic heritage as a source of cultural information. Cultural Observatory, 5, 17–23. Moscow. (In Russ.)
6. Lisina, L. A. (2006). Hudozhestvennyj tekst kak ob#ekt lingvoistoricheskogo kommentirovanija: Na materiale proizvedenij I. S. Turgeneva = Artistic text as an object of linguistic commentary: On the material of the works of I. S. Turgenev: abstract of PhD in Philology. Khabarovsk. (In Russ.)
7. Nikitin, M. V. (1999). Ob otrazhenii kartiny mira v jazyke = On the reflection of the picture of the world in the language. In STUDIA LINGUISTICA XVIII. Word, sentence and text as interpreting systems (pp. 6–14). St. Petersburg: Polytechnic-service. (In Russ.)
8. Kubrjakova, E. S. (1997). Chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija = Parts of speech from a cognitive point of view. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
9. Popova, Z. D., Sternin I. A. (2007). Kognitivnaja lingvistika = Cognitive linguistics. Moscow: AST: East West (Linguistics and intercultural communication. Golden series.) (In Russ.)
10. Guretskaya, M. V. (2021). Diachronic changes in the representation of the concept of “state” (based on English art prose of the XIV–XX centuries). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(850), 44–56. (In Russ.)
11. Chalbarah, N. V. (2020). The concept of “state” and its representation in the British and American versions of the English language (corpus study). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(835), 177–192.
12. Maslova, V. A. (2004). Kognitivnaja lingvistika = Cognitive linguistics. Minsk: Tetra Systems. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сорокина Татьяна Сергеевна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sorokina Tatiana Sergeevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor, Professor at the Department of Grammar and History of English, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.02.2022
одобрена после рецензирования 01.03.2022
принята к публикации 09.03.2022

The article was submitted 04.02.2022
approved after reviewing 01.03.2022
accepted for publication 09.03.2022

Научная статья
УДК 811.111
DOI 10.52070/2542-2197_2022_3_858_104

Непрямой разговор как неотъемлемая коммуникативная стратегия американского политического дискурса

А. Е. Устьянцева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
val_88@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается стратегия непрямого общения в инаугурационных обращениях президентов США Барака Обамы и Джозефа Байдена. Анализ лингвистических средств реализации непрямого общения в американском политическом дискурсе позволил автору сделать вывод о том, что изучение тактик непрямого разговора вскрывает скрытые интенции говорящих, направленных на формирование определенного общественного сознания и маскировки реального положения дел.

Ключевые слова: непрямот коммуникация, коммуникативная стратегия, непрямот разговор, политический дискурс, американский политический дискурс, инаугурационная речь, Барак Обама, Джозеф Байден

Для цитирования: Устьянцева А. Е. Непрямот разговор как неотъемлемая коммуникативная стратегия американского политического дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3 (858). С. 104–110. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_104

Original article

Indirect Communication as an Indispensable Communicative Strategy in American Political Discourse

Anastasia E. Ustyantseva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
val_88@bk.ru

Abstract. The article looks into the phenomenon of indirect communication in inaugural addresses by President Barak Obama and President Joe Biden. The observations show that investigation into the strategies of indirect communication in American political discourse helps to reveal the speaker's implicit intentions which aim to shape public opinion and mitigate the current state of events.

Key words: indirect communication, communicative strategy, political discourse, American political discourse, inaugural address, Barak Obama, Joe Biden

For citation: Ustyantseva, A. E. (2022). Indirect communication as an indispensable communicative strategy in American political discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(858), 104–110. 10.52070/2542-2197_2022_3_858_104

ВВЕДЕНИЕ

Язык всегда являлся эффективным способом управления социумом. Благодаря слову люди оказывают влияние друг на друга даже при повседневном общении, но это чаще всего не влечет за собой кардинальных изменений в обществе. В политической же сфере, где порой принимаются судьбоносные решения, сила слова приобретает особое значение. Для политиков одними из главных задач являются завоевание доверия публики, формирование в сознании людей выгодной им картины разворачивающихся событий. Именно поэтому им приходится прибегать к тактикам сокрытия их настоящих намерений, и для этих целей успешно применяется непрямая коммуникация.

В. В. Дементьев считает, что «непрямая коммуникация представляет собой содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [Дементьев, 2006, с. 3]. В политическом дискурсе непрямая коммуникация реализуется с помощью таких лингвистических средств, как метафоры, фразеологизмы, эвфемизмы, синтаксические стилистические приемы, а также хеджирование, градация, расплывчатые смыслы и недосказанность [Марюхин, 2010].

Изучение явления непрямой коммуникации позволяет выявить скрытые смыслы и интенции, заложенные в тексте или высказывании, а также проследить цели, ради которых они были применены [Дементьев, 2001]. Социально-прагматический подход к изучению данного явления как целенаправленной деятельности по изменению чьих-то убеждений предполагает анализ не только лингвистических составляющих, но и социальных, культурных, психологических и прочих экстралингвистических факторов. Проведенный анализ научной литературы выявил исследовательский интерес к явлению непрямой коммуникации, о чем свидетельствует ряд трудов, посвященных данной тематике. В отечественной лингвистике явление непрямой коммуникации рассматривается в работах И. В. Арнольд, Н. Д. Арутюновой, Н. Н. Болдырева, В. В. Дементьева, И. В. Зыковой, О. К. Ирисхановой, М. И. Киосе, Е. С. Кубряковой, Ю. М. Лотмана, А. П. Марюхина, В. Л. Наера, Ю. С. Степанова, А. Д. Швейцера и др., а в зарубежной – в трудах П. Брауна и С. Левинсона, Т. Ван Дейка, Дж. Клемена, Дж. Лакоффа, Дж. Н. Лича, Б. Фрейзера и др.

Инаугурационная речь как особый жанр политического дискурса также представляет интерес для многих исследователей, так как она выступает

не только как речевое воздействие на слушателей, но и как политическое действие [Шейгал, 2002]. Впервые планируется рассмотреть явление непрямой коммуникации в рамках инаугурационного обращения. Оно также должно отражать взгляды, принципы, цели и основные направления политики президента, а также его личностные качества и мировоззрение.

Задача представленного в настоящей статье исследования заключается в комплексном анализе текстов инаугурационных речей президентов – представителей Демократической партии США Барака Обамы¹ и Джозефа Байдена² с целью идентификации лингвистических средств реализации непрямой коммуникации, определения их роли, функции и степени усиления воздействия на аудиторию, а также установления преемственности взглядов, убеждений и коммуникативных тактик президентов, представляющих одну партию.

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВТОРОГО ИНАУГУРАЦИОННОГО ОБРАЩЕНИЯ БАРАКА ОБАМЫ: АНАЛИЗ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Прежде чем приступить к анализу средств экспрессивизации президентского обращения, необходимо рассмотреть функции политического дискурса. Мы считаем, что наиболее точная классификация была разработана Е. И. Шейгал (2002):

- 1) функция социального контроля, или регулятивная (манипуляция общественным сознанием, создание предпосылок для формирования поведения, мыслей, чувств и желаний большого числа людей);
- 2) функция ориентации (формирование картины политической реальности в сознании социума);
- 3) функция легитимизации власти (объяснения и оправдание решений относительно распределения власти и общественных ресурсов);
- 4) функция воспроизводства власти (укрепление приверженности системе чаще всего через ритуальное использование символов);
- 5) функция социальной дифференциации (отчуждение отдельных социальных групп);

¹ Obama B. H. Second Inaugural Address. January 20, 2013. URL: www.bartleby.com/124/pres69.html

² Biden J. R. Inaugural Address. January 20, 2021. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-55656824>

- 6) функция социальной солидарности (сплочение в рамках всего социума или отдельных социальных групп);
- 7) акциональная функция (проведение политики через мобилизацию или «наркотизацию» населения: мобилизация заключается в активизации и интеграции сторонников, в то время как наркотизация подразумевает процесс отвлечения внимания, умиротворения и усыпления бдительности);
- 8) агональная функция (провокация и разрешение социального конфликта, выражение несогласия и протеста против действий властей) [Шейгал, 2002].

Мы предлагаем рассмотреть, как вышеупомянутые функции манифестируются в инаугурационных речах 44-го президента США Барака Обамы в его втором обращении и 46-го действующего президента США Джозефа Байдена с помощью лингвистических средств не прямой коммуникации.

Особую роль в инаугурационном обращении Б. Обамы занимают **хеджирующие элементы**, так как они содержат в себе персуазивный компонент. Хеджирование следует рассматривать как риторическую стратегию, которая включает компоненты нечеткости и направлена на снижение иллюкативной силы и истинностной ценности высказывания, тем самым слушатель или читатель начинается теряться в догадках, кто же несет ответственность за истинность высказывания [Fraser, 2010]. Таким образом, чтобы избежать прямого суждения, а также подчеркнуть неразрывную связь с американским народом, Б. Обама заменяет форму личного местоимения «I» на «we», что подразумевает «я и слушатель». Тем самым, президент подчеркивает тот факт, что все прошлые достижения стали возможными только благодаря совместным усилиям правительства и народа, провозглашая при этом необходимость дальнейшего единства и сотрудничества:

1. Through it all, **we** have never relinquished **our** skepticism of central authority, nor have **we** succumbed to the fiction that... .
2. My fellow Americans, **we** are made for this moment, and **we** will seize it – so long as **we** seize it together.

Призыв к сплочению также усиливается сочетанием местоимения *we* и модального глагола *must*, выполняющего функцию высокого должностования, что обозначает, что ответственность за счастливое будущее лежит не только на президенте, но и на самих американцах:

1. Now, more than ever, **we must** do these things together, as one nation, and one people.

2. **We must** harness new ideas and technology to remake our government,....

Другие модальные глаголы, имеющие более низкую степень вероятности и также выступающие как хеджи, помогают снизить ответственность говорящего за утверждение, тем самым показывая, что неудачи и ошибки имеют место:

We recognize that no matter how responsibly we live our lives, any one of us, at any time, **may** face a job loss, or a sudden illness, or a home swept away in a terrible storm.

Значимость участия американского народа в политической жизни страны, ведущая роль современного поколения американцев, первоочередная необходимость создания максимально благоприятных условий для жизни нынешних и будущих граждан Соединенных Штатов также усиливаются использованием такого синтаксического приема, как **анафора**. Необходимо отметить, что именно в этих высказываниях говорится о незыблемых ценностях американского общества.

1. **Together, we** determined that a modern economy requires railroads and
2. **Together, we** discovered that a free market only thrives when there are rules
3. **Together, we** resolved that a great nation must care for the vulnerable, and

Сочетание анафоры и хеджирования в высказываниях создает эффект призыва к действию:

1. **We must** act, knowing that our work will be imperfect.
2. **We must** act, knowing that today's victories will be only partial, and that it will be up to those who stand here in four years,

Еще одним средством экспрессивизации речи, которое довольно широко используется в инаугурационных обращениях, являются **параллельные синтаксические конструкции**. В сочетании с анафорой они помогают подчеркнуть социальные ценности американцев, а также задать необходимый темп речи:

1. *We, the people, still believe that every citizen deserves a basic measure of security and dignity.*
2. *We, the people, still believe that our obligations as Americans are not just to ourselves, but to all posterity.*
3. *We, the people, still believe that enduring security and lasting peace do not require perpetual war.*

Помимо эстетической функции, **метафоры** и **фразеологизмы** также отражают национально-культурные особенности американского социума, являются эффективным средством декодирования информации и активации необходимой для понимания ситуации картины мира, формируют определенный эмоциональный фон у аудитории, тем самым оказывая большее воздействие для достижения определенных целей. Б. Обама, подчеркивая ведущую роль американского народа в установлении и поддержании демократии и равенства, проводит аналогию между людьми и мостом, который будет соединять реальность и такие высшие ценности, как жизнь, свобода и счастье:

Today **we** continue a never-ending journey, to **bridge** the meaning of those words with the realities of our time.

В следующем примере использование метафоры выделяет значение совместной работы для блага будущего страны, усиливает роль капитализма как единственно правильного строя. Президент проводит параллель между будущим поколением и банком, так как без должных усилий и вложений американское общество, как и банк, не сможет функционировать должным образом и перестанет существовать:

But we reject the belief that America must choose between caring for the generation that built this country and **investing in the generation** that will build its future.

Немаловажную роль в непрямом разговоре и передаче скрытых интенций с целью манипулирования сознанием масс играют **эвфемизмы**. Для американского общества характерна эвфемизация неблагоприятных событий прошлого. Реализации коммуникативной функции способствует образность. Так, в нижеследующем примере происходит замена таких социальных явлений, как *slavery* и *civil war*, на понятия, звучащие более приемлемо. Посредством **параллелизма**, особой ритмической организации высказывания, наблюдаем усиление воздействующего эффекта:

Through **blood drawn by lash** and **blood drawn by sword**, we learned that no union founded on the principles of liberty and equality could survive half-slave and half-free.

Разделение общества на бедных и богатых, разрыв между слоями населения ассоциируются с неэффективностью правительства и вызывают

негативные настроения в социуме. С целью удержать аудиторию в нужном эмоциональном состоянии на своей стороне выполняется эвфемизация понятий *rich* и *poor*. Специфика отбора речевых форм представляет собою **антитезу**, которая выступает как имплицитное средство передачи оценки:

For we, the people, understand that our country cannot succeed when **a shrinking few do very well** and **a growing many barely make it**.

Посредством повторения *freedom, America, we, people, together, generation* в инаугурационном обращении экспрессивизируются незыблемые для демократического общества ценности, а именно: патриотизм, единство, свобода, равенство. С помощью повторения ключевых слов идеальные представления социума проходят красной нитью через всю речь, тем самым у аудитории формируется политическая картина мира.

Во второй инаугурационной речи Б. Обамы успешно реализуются стратегии не прямой коммуникации, которые позволяют президенту не только делать речь более экспрессивной, но усиливать влияние на публику, привлекать внимание слушателей, вуалировать истинное положение дел, формировать нужное эмоциональное состояние и вызывать у аудитории нужную реакцию.

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНАУГУРАЦИОННОГО ОБРАЩЕНИЯ ДЖОЗЕФА БАЙДЕНА: АНАЛИЗ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Теперь мы хотели бы перейти к обсуждению результатов комплексного анализа инаугурационной речи действующего президента США, представителя Демократической партии Джозефа Байдена.

Проведенное исследование позволило выявить ряд синтаксических стратегий не прямой коммуникации, используемых Дж. Байденом в его обращении: анафора, параллелизм, градация. В примерах ниже **анафора** акцентирует внимание на том, насколько труден был путь Америки, через что пришлось пройти обществу, чтобы достичь того уровня развития и процветания, который есть сейчас. Это вызывает чувство гордости за страну и укрепляет патриотизм:

1. **Here we stand, where** 108 years ago at another inaugural, ...
2. **Here we stand where** heroes who gave the last full measure of devotion rest in eternal peace.

3. And *here we stand* just days after a riotous mob thought they could use violence ...

Параллельные синтаксические конструкции

как одна из тактик непрямого разговора позволяют президенту верно распределить акценты и направить внимание аудитории на нужные моменты речи. Скрытые интенции, реализуемые с помощью синтаксических форм, включают в себя призыв к объединению, к работе, к поддержке президента, чтобы писать новую историю, где Америка будет процветать и являться мировым лидером:

1. My fellow Americans, *we have to be different than this. We have to be better than this* and I believe *America is so much better than this*.
2. With unity *we can do* great things, important things. *We can right* wrongs, *we can put* people to work in good jobs, *we can teach* our children in safe schools. *We can overcome* the deadly virus, *we can rebuild* work, *we can rebuild* the middle class and make work secure, we can secure racial justice and *we can make* America once again the leading force for good in the world.

Градация – еще одна стратегия непрямого коммуникации, которая играет важную роль в создании определенного эмоционального состояния у аудитории, так как она позволяет «градуировать» степень экспрессивности того или иного феномена. Так, Дж. Байден, говоря о потенциальных противниках Соединенных Штатов, накаляет обстановку, усиливая негативные настроения у слушателей с помощью градации:

Uniting to fight the foes we face – **anger, resentment and hatred**.

Стремясь подчеркнуть уникальность американского народа и вызвать чувство за свою нацию и страну, Дж. Байден апеллирует ключевыми понятиями американского общества, где каждый последующий элемент кажется еще важнее предыдущего благодаря градации, которая помогает усилить воздействующий эффект, оказываемый на аудиторию:

What are the common objects we as Americans love, that define us as Americans? I think we know. **Opportunity, security, liberty, dignity, respect, honour, and yes, the truth**.

При анализе организации инаугурационного обращения было выявлено, что президент

Дж. Байден использует **повторы** и **эллиптические конструкции** для особо значимых моментов, чтобы в очередной раз заострить внимание на таких ценностях американского общества, как патриотизм, единство, свобода, равенство:

1. History, faith and reason show **the way. The way** of unity.
2. Let's begin to listen to one another again, hear **one another**, see **one another**. Show respect to **one another**.
3. We will get through this **together. Together**.

Фразеологизмы, являясь одним из средств реализации непрямого коммуникации, приобретают значимость в политических текстах, так как они позволяют повысить эффективность воздействия на слушателя за счет усиления прагматической направленности. В данном случае используемый **фразеологизм** раскрывает личность президента как доброго и искреннего человека, который почитает историю страны, уважает предшественников и по-настоящему ценит их заслуги:

I thank them **from the bottom of my heart**.

Следующий пример фразеологизма демонстрирует такие личностные качества Дж. Байдена, как умение сопереживать и ставить себя на место других, а это значит, что именно такой президент сможет понять проблемы простых американцев. Более того, упоминание матери еще больше приближает его к народу, ведь у него, как и у всех, тоже есть семья, о которой он всегда помнит и заботится:

We can do this if we open our souls instead of hardening our hearts, if we show a little tolerance and humility, and if we're willing to **stand in the other person's shoes**, as *my mom* would say.

Тактика **хеджирования** занимает важную роль в инаугурационном обращении Дж. Байдена, так как позволяет придать суждению субъективный характер, тем самым намекая, что оно носит личностный характер и необязательно является правдой (*I believe, I think*), а также внести неясность в произносимые обещания, ведь для его исполнения нужны подходящие условия (*If we do*):

1. **I believe** we must and I'm sure you do as well. **I believe** we will, and when we do, we'll write the next great chapter in the history of the United States of America.
2. **If we do that**, I guarantee we will not failed.

Наиболее распространенным приемом хеджирования в речи является замена формы личного местоимения «I» на «we» с целью равного распределения ответственности между говорящим и слушателем, а также призыва к совместному действию. В сочетании с модальным глаголом «must» этот эффект усиливается:

The rise of political extremism, white supremacy, domestic terrorism, that **we must** confront and **we** will defeat.

Изучив лингвистические средства реализации непрямой коммуникации, регулирующие эмоционально-экспрессивную насыщенность, в инаугурационных речах президентов США Б. Обамы и Дж. Байдена, мы пришли к выводу, что они не только выполняют функцию экспрессивизации, а прежде всего способствуют осуществлению ряда скрытых намерений, для осознания которых от слушателя требуются дополнительные усилия. С помощью стратегий непрямого разговора производится введение социальных и культурных ценностей в речь, что также привносит дополнительный персуазивный компонент, ведь американцы будут поддерживать того президента, который готов сделать всё, чтобы страна была свободной и процветала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попытка рассмотрения специфики отбора языковых средств непрямой коммуникации в единстве

структурно-семантического и прагматического аспектов во втором инаугурационном обращении президента Б. Обамы и инаугурационной речи президента Дж. Байдена позволила установить следующее:

- 1) непрякая коммуникация априорно существует наряду с прямой, успешно реализуется в жанре инаугурационной речи и является неотъемлемой частью стратегии оказания воздействия на аудиторию;
- 2) непрякая коммуникация выполняет ряд важнейших для политической сферы функций, среди которых:
 - повышение эффективности воздействия на слушателей;
 - активация определенной реакции у аудитории;
 - управление эмоциональным состоянием адресатов;
 - сокращение дистанции с аудиторией;
 - маскировка реальных намерений и положения дел;
 - придание экспрессивности и оригинальности тексту речи;
 - отражение национально-культурных особенностей США;
 - смещение ответственности на слушателя;
- 3) анализ непрякой коммуникации позволил проследить преемственность взглядов президентов, представляющих Демократическую партию США, которые заключаются в провозглашении единства, свободы и равенства, а также укреплении патриотизма американского народа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дементьев В. В. Непрякая коммуникация. М.: Гнозис, 2006.
2. Марюхин А. П. Непрякая коммуникация в научном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
3. Дементьев В. В. Основы теории непрякой коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001.
4. Шейгал Е. И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи – 3. Саратов, 2002. С. 205–214.
5. Fraser B. Pragmatic competence: the case of hedging in *New Approaches to Hedging* / ed. by G. Kaltenböck, W. Mihatsch and S. Schneider. Emerald Group Publishing Limited, 2010.

REFERENCES

1. Dementev V. V. (2006). *Nepryamaya kommunikatsiya = Indirect communication*. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
2. Maryukhin, A. P. (2010). *Nepryamaya kommunikatsiya v nauchnom diskurse = Indirect communication in academic writing: PhD in Philology*. Moscow. (In Russ.)
3. Dementev, V. V. (2001). *Osnovy nepryamoj kommunikatsii = Basic principles of indirect communication: PhD in Philology*. Saratov. (In Russ.)

4. Sheigal, E. I. (2002). Inauguratsionnoe obrascchenie kak zhanr politicheskogo diskursa = Inaugural address as a genre of political discourse. Zhanry rechi – 3. Saratov. (In Russ.)
5. Fraser, B. (2010). Pragmatic competence: the case of hedging in *New Approaches to Hedging*, ed. by G. Kaltenböck, W. Mihatsch and S. Schneider. Emerald Group Publishing Limited.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Устьянцева Анастасия Евгеньевна

аспирант кафедры стилистики английского языка, преподаватель кафедры второго иностранного языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ustyantseva Anastasia Evgenyevna

PhD Student, Department of English Stylistics, Faculty of the English Language; Lecturer, Department of the Second Foreign Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.02.2022
одобрена после рецензирования 01.03.2022
принята к публикации 09.03.2022

The article was submitted 04.02.2022
approved after reviewing 01.03.2022
accepted for publication 09.03.2022

Функционирование инфинитивных предложений в новостных заголовках (интернет-портал «Аргументы и факты»¹)

Н. Л. Федотова¹, Го Цзини²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹n.fedotova@spbu.ru

²st083931@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются функционально-семантические особенности инфинитивных предложений, используемых в новостных заголовках статей на интернет-портале «Аргументы и факты». Самыми частотными являются вопросительные инфинитивные предложения с вопросительными словами. Активное использование этого типа предложений для заголовков новостей обусловлено яркой субъективной модальностью инфинитивных предложений, их экспрессивностью и компактностью синтаксической структуры.

Ключевые слова: инфинитивные предложения, семантика, модальность, классификация, новостные заголовки, средства массовой информации, интернет-портал «Аргументы и факты»

Для цитирования: Федотова Н. Л., Го Цзини. Функционирование инфинитивных предложений в новостных заголовках (интернет-портал «Аргументы и факты») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3 (858). С. 111–119. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_111

Original article

Functioning of Infinitive Sentences in News Headlines (Internet portal “The Arguments and Facts”)

Nina L. Fedotova¹, J. Guo²

^{1,2}St.Petersburg State University, St.Petersburg, Russia

¹n.fedotova@spbu.ru

²st083931@spbu.ru

Abstract. The article discusses the functional and semantic features of infinitive sentences used in news headlines of articles on the Internet portal “Arguments and Facts”. The most common are interrogative infinitive sentences with interrogative words. The active use of this type of sentences for news headlines in the modern Russian press is due to the bright subjective modality of infinitive sentences, their expressiveness and compact syntactic structure.

Keywords: infinitive sentences, semantics, modality, classification, news headlines, mass media, Internet-portal “Arguments and Facts”

For citation: Fedotova, N. L., Guo, J. (2022). Functioning of Infinitive Sentences in News Headlines (Internet Portal “Arguments and Facts”). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(858), 111–119. 10.52070/2542-2197_2022_3_858_111

¹ Аргументы и факты – АиФ. The Arguments and Facts. URL: <https://spb.aif.ru/>

ВВЕДЕНИЕ

В век цифровых технологий и господства Интернета активно развивается медиасфера. В связи с этим новости, публикуемые на интернет-порталах, занимают важное место в жизни современного человека. Это обусловлено тем, что «технологические возможности сети Интернет позволяют обеспечить высокую степень оперативности подачи материала. <...> Массовый адресат имеет возможность получать новую информацию сразу из множества интернет-источников, в связи с чем формирование образа события происходит несколько иначе, чем при получении информации из электронных и печатных источников» [Воронцова, 2017, с. 21].

Заголовки новостей используются не только для информирования читателей, но и для формирования той или иной оценки общественных явлений, процессов, действий политиков и т. д. Содержание новости «может восприниматься как единичный факт, привлечший внимание благодаря своей необычности, или же как событие, способное оказать влияние на ментальную модель мира адресата» [Высоцкая, 2018, с. 93]. Кроме того, «заглавие воплощает в себе принцип ориентации на экспрессию и стандарт в концентрированном виде и содержит не только сообщение в явной форме, но и некий «смысловой довесок», скрытый смысл» [Лютая, 2007, с. 102].

Удачно составленные новостные заголовки помогают читателю выбрать интересующую его информацию, поэтому авторы новостных текстов стараются использовать различные структуры предложений, чтобы привлечь внимание как можно большей по численности аудитории.

Изучению коммуникативно-прагматических особенностей *газетного* заголовка посвящены работы ряда исследователей (Вахтель, 2006; Негрышев, 2006; Исаева, 2016; Anisimov, 2020). В меньшей степени исследованы проблемы синтаксической структуры газетного заголовка и выражаемых ею значений (Воротникова, 2009; Широбокова, 2009, 2011; Трубникова, 2010).

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одной из особенностей новостных заголовков в современной российской прессе является использование односоставных предложений, в частности, инфинитивных предложений (ИП). Компактность и яркая субъективная модальность этого типа синтаксических структур становятся причиной их выбора для заголовков новостей.

Есть основания утверждать, что имеются определенные ограничения в использовании инфинитивных предложений в новостных заголовках, например, из-за неконкретности описываемой ситуации, предполагающей действие, которое выражено инфинитивом. Обычно по такому заголовку читатель не всегда способен составить правильное представление о том, чему будет посвящена статья или каково ее содержание. Сегодня, когда темп жизни стремителен и свободного времени становится все меньше, у читателя может пропасть желание читать всю статью после ознакомления с кратким заголовком. Однако есть и другая сторона медали: лаконичный заголовок провоцирует реципиента начать чтение текста, вызывает у читателя определенный интерес. В этом случае предпочтительны именно инфинитивные предложения, в которых в краткой форме выражено, как правило, авторское понимание ситуации.

В инфинитивных предложениях сказуемое – грамматически независимый инфинитив [Скобликова, 2017]. Как и в безличном предложении, предикатный центр инфинитивного предложения однокомпонентный. Но безличного глагола в инфинитивных предложениях не может быть, так как «при нем инфинитив занял бы зависимую позицию и явился бы примыкающей частью главного члена безличного предложения» [Пипченко, 2008, с. 103]. Кроме того, в безличных предложениях действие соотносится с процессом, формирующимся в течение определенного времени, между тем в инфинитивных предложениях действие непосредственно не связано с процессом.

Мы рассматриваем инфинитивное предложение в новостных заголовках как предложение с грамматически независимым инфинитивом в роли главного члена, который занимает, как правило, начальную позицию и способен выражать разные семантические оттенки: необходимость, возможность / невозможность, неизбежность.

Согласно структурно-семантическому подходу, инфинитивные предложения можно разделить на два типа: безлично-инфинитивные предложения и собственно-инфинитивные предложения.

1. Безлично-инфинитивные предложения. В этих предложениях роли всех членов предложения, за исключением инфинитива, ясны. Специфика инфинитива проявляется в том, что слова, которые присоединяются к инфинитиву (дополнение и обстоятельство), значительно усиливают его глагольность. Дополнение может быть и прямым, и косвенным, а обстоятельства – любого вида.

В безлично-инфинитивных предложениях субъект выражен формой дательного падежа. В этом Г. А. Золотова видит принципиальное отличие

инфинитива от личных форм глагола, которое «заключается в отсутствии морфологического форманта личности и в падежной форме: при инфинитиве деятель назван именем не в именительном, а в дательном падеже» [Золотова, 1982, с. 254–255]. Как и многие типы односоставных предложений, инфинитивные предложения характеризуются усилением субъективной модальности. Ср.:

Что я должен делать? (*двусоставное предложение*)
Что мне делать? (*односоставное предложение*).

В обоих случаях наличествует субъект, однако при использовании слов, его называющих, в дательном падеже размываются границы между семантическими вариантами «долженствование» и «необходимость». По мнению Е. М. Галкиной-Федорук, эти значения следует различать, поскольку необходимость может осознаваться субъектом (субъективная) или может быть обусловлена внутренней закономерностью называемого действия или явления действительности (объективная); понятие же долженствования (долга) рождается только объективной необходимостью [Галкина-Федорук, 2012, с. 307]. В предложении *Что мне делать?* имплицитно выражена или тревога, или неопределенность состояния говорящего. Вследствие этого глагол, обозначающий действие, может частично десемантизироваться. Так, возможны варианты:

Я в растерянности. / Не знаю, как быть. / Не могу решиться что-то предпринять *и т. д.*

В безлично-инфинитивном предложении чаще всего субъект – человек / люди, которые могут, должны что-либо сделать или надеются на завершение действия. В некоторых случаях наличие этого субъекта играет решающую роль в семантике предложения: *Не сделать тебе этого*. Семантический объект актанта «тебе» определяется его грамматической зависимостью от глагола *сделать*. С другой стороны, субъект инфинитивного предложения как действующее лицо доминирует над инфинитивом, подчеркивая тем самым значимость субъекта. Из этого можно заключить, что субъектом инфинитивного предложения является общее дополнение предложения, которое представляет собой сочетание объективного и субъективного значений. Это обеспечивает семантическую близость между инфинитивным предложением и соответствующим двусоставным предложением *Ты не сможешь сделать этого*. Таким образом, инфинитивное предложение коррелирует с предложением, в котором имеются и подлежащее, и сказуемое, однако выражает меньшую категоричность.

Глагольная связка *быть* в форме инфинитива выражает только грамматическое значение. Инфинитив-связка как сказуемое используется в сочетании с существительным, которое имеет конкретное значение:

Быть грозе великой! (*А. Пушкин*)

Предикат («быть») требует, чтобы субъект («гроза») не только был в форме дательного падежа, но и ограничивался этим.

2. Собственно-инфинитивные предложения. Сказуемым в инфинитивном предложении является инфинитив или конструкция *быть + каким / как*, которая используется для обозначения того, что субъект должен, обязан что-то делать / сделать или что он находится / будет находиться в некоем состоянии. Инфинитив в качестве сказуемого можно дополнить *и / или* уточнить с помощью второстепенных членов, зависящих от него. Хотя инфинитив не имеет всех характеристик сказуемого, он очень близок к нему. При определенных условиях инфинитивные предложения могут быть преобразованы в синонимичные двусоставные предложения, где субъект в дательном падеже может соответствовать подлежащему двусоставных предложений, которые выражают значение «возможность»:

Как москвичам узнать, когда в их доме будут проверять газовое оборудование? (*АиФ, 05.10.2021*) =
Как москвичи могут узнать, когда в их доме будут проверять газовое оборудование?

Наиболее распространенными типами собственно-инфинитивных предложений являются приказы и требования, которые по семантике соответствуют императиву: *Стоять!* = *Стойте!*; *Не стрелять!* = *Не стреляйте!*, однако отличаются от императивных предложений жесткой категоричностью и предполагают обязательное выполнение названного действия. Г. А. Золотова и ее коллеги относят такие инфинитивные предложения к собственно волевым инфинитивным предложениям, отмечая, что «чем экспрессивнее категоричность требования, тем определеннее речевая ситуация, в которой требование адресуется конкретному исполнителю» [Золотова и др., 2004, с. 146].

Второй критерий классификации – коммуникативный тип высказывания, в соответствии с которым инфинитивные предложения разделяются на вопросительные и невопросительные. В группу невопросительных инфинитивных предложений входят побудительные, повествовательные и оптативные.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В ходе нашего исследования удалось установить, что в заголовках новостей, представленных на сайте АиФ, используются две базовые модели инфинитивных предложений:

- распространенные ИП:

Погасить ипотеку маткапиталом онлайн. Сервисом пользуется каждый третий (*АиФ, 08.10.2021*).

- нераспространенные ИП:

Творить и радоваться. Секреты активной жизни от старшего поколения (*АиФ, 06.10.21*).

Характеристики начальной формы глагола обуславливают возможность передачи значения «побуждение» с помощью инфинитивных предложений, и на степень выраженности этого значения могут влиять разные факторы, одним из которых является распространенность / нераспространенность инфинитивного предложения.

Следует подчеркнуть, что часто одиночный инфинитив в предложении по семантике сходен с глаголом повелительного наклонения. В связи с этим инфинитивные предложения, в которых имеется одиночный инфинитив, выражают активное побуждение и модальные значения неизбежности или долженствования. Однако инфинитивные предложения с побудительным значением семантически шире, чем повелительные предложения, потому что говорящий может выражать не только само побуждение, но и другое модальное значение, например, «необходимость»:

Не предать, а предвидеть. Умер мэр Харькова Геннадий Кернес (*АиФ, 19.12.20*).

В этом предложении инфинитивы совмещают два значения: 1) «не предавайте, а предвидьте»; 2) «нельзя предавать, необходимо предвидеть». Данный пример в полной мере демонстрирует две прагматические ситуации для использования инфинитивных предложений: категорический запрет и требование.

Хотя нераспространенные инфинитивные предложения обладают высокой степенью выразительности (единственный главный член предложения позволяет подчеркнуть ключевой момент действия или события), в современных российских СМИ инфинитивные предложения с обязательным или факультативным распространителями более

частотны в заголовках новостей. Основными вариантами побуждения в инфинитивных предложениях являются:

- 1) просьба;
- 2) требование;
- 3) команда;
- 4) приказ;
- 5) призыв;
- 6) предупреждение или запрет (с частицей НЕ).

В первом новостном заголовке выражено предупреждение, а во втором – приказ:

Не попасться на крючок мошенников (*АиФ, 08.11.20*).
Ломать – и строить! Как будет выглядеть новая универсальная арена ЦСКА (*АиФ, 24.12.20*).

Как показал наш материал, журналисты всё чаще прибегают к некатегоричным выражениям.

Инфинитивные предложения могут передавать широкий спектр модальных значений: долженствование, ненужность, возможность / невозможность, желательность и др.

Согласно критерию коммуникативного типа высказывания, инфинитивные предложения подразделяются на вопросительные (ВИП) и невопросительные (НВИП), которые включают в себя несколько семантических разновидностей.

I. НЕВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ИНФИНИТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Невопросительные инфинитивные предложения имеют модальные значения необходимости, ненужности, невозможности, желательности или опасения действия, а также побуждения к действию [Широбокова, 2011]. Исходя из бытийного качества предложения и его модального значения, мы можем разграничить невопросительные инфинитивные предложения с утвердительным и отрицательным значениями.

1. НВИП с утвердительным значением

Такие предложения выражают значения необходимости, желательности и побуждения к действию. При передаче модального значения желательности говорящий использует независимый инфинитив с частицей *бы*. Однако эта структурно-семантическая разновидность инфинитивных предложений, выражающих категоричные значения пожелания, совета, рекомендации, характерна в основном для разговорной речи.

1а. НВИП со значением необходимости действия:

- долженствование предполагаемого действия:

Знать, решать, не допускать впредь: в Оренбуржье начал работу ЦУР (АиФ, 20.11.20) = «Следует знать, решать, не делать так в дальнейшем».

ЦУР (Центр управления регионом) должен хорошо знать проблемы региона, решать имеющиеся проблемы и в будущем не допускать нарушений закона (используется инфинитив НСВ в общефактическом значении);

- неизбежность, вынужденность действия:

Дожить до лекарства. Игнатию, больному муковисцидозом, нужен виброжилет (АиФ, 18.11.20) = «Ему придется / Он вынужден дожить до лекарства, чтобы не умереть» (используется инфинитив СВ со значением предельности действия);

- рекомендация действия при определенных обстоятельствах:

Упасть и не разбиться. Как пережить воздушную катастрофу без единой жертвы? (АиФ, 07.12.20) = «Если вы попали в авиакатастрофу, то мы посоветуем, что нужно делать, чтобы выжить» (используется инфинитив СВ, заключающий в себе значение результативности; субъект лексически не выражен – это означает, что действие может совершаться любым субъектом, оказавшимся в подобной ситуации).

1б. НВИП со значением побуждения к действию

В таких предложениях используются разные виды инфинитива, что, по-видимому, объясняется прагматическими свойствами видов глагола. Новостные заголовки в форме невопросительного инфинитивного предложения можно разделить на две группы:

- с инфинитивом НСВ: подобные предложения предполагают, как правило, использование предельных глаголов:

Бить в точку. ВВС США испытают боевой лазер на самолете огневой поддержки (03.11.2021);

- с инфинитивом СВ:

Оставить вирусы без шансов. Почему необходимо сделать прививку от гриппа? (АиФ, 09.10.20).

В предложениях данного типа подчеркивается прежде всего результативность действия и наблюдается высокая степень категоричности.

2. Невопросительные инфинитивные предложения с отрицательным значением

Такие предложения выражают модальные значения ненужности, невозможности действия или опасения.

2а. НВИП со значением ненужности действия.

Эти предложения, построенные по модели: НЕ + инфинитив НСВ, используются в трех прагматических ситуациях: запрет, предупреждение, необязательность. Однако наш материал показал, что в заголовках новостей редко встречается значение необязательности действия.

В предложениях, выражающих запрет, недопустимость действия, используется инфинитив НСВ:

Не паниковать! История 103-летней пациентки, борющейся с раком (АиФ, 07.10.20).

Сочетание инфинитива НСВ с частицей НЕ имеет значение отрицания самого факта действия. Наличие восклицательного знака подчеркивает жесткость требования.

В ряде случаев заголовков-предупреждение предваряет статьи, в которых даются разъяснения какого-либо технического новшества, закона, постановления и т. д.:

Парить и не париться. Чем опасны вейпы (АиФ, 07.07.21).

В статье рассказывается о вредных последствиях использования особого вида электронных сигарет, действие которых основано на создании высокодисперсного пара, предназначенного для вдыхания.

2б. НВИП со значением невозможности совершения действия

Для указания на отрицательный результат действия при инфинитиве СВ обязательна частица *не*:

Поплывать и не отравиться. Как выбрать безопасный бассейн (АиФ, 08.11.20).

Невозможность обусловлена определенными условиями, и это условие названо во второй части заголовка. Инфинитивные предложения со значением невозможности соотносимы с предложениями с *нельзя* или *невозможно*, как в приведенном выше примере:

Нельзя отравиться, если Вы выберете безопасный бассейн.

2в. НВИП со значением опасения.

Есть мнение, что «значения опасения, предостережения передаются инфинитивом совершенного вида в сочетании с отрицательной частицей НЕ и частицей БЫ (не + инф. СВ + бы)» [Широбокова, 2011, с. 66]. В случае, если опущен субъект в дат. пад., действующим лицом по умолчанию является говорящий (или человек, который может выполнять действие). В собранных нами новостных заголовках, представленных на портале «АиФ», оказался только один пример:

«Как бы не простудиться на ваших похоронах». Что сказал Путин на «Валдае»? (АиФ, 22.10.20)

II. ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ИНФИНИТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В отличие от повелительных, побудительных и оптативных предложений, вопросительные инфинитивные предложения – это предложения, в которых содержатся вопросы о том, что произошло, происходит или произойдет. «По своей природе вопрос есть особая форма мысли, стоящая на рубеже между незнанием и знанием, предшествующая и в то же время способствующая образованию новых суждений и понятий» [Заботин, 1967, с. 49].

По структуре вопросительные инфинитивные предложения разделяются на вопросительные инфинитивные предложения без вопросительных слов и вопросительные инфинитивные предложения с вопросительными словами. Вопросительные инфинитивные предложения с вопросительными словами обычно используются при выражении вопроса о потенциальном действии. Например, ср.:

Куда Вы вложите деньги сегодня? (АиФ, 30.10.20)
Куда вложить деньги сегодня? (там же)

Первое предложение – личное, в котором подчеркивается исполнитель действия и само действие, а второе, инфинитивное предложение,

в большей степени сфокусировано на безоговорочной реализации действия.

Что касается ВИП без вопросительных слов, то они «часто служат средством описания размышлений, внутренней речи: это вопросы, обращенные к самому себе – вопросительные реплики внутреннего диалога» [Скобликова, 2006, с. 155–156]. В нашем материале такой тип предложений отсутствует.

В зависимости от способа формулирования вопроса вопросительные инфинитивные предложения можно разделить на три типа: ВИП с вопросительными местоимениями или наречиями, ВИП с вопросительными частицами и ВИП, обладающие только просодическими характеристиками (вопросительная интонация и фразовое ударение). Поскольку заголовки новостей в электронных изданиях представлены в виде письменного текста, третий тип ВИП не рассматривается в нашем исследовании.

1. ВИП с вопросительными местоимениями или наречиями:

Чего ждать от 2021-го? (АиФ, 22.12.2020).

Данный тип инфинитивных предложений в новостных заголовках чаще всего выражает:

а) вопросы о перспективе деятельности [Скобликова, 2006]:

Вода плюс капустный сок. Как выводить из организма токсины после застолья? (АиФ, 31.12.20)

б) вопросы о способах или обстоятельствах реализации действия [Воронцова, 2017]:

Когда и где в 2020 году смотреть метеорный поток Леониды? (АиФ, 16.11.20).

2. ВИП с вопросительными частицами (ЛИ, РАЗВЕ и НЕУЖЕЛИ). Известно, что частицы РАЗВЕ и НЕУЖЕЛИ частотны в разговорной речи и, как показал наш материал, не используются в заголовках новостей. Семантические характеристики вопроса с частицей ЛИ отличаются тем, что такие вопросы часто используются, если говорящий не уверен в правильности или рациональности действия, т.е. по каким-то причинам он не может точно сказать, возможен ли данный вариант:

Опасно ли спать в берушах? (АиФ, 25.10.20)

Более того, когда ВИП с вопросительной частицей ЛИ используются в заголовках новостей, они необходимы автору не столько для того, чтобы

задать вопрос, сколько для того, чтобы поставить проблему, тем самым побуждая читателя к поиску ответа на вопрос. Можно предположить, что основная прагматическая функция вопросительных инфинитивных предложений – спровоцировать на решение проблемы и выбрать приемлемый вариант, а не предоставить точную информацию.

В соответствии с модальными значениями инфинитивных предложений, эти предложения в новостных заголовках можно разделить на три группы: ИП со значением «возможность / невозможность», «долженствование / недолженствование», «желательность / нежелательность». За исключением третьего типа, инфинитивные предложения, выражающие первые два модальных значения, часто используются в заголовках новостей.

1. ИП со значением возможности / невозможности

Самым распространенным типом инфинитивных предложений в новостных заголовках являются предложения, выражающие значение возможности. Такие ИП обычно используются в вопросительных предложениях с вопросительными местоимениями или наречиями:

Как отличить гайморит от насморка? (АиФ, 27.10.20)

Подобные заголовки представляют собой вопросительные предложения, в которых используется наречие КАК, они особенно частотны в новостях о здоровье. В этом случае инфинитивные предложения указывают на имеющуюся проблему, описывают способ действия и потому привлекают внимание читателей. Иногда в заголовках разъяснение дается во втором предложении:

Чем запить простуду? Врач о том, какие напитки могут быстрее выздороветь (АиФ, 13.12.2020).

ВИП часто используются в заголовках новостей, связанных с потенциальными действиями частных лиц в экономической сфере:

От станка до залогового бизнеса. Как купить залоговое имущество у банка? (АиФ, 17.10.20)

В рассмотренных нами примерах заголовков, заключающих в себе модальное значение «возможность», имеется указание не только на потенциальное действие, но и на способ решения проблемы, который описывается в самой статье.

2. ИП со значением долженствования / недолженствования

С прагматической точки зрения, инфинитивные предложения в заголовках новостей, выражающие значение «долженствование» / «недолженствование», можно разделить на два ситуативных типа:

- а) запрет для выполнения действия или предупреждение:

Не попасть в сети. Правила безопасности ребенка в онлайн (АиФ, 19.12.20).

- б) уверенность / неуверенность в возможности действия:

Кадровый вопрос в космосе. Реально ли снять кино на орбите? (АиФ, 22.11.20)

Можно классифицировать ИП по выполняемой функции в новостных заголовках. Дополнив классификацию, предложенную Е. А. Даниловой [Данилова, 2016], мы выделили следующие типы инфинитивных предложений (расположены по частотности, от высокой к низкой):

1. Инфинитивные предложения для выражения потенциального действия. Эти предложения либо указывают на необходимость решения проблемы:

Кому вытаскивать ЦСКА? Армейцы провалили Лигу Европы и ждут перемен (АиФ, 13.12.20).

либо предваряют рекомендацию:

Во что вкладывать деньги в 2021 году? Советы экспертов (АиФ, 19.12.20).

2. Инфинитивные предложения для фокусирования на сути произошедшего события:

«Стоять до конца». Как начинался конфликт в Приднестровье (АиФ, 02.11.20).

Как правило, используются предложения-сентенции, т. е. мнение, лаконично выраженный взгляд на что-либо.

3. Инфинитивные предложения для выражения призыва, пожелания и постановки задач:

Сохранить лес. Экологическая акция затронула всю Россию (АиФ, 19.11.20).

4. Инфинитивные предложения для выражения сомнения или скептицизма автора по поводу неоднозначной проблемы или события:

Дешево, но есть нюансы. Выгодно ли покупать аппараты? (АиФ, 06.12.20)

В ходе проведенного нами анализа выявлено, что богатые модальные значения, содержащиеся в инфинитивных предложениях, и их акцент на самом действии в новостных событиях делают эти синтаксические структуры широко используемыми в заголовках новостей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ 100 инфинитивных предложений в 91 заголовке (25 сентября 2020 – 03 ноября 2021 года) показал, что инфинитивные предложения являются достаточно продуктивным типом предложений в языке российских СМИ. От других типов односоставных предложений инфинитивные предложения отличаются особой грамматической структурой, способом выражения субъектных отношений и разнообразием оттенков модальных значений. В инфинитивных предложениях независимая форма инфинитива не предполагает наличие субъекта

действия, поэтому может только подчеркивать название самого действия.

В инфинитивных предложениях совершенное или предполагаемое действие характеризуется ярко выраженным активным волеизъявлением или эмоциональным состоянием говорящего. В большинстве случаев инфинитивные предложения используются либо для указания на поиск решения проблемы и побуждения к действию, либо для подчеркивания рациональности действия, его желательности, невозможности, условий выполнения и др. Инфинитивные предложения-заголовки могут в наибольшей степени передавать значение побуждения, команды, просьбы, запрета и т. д. с разными степенями категоричности в зависимости от структуры и содержания расширяющих компонентов. Активное использование инфинитивных предложений в заголовках новостей доказывает эффективность и действенность таких предложений в коммуникативной функции.

Таким образом, результаты исследования семантических особенностей инфинитивных предложений, используемых в новостных заголовках, могут оказать помощь журналистам, которые стремятся повысить эффективность и точность передачи информации, что, несомненно, имеет важное практическое значение для развития современных электронных СМИ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Воронцова Т. А. Новостной заголовок как репрезентант события. Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 21–25.
2. Высоцкая И. В., Кочетков П. Н. Заголовок интернет-новости как когнитивная модель ситуации. Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 6: Журналистика. С. 89–96. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-6-89-96
3. Лютая А. А. Структурные особенности и прагматическая роль современных газетных заголовков. Известия ВГПУ. Серия: Филологические науки. 2007. № 2(20). С. 101–105.
4. Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс): учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006.
5. Пипченко Н. М. Современный русский язык: Синтаксис словосочетания и простого предложения. Минск: БГУ, 2008.
6. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.
7. Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. 2-е изд. М.: Либроком, 2012.
8. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / под общ. ред. д-ра филол. наук Г. А. Золотовой. М.: Наука, 2004.
9. Широбокова Л. А. Синтаксические конструкции с инфинитивом в газетных заголовках: структурно-семантический и функционально-прагматический аспекты (на материале российских и британских печатных СМИ): дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2011.
10. Заботин В. В. О познавательной роли вопроса в обучении. Советская педагогика. 1967. № 9. С. 47–58.
11. Данилова Е. А. Глагольные односоставные предложения в функции газетного заголовка. Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1–2. С. 139–142.

REFERENCES

1. Vorontsova, T. A. (2017). Novostnoy zagolovok kak reprezentant sobytiya = News headline as a representative of the event. *Politicheskaya lingvistika*, 6(66), 21–25. (In Russ.)
2. Vysotskaya, I. V., Kochetkov, P. N. (2018). Zagolovok internet-novosti kak kognitivnaya model' situatsii = Internet news headline as a cognitive model of the situation. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 6(17), Zhurnalistika, 89–96. 10.25205/1818-7919-2018-17-6-89-96. (In Russ.)
3. Lyutaya, A. A. (2007). Strukturnyye osobennosti i pragmaticheskaya rol' sovremennykh gazetnykh zagolovkov = Structural features and the pragmatic role of modern newspaper headlines. *Izvestiya VGPU. Seriya: Filologicheskiye nauki*, 2(20), 101–105. (In Russ.)
4. Skoblikova, Ye. S. (2006). *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis prostogo predlozheniya (teoreticheskiy kurs) = Modern Russian language. Syntax of a simple sentence (theoretical course): textbook. 3rd ed., corrected and supplemented.* Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)
5. Pipchenko, N. M. (2008). *Sovremennyy russkiy yazyk: Sintaksis slovosochetaniya i prostogo predlozheniya = Modern Russian: The syntax of a phrase and a simple sentence.* Minsk: BGU. (In Russ.)
6. Zolotova, G. A. (1982). *Kommunikativnyye aspekty russkogo sintaksisa = Communicative aspects of Russian syntax.* Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Galkina-Fedoruk, E. M. (2012). *Bezlichnyye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke = Impersonal sentences in modern Russian.* 2nd ed. Moscow: Librokom. (In Russ.)
8. Zolotova, G. A., Onipenko N. K., Sidorova M.Yu. (2004). *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka = Communicative grammar of the Russian, ed. by doctor of philology (dr.habil.) G. A. Zolotova.* Moscow: Nauka. (In Russ.)
9. Shirobokova, L. A. (2011). *Sintaksicheskiye konstruksii s infinitivom v gazetnykh zagolovkakh: strukturno-semanticheckiy i funktsional'no-pragmaticheskiy aspekty (na materiale rossiyskikh i britanskikh pechatnykh SMI) = Syntactic constructions with infinitives in newspaper headlines: structural-semantic and functional-pragmatic aspects (based on the material of Russian and British print media): PhD in Philology.* Rostov-na-Donu. (In Russ.)
10. Zabotin, V.V. (1967). *O poznavatel'noy roli voprosa v obuchenii = On the cognitive role of the question in teaching.* *Sovetskaya pedagogika*, 9, 47–58. (In Russ.)
11. Danilova, Ye. A. (2016). *Glagol'nyye odnosostavnyye predlozheniya v funktsii gazetnogo zagolovka = Verb one-part sentences as a newspaper headline.* *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk*, 1-2, 139–142. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Федотова Нина Леонидовна

доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета; ORCID: 0000-0002-3470-0262

Го Цзини

магистрант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета; ORCID: 0000-0002-3620-2005

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Fedotova Nina Leonidovna

Doctor of Pedagogical Science, Professor, Professor of the Department of Russian as a foreign language and Methods of its Teaching, Philological Faculty, St. Petersburg State University
ORCID: 0000-0002-3470-0262

Guo Jingyi

Master Student of the Department of Russian as a foreign language and Methods of its Teaching, Philological Faculty, St. Petersburg State University
ORCID: 0000-0002-3620-2005

Статья поступила в редакцию 04.02.2022
одобрена после рецензирования 01.03.2022
принята к публикации 09.03.2022

The article was submitted 04.02.2022
approved after reviewing 01.03.2022
accepted for publication 09.03.2022

Научная статья
УДК 81.432.1
DOI 10.52070/2542-2197_2022_3_858_120

Структура ядерных тонов как ключ к национальной идентичности

М. А. Чубарова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
maryglazunova@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется мелодический аспект звучащей речи подростков из Глазго, Белфаста, Дублина и Кембриджа. Цель работы состоит в сравнительном анализе данных городских типов произношения по параметру длительности структуры тона. Материал: аудиозаписи спонтанной речи группы из 32 подростков, сбалансированной по гендеру, взятые из корпусов IViE (Intonational Variation in English) и The HCRC Map Task Corpus.

Ключевые слова: мелодика, ядерный тон, вариант английского языка в Глазго, Белфасте, Дублине, Кембридже, длительность, городской континуум

Для цитирования: Чубарова М. А. Структура ядерных тонов как ключ к национальной идентичности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3(858). С. 120–126. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_120

Original article

Structure of Nuclear Tones as a Key to National Identity

M. A. Chubarova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
maryglazunova@yandex.ru

Abstract. The present article focuses on the melodic aspect of Glasgow English, Belfast English, Dublin English, and Cambridge English. The goal of the study is to conduct a comparative analysis of the duration characteristics of nuclear tones. The material includes speech samples of 32 teenagers balanced for gender taken from the IViE (Intonational Variation in English) corpus, and The HCRC Map Task Corpus.

Keywords: melody, nuclear tone, Glasgow English, Belfast English, Dublin English, Cambridge English, duration, urban continuum

For citation: Chubarova, M. A. (2022). Structure of nuclear tones as a key to national identity. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(858), 120–126. 10.52070/2542-2197_2022_3_858_120

ВВЕДЕНИЕ

Исследования частотности и структуры ядерных тонов в различных городских вариантах английского языка и типах произношения в кельтских регионах, в частности, наталкивают на мысль о существовании городского континуума, на одном конце которого находятся типы произношения, характеризующиеся наибольшим количеством региональных черт, а на другом – варианты, наиболее приближенные к британской норме произношения.

В последнее время из-за роста чувства национальной и культурной идентичности престиж региональных вариантов растет, о чем писал Д. Кристал (2019). К примеру, опрос жителей Республики Ирландия, проведенный Р. Хикки в 2009 году, показал, что только 7% считают сильный ирландский акцент неприемлемым, тогда как 42% ответили, что данный тип произношения приятен для их восприятия.

Исторический и социальный контекст взаимоотношений между центром и периферией не мог не повлиять на развитие региональных вариантов в регионе Celtic Fringe, в которых статус нормы отводился именно внешнему произносительному стандарту. Исследования интонации региональных типов произношения позволяют выявить специфические региональные черты и черты, схожие с RP, и определить, насколько тот или иной диалект сохраняет национальную окрашенность.

В контексте взаимоотношения регионального варианта с внешней нормой необходимо упомянуть исследование А. Лукиной и Г. Кочански, в котором при сопоставлении семи городских британских диалектов исследователи выявили сходство между речью жителей Дублина и Кембриджа [Loukina et al., 2011]. Таким образом, заметно влияние и престиж южно-британского типа произношения в ирландском Дублине. В данном исследовании также отмечается специфика речи Белфаста.

Описывая шотландские типы произношения, С. Кингстоун говорит о том, что диалект Эдинбурга воспринимается как более «правильный» и «английский», тогда как акцент Глазго более «шотландский» [Kingstone, 2015]. В другом исследовании также говорится о взаимной неприязни носителями диалекта Глазго, с одной стороны, и Эдинбурга, с другой [Marzinkowski, 2016].

В описаниях мелодики северобританских городских диалектов английского языка и типов произношения в кельтском регионе наиболее часто упоминаются восходяще-нисходящие, восходящие и ровные тоны.

О частотности ровных тонов и стилистически нейтральных восходяще-нисходящих тонов

говорит Скуланова, описывая мелодику шотландского диалекта [Скуланова, 1987]. Исследования валлийской интонации также отмечают «напевную интонацию», создаваемую восходяще-нисходящими и восходящими тонами: об этом в своих исследованиях писали Джарман и Краттенден (1976), Купленд (1990), Федотова (2013), Коллинз и Меез (2009).

Говоря о типах произношения северобританских городов, ряд исследователей пишут об использовании восходящих тонов в утверждениях: в Белфасте [Jarman, Cruttenden, 1976], в Глазго [Mayo, Aylett, Ladd, 1997; Cruttenden, 2007], в Ливерпуле [Nance, Kirkham, Groarke, 2015] и в Манчестере [Cruttenden, 2001]. В диалекте Дублина, однако, данный тип тона редок, и утверждения произносятся преимущественно с нисходящей интонацией.

Помимо частотности ядерных тонов, ряд исследований рассматривает также и параметры структуры тона. Описывая специфические модели региональных типов, упоминаются восходящие тоны с плато («rise-plateaus») и восходящие тоны с плато и падением («rise-plateau-slumps») [Bongiorno, Herment, 2018; Cruttenden, 2007].

Настоящая работа является частью исследования мелодических характеристик речи молодых носителей городских вариантов кельтского английского. Результаты анализа частотности употребления различных типов ядерных тонов в данных типах произношения, а также некоторых параметров структуры тона были ранее опубликованы [Чубарова, 2021]. В данной работе рассматривается такой параметр структуры тона, как длительность.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Объектом настоящего исследования является мелодический аспект звучащей речи молодых жителей четырех городов на Британских островах, а предметом – конфигурация терминальных ядерных тонов, отражающая географическую и гендерную вариативность речи подростков из Глазго, Белфаста, Дублина и Кембриджа. Цель исследования – сравнительно-сопоставительный анализ четырех вариантов городской речи и определение специфических и общих черт, обусловленных географическим и гендерным варьированием.

Материалом исследования послужили аудиозаписи звучащей речи из двух источников:

- корпус IViE (Intonational Variation in English) [Coleman, Kochanski, 2002];
- корпус The HCRC Map Task Corpus [Anderson, 1992].

Оба проекта располагают записями спонтанной речи подростков из городов Великобритании и Ирландии. Группы респондентов сбалансированы по признаку гендерной и географической принадлежности. Диалоги происходят в ситуации неформальной беседы между социально равными респондентами.

Из корпуса IViE были отобраны диалоги подростков 16 лет из Белфаста, Дублина и Кембриджа, записанные в неформальной обстановке, в разговорном стиле. Четыре мальчика и четыре девочки, представляющие каждый из городов, обсуждали проблему курения и делились историями из личного опыта.

Ввиду отсутствия образцов шотландского произношения в корпусе IViE, речь респондентов из Глазго была взята из корпуса HCRC Map Task Corpus. Несмотря на то, что условия записи речи данной группы респондентов отличались (подростки 16–19 лет выполняли задание с картой в условиях эксперимента), результаты анализа сопоставимы с данными по прочим группам. Указанные записи, как и прочие, являются примерами спонтанной речи, так как подростки не предупреждены о том, что объектом исследования является мелодический аспект их речи.

Общее количество респондентов: 32. Средняя продолжительность проанализированных отрывков диалогов: 110 секунд (общая продолжительность звучащего материала около 30 минут). В ходе перцептивно-слухового анализа было выделено 1180 синтагм, из которых 1136 были отобраны для акустического анализа по принципу качества записи.

В ходе исследования были использованы перцептивно-слуховой, акустический, статистический и сравнительно-сопоставительный методы анализа [Шевченко и др., 2017].

В ходе перцептивно-слухового анализа поток звучащей речи был разделен на синтагмы с учетом случаев беспазуального деления. Далее ядерные тоны в финальных и нефинальных синтагмах были описаны в соответствии с их направлением. На этапе акустического анализа при помощи программы Praat (Praat 6.1.13) была описана средняя длительность восходящего движения/нисходящего движения/ровного элемента (мс).

На следующем этапе полученные данные были подвергнуты математико-статистическому анализу методом дисперсионного многофакторного многомерного анализа MANOVA (Multivariate ANalysis Of VAriance) и однофакторного одномерного анализа ANOVA (ANalysis of VAriance), а также был проведен анализ медианных значений [Bailey, 2008].

На финальном этапе был проведен сопоставительный анализ данных и корреляция результатов экспериментального анализа с социо-демографическими данными.

РЕЗУЛЬТАТЫ

На первом этапе обработки данных акустического анализа для доказательства статистической достоверности были проведены многофакторный многомерный анализ MANOVA и ряд однофакторных одномерных анализов ANOVA при помощи стандартного пакета прикладных программ Matlab (Matrix Laboratory).

Дисперсионный анализ, разработанный Р.Фишером, позволяет выработать доказательство статистической значимости результатов сравнительного исследования нескольких групп, сопоставляя дисперсию, вызванную межгрупповой и внутригрупповой изменчивостью.

Нулевая гипотеза предполагала отсутствие статистически значимой межгрупповой вариативности, продиктованной географическим и гендерным варьированием. Данная гипотеза подтверждалась в случае превышения уровня значимости (P-value), который был задан равным 0,05.

Многофакторный многомерный анализ MANOVA

MANOVA позволяет определить значимость влияния нескольких факторов на зависимые переменные.

В настоящем исследовании за *факторы* принимались: «город», «гендер». За *зависимые переменные* или признаки принимались: «длительность нисходящих тонов», «длительность восходящих тонов» и «длительность ровных тонов»

Анализ MANOVA показал наличие значимых межгрупповых различий, анализируя данные как по длительности, так и по диапазону ЧОТ.

Однофакторный одномерный анализ ANOVA

За фактор принимался «город». Зависимые переменные совпадали с признаками, заданными на первом этапе. Таким образом, для определения влияния факторов на каждый из признаков было проведено по три анализа: анализ просодических характеристик речи, объединенных по гендеру групп; анализ по группам мальчиков и анализ по группам девочек.

ЗНАЧЕНИЯ P-УРОВНЯ ЗНАЧИМОСТИ ПО ПРИЗНАКАМ «ДЛИТЕЛЬНОСТЬ» И «ДИАПАЗОН ЧОТ»

	Объединенная группа	Мальчики	Девочки
Длительность нисходящих тонов	0.015	0.001	0.256
Длительность восходящих тонов	3.98236e-05	0.019	8.30982e-05
Длительность ровных тонов	0.179	0.089	0.887

Ниже в таблице 1 выборочно представлены выходные данные анализа ANOVA. Значимость межгрупповой вариативности считается статистически доказанной при значении p -уровня ≤ 0.05 : соответствующие значения в таблице выделены.

Таким образом, на втором этапе математико-статистического анализа заключаем, что по признакам «длительность восходящих тонов» и «длительность нисходящих тонов» (кроме групп девочек) имеются значимые различия, продиктованные фактором географического происхождения, тогда как анализ экспериментальных данных не позволяет сделать такого вывода по признаку «длительность ровных тонов».

Сравнение медианных значений

На третьем этапе статистического исследования было проведено сравнение оценок медианных значений *зависимых переменных*. На данном этапе анализа данные были собраны также при помощи пакета программ MatLab. Диаграммы «boxplot» предоставили не только средние медианные значения (на рисунках обозначаются средней горизонтальной линией), но также и разброс значений *зависимой переменной* для каждого значения *группирующей переменной* (вертикальные пунктирные линии). Если интервалы значений *зависимых переменных*, в котором медианное значение находится с вероятностью 95 % (показаны уголками вырезом), не пересекались, то разница между городами по тому или иному признаку считалась значимой.

Таким образом, на рисунке 1 мы видим, что статистически значимые различия по признаку «длительность нисходящих тонов» наблюдаются между Глазго и Кембрижем. Схожая картина наблюдается при отдельных анализах данных по группам мальчиков. Медианный анализ данных по группам девочек релевантным не считается ввиду

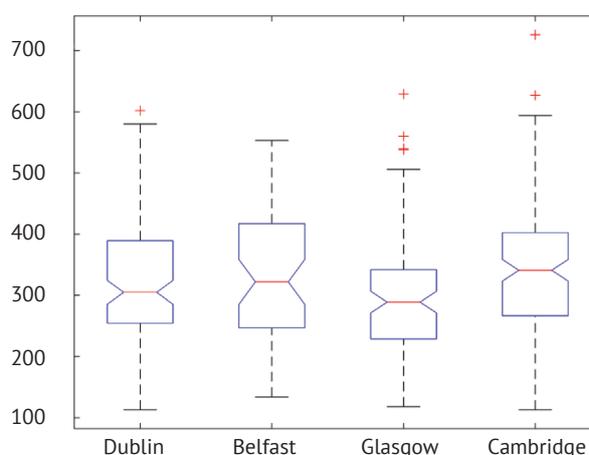

Рис. 1. Сравнение медианных значений длительностей нисходящих тонов в речи объединенных групп

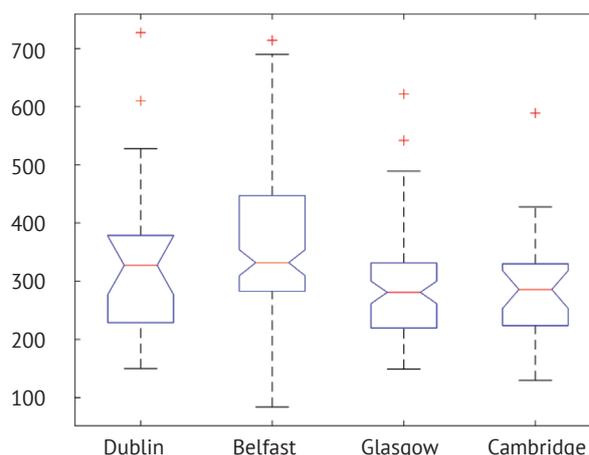

Рис. 2. Сравнение медианных значений длительностей восходящих тонов в речи объединенных групп

отрицательного результата на предыдущей ступени статистического анализа.

Рисунок 2 показывает значимые различия по признаку «длительность восходящих тонов» между

СРЕДНИЕ МЕДИАННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ДЛИТЕЛЬНОСТЕЙ ЯДЕРНЫХ ТОНОВ (МС)

	Дублин			Белфаст			Глазго			Кембридж		
	Все	м	д	все	м	д	Все	м	д	все	м	д
НТ	305	310	(301)	322	313.5	(322)	289	278.5	(291)	341	361	(275)
ВТ	327.5	376.5	261.5	332	339	328	281	275	286.5	286	287.5	281

Белфастом и Глазго. Анализ данных по отдельным группам мальчиков и девочек показывает схожие результаты.

В таблице 2 ниже приведены медианные значения для дальнейшего сопоставительного анализа характеристик длительности ядерных тонов в речи подростков из четырех городов. Данные по ровным тонам в таблице не представлены ввиду отсутствия статистической значимости, выявленной на более раннем этапе анализа.

Из данных таблицы 2, а также из рисунка 1 видно, что наибольшая длительность *нисходящих* тонов наблюдается в речи подростков из Кембриджа (объединенная группа: 341 мс; мальчики: 361 мс; девочки: 275 мс). За ними по данному показателю следуют подростки из Белфаста (322 мс (все), 313.5 мс (м) и 322 мс (д)). Далее идут группы из Дублина (305 мс (все), 310 мс (м), 301 мс (д)). Наименьшей длительностью *нисходящих* тонов отличается речь мальчиков и девочек из Глазго (289 мс (все), 278.5 мс (м), 291 мс (д)).

Сравнительный анализ средних значений длительностей *восходящих* тонов показывает, что самые длинные ВТ наблюдаются в речи подростков из Белфаста и Дублина (332 мс (все), 339 мс (м), 328 мс (д); 327.5 мс (все), 376.5 мс (м), 261.5 мс (д)), хотя речь девочек из Дублина, напротив, отличается самыми короткими *восходящими* тонами. *Восходящие* тоны в речи подростков из Глазго и Кембриджа короче (281 мс (все), 275 мс (м), 286.5 мс (д); 286 мс (все), 287.5 мс (м), 281 мс (д)).

ДИСКУССИЯ

Таким образом, проанализировав данные поэтапного математико-статистического и сопоставительного анализов, мы можем установить, что:

- Сравнимые выборки позволяют сделать вывод о значимых различиях, продиктованных географической вариативностью, по признаку длительности ядерных тонов.
- Дисперсионный анализ показывает значимые различия по признаку «длительность

нисходящих тонов» между городами Глазго и Кембридж в объединенной выборке и по группам мальчиков. Речь подростков из Кембриджа характеризуется наибольшей длительностью *нисходящих* тонов, тогда как наименьшая длительность данного типа тона характерна для речи респондентов из Глазго.

- *Длительность восходящих тонов* является значимым различительным признаком для Белфаста и Глазго. При этом *восходящие* тоны подростков из Белфаста отличаются большей длительностью, нежели речь подростков из Глазго.
- По длительности *ровных тонов* значимых различий выявлено не было.
- Речь подростков из Белфаста отличается высокой длительностью и *нисходящих*, и *восходящих тонов*, чем она схожа с речью подростков из Дублина.
- Речь подростков из Глазго, напротив, отличается низкой длительностью *ядерных тонов*.
- Речь подростков из Кембриджа похожа на Дублин и Белфаст более длинными *нисходящими тонами* и на Глазго – более короткими *восходящими тонами*.
- Результаты эксперимента не позволяют делать каких-либо определенных выводов насчет гендерной вариативности по данному параметру.

Результаты сравнительного анализа длительностей *ядерных тонов* по ряду пунктов созвучны с выводами, построенными на подсчетах частотности использования *ядерных тонов*.

Анализ частотности указал на специфику речи подростков из Белфаста, которую отличают, в первую очередь, *восходящие тоны*. Как мы видим, длительность ВТ в диалекте Белфаста также выделяется. Тем не менее *восходящие тоны* в Глазго, близкие по частотности употребления к Белфасту, отличаются длительностью от ВТ в речи подростков из Белфаста.

По частотности употребления *нисходящих тонов* Дублин и Кембридж схожи, что применимо и к длительности данных тонов в двух городах.

Выводы

Итак, анализ такого параметра структуры ядерного тона, как длительность, позволяет нам сделать вывод о схожести ирландских городских вариантов по данному параметру: ядерные тоны Белфаста

и Дублина характеризуются большей длительностью, что нехарактерно для восходящих тонов принятого стандарта RP. Стоит также отметить специфику речи жителей Глазго, отличающуюся более короткими ядерными тонами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Loukina A. [et al.]. Rhythm measures and dimensions of durational variation in speech // The Journal of the Acoustical Society of America. 2011. Vol. 129 (5). P. 3258–3270.
2. Kingstone S. 'Scottish', 'English' or 'Foreign': Mapping Scottish Dialect Perceptions // English World-Wide. 2015. Vol. 36 (3). P. 315–347.
3. Marzinkowski S. Language attitudes towards varieties of Scottish English: Exploring the linguistic rivalry between Glasgow and Edinburgh. Ruhr-Universität Bochum, 2016.
4. Скуланова Г. М. Региональная вариативность интонации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1987.
5. Mayo C., Aylett M., Ladd D. R. Prosodic transcription of Glasgow English: an evaluation study of glatobi // INT. 1997. P. 231–234.
6. Cruttenden A. Intonational diglossia: A case study of Glasgow // Journal of the International Phonetic Association. 2007. Vol. 37 (03). P. 257–274.
7. Nance C., Kirkham S., Groarke E. Intonational variation in Liverpool English // Proceedings of the XVIII International Congress of Phonetic Sciences. 2015. P.14–18.
8. Cruttenden A. Gimson's Pronunciation of English. 6th ed. L.: Edward Arnold, 2001.
9. Kalaldehy A., Dorn A., Ni Chasaide A. Tonal Alignment in Three Varieties of Hiberno-English // 10th Annual Conference of the International Speech Communication Association. 2009. P. 2427–2431.
10. Bongiorno J., Herment S. A qualitative analysis of rising tones in Dublin English // Proc. Speech Prosody. 2018. P. 109–113.
11. Чубарова М. А. Структура и частотность тонов как ключи к национальной идентичности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 843. С. 162–172.
12. Coleman, J., Kochanski. G. The IVE Corpus // University of Oxford. 2002. URL: http://www.phon.ox.ac.uk/old_IViE
13. Anderson A. [et al.]. The HCRC Map Task Corpus // Human Communication research center. University of Edinburgh. 1992. URL: HCRC Map Task Corpus (ed.ac.uk)
14. Шевченко Т. И. [и др.] Методы анализа звучащей речи: новые измерения и результаты. Дубна: Феникс+, 2017.
15. Bailey R. A. Design of comparative experiments. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

REFERENCES

1. Loukina, A. [et al.]. (2011). Rhythm measures and dimensions of durational variation in speech. The Journal of the Acoustical Society of America, 129(5), 3258–3270.
2. Kingstone, S. (2015). 'Scottish', 'English' or 'Foreign': Mapping Scottish Dialect Perceptions. English World-Wide, 36(3), 315–347.
3. Marzinkowski, S. (2016). Language Attitudes towards Varieties of Scottish English: Exploring the Linguistic Rivalry between Glasgow and Edinburgh. Ruhr-Universität Bochum.
4. Skulanova, G. M. (1987). Regional'naya variativnost' intonacii = Regional variation of intonation: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
5. Mayo, C., Aylett, M., Ladd, D. R. (1997). Prosodic transcription of Glasgow English: an evaluation study of glatobi // INT (pp. 231–234).
6. Cruttenden, A. (2007). Intonational diglossia: A case study of Glasgow. Journal of the International Phonetic Association, 37(03), 257–274.
7. Nance, C., Kirkham, S., Groarke, E. (2015). Intonational variation in Liverpool English. Proceedings of the XVIII International Congress of Phonetic Sciences (pp. 14–18).
8. Cruttenden, A. (2001). Gimson's Pronunciation of English. 6th ed. L.: Edward Arnold.

9. Kalaldehy, A., Dorn, A., Ni Chasaide, A. (2009). Tonal Alignment in Three Varieties of Hiberno-English. 10th Annual Conference of the International Speech Communication Association (pp. 2427–2431).
10. Bongiorno, J., Herment, S. (2018). A qualitative analysis of rising tones in Dublin English. Proc. Speech Prosody (pp. 109–113).
11. Chubarova, M. A. (2021). Structure and frequency of tones as cues to national identity. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 843, 162–172. (In Russ.)
12. Shevchenko, T. I. et al. (2017). Metody analiza zvuchashchej rechi: novye izmereniya I rezul'taty = Methods of spoken speech analysis: new data and results. Dubna: Feniks+. (In Russ.)
13. Coleman, J., Kochanski, G. (2002). The IViE Corpus. University of Oxford. http://www.phon.ox.ac.uk/old_IViE
14. Anderson, A. [et al.] (1992). The HCRC Map Task Corpus. Human Communication research center. University of Edinburgh. HCRC Map Task Corpus. (ed.ac.uk)
15. Bailey, R. A. (2008). Design of comparative experiments. Cambridge: Cambridge University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чубарова Мария Андреевна

аспирант кафедры фонетики английского языка факультета английского языка,
преподаватель кафедры второго иностранного языка Института иностранных языков им. М. Тореза
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chubarova Mariya Andreevna

Postgraduate Student, Department of English Phonetics, Faculty of English,
Moscow State Linguistic University, Lecturer at the Department of the Second Foreign Language,
M. Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.02.2022
одобрена после рецензирования 01.03.2022
принята к публикации 09.03.2022

The article was submitted 04.02.2022
approved after reviewing 01.03.2022
accepted for publication 09.03.2022

Вербальные, просодические и невербальные средства в монологическом дискурсе (на примере речей Ричарда Никсона)

Д. С. Чубукова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
chubukovad@mail.ru*

Аннотация. Статья представляет результаты экспериментально-фонетического исследования корреляции жестовых манифестаций, просодических и вербальных средств в речи политического деятеля в рамках мультимодального подхода. Целью работы стал комплексный анализ взаимодействия модусов коммуникации, установление характерных моделей поведения, отражающих цели и задачи выступления политика. Материалом исследования послужили речи американского президента Ричарда Никсона. В ходе исследования были определены отличительные черты монологической речи Никсона в рамках мультимодального подхода.

Ключевые слова: мультимодальность, политический дискурс, речевые стратегии, невербальная коммуникация, просодия, жесты

Для цитирования: Чубукова Д. С. Вербальные, просодические и невербальные средства в монологическом дискурсе (на примере речей Ричарда Никсона) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3(858). С. 127–133. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_127

Original article

Verbal, Prosodic and Non-Verbal Means of Communication in Monologue (based on Richard Nixon's speeches)

Daria S. Chubukova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
chubukovad@mail.ru*

Abstract. The article presents the results of an experiment aimed at studying the correlation of gestures, prosodic and verbal means of communication of a politician in the framework of a multimodal approach. The aim of the research was a comprehensive analysis of the interaction of communication modes, the establishment of characteristic models of behavior reflecting the goals and objectives of the politician. The research materials include the speeches of former American President Richard Nixon. The findings demonstrate the distinctive features of Nixon's monologue within the framework of a multimodal approach.

Keywords: multimodality, political discourse, discourse strategies, nonverbal communication, prosody, gestures

For citation: Chubukova, D. S. (2022). Verbal, prosodic and non-verbal means of communication in monologue (on the example of Richard Nixon's speeches). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(858), 127–133. 10.52070/2542-2197_2022_3_858_127

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа представляет собой комплексное исследование феномена «мультиmodalность», выраженного в реализации вербального, невербального и просодического каналов передачи информации в процессе коммуникации, а также установление индивидуальных отличительных характеристик речи, которые создают вербально-невербальный портрет политического деятеля [Кириллова, 2008]. Другими словами, мы изучаем корреляцию жестовых манифестаций, просодических и вербальных средств в речи информанта, а также пытаемся выявить определенные модели поведения, отражающие цели и задачи выступления политика [Шейгал, 2000; Шейгал, 2004].

Проблема мультиmodalности является одной из ключевых в невербальной семиотике. В отечественной лингвистике данные явления рассматриваются в работах Ж. Б. Верениновой, О. К. Ирисхановой, А. А. Кибрика, Г. Е. Крейдлин, Е. С. Кубряковой, Е. С. Кудиновой, О. Л. Михалевой, Н. В. Суховой, Н. Б. Цибули, Е. И. Шейгал и др., а в зарубежной – в трудах Р. Бердвистела, А. Кендона, Г. Кресса, У. Фризена, Э. Холла, А. Ченки, П. Экмана и др.

В рамках данного исследования используется классификация жестов, разработанная П. Экманом и У. Фризенем [Ekman, Friesen, 1975], так как она представляется наиболее полной и точной. Они выделяют пять типов жестов: жесты-эмблемы, жесты-иллюстраторы, жесты-манипуляторы, жесты-регуляторы и жесты-аффективы.

Для анализа вербальной составляющей сообщения мы используем классификацию прагматических стратегий в политическом дискурсе О. Л. Михалевой: стратегия на понижение, стратегия на повышение, стратегия театральности.

МЕТОДОЛОГИЯ

Основная цель данного исследования – комплексный анализ взаимодействия вербального, невербального и просодического модусов в речи политического деятеля в рамках мультиmodalного

подхода [Кудинова, 2016], определение вербально-невербального портрета политика, идентификация отличительных черт монологической речи президента.

С этой целью был проведен перцептивно-аудитивный, электроакустический анализ речи, аудиовизуальный и лингвостилистический виды анализа устного монологического дискурса.

Полиmodalное исследование взаимосвязи вербальных, просодических и кинесических элементов коммуникации было произведено с помощью программы для аннотации видеофрагментов Elan (EUDICO Linguistic Annotator) и программы для фонетического анализа речи Praat [Кудинова, 2020].

Широкий корпус исследования составил 1 час и 21 минуту (4860 секунд).

Экспериментальный материал проведенного исследования представляет собой речи американского президента Ричарда Никсона: речь Р. Никсона 3 ноября 1969 года («Доктрина Никсона»)¹, обращение о положении страны от 30 января 1974 года².

Для анализа мультиmodalности были отобраны наиболее репрезентативные примеры. Общее количество жестов, отмеченное в речах президента, составило 107 реализаций.

Все жесты были сгруппированы по выполняемым функциям, согласно классификации П. Экмана и У. Фризена. При этом разносторонний подход к интерпретации жестов позволяет выявить скрытый посыл спикера, определить не только значение жеста, но и эмоциональное состояние самого говорящего.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

На *первом этапе* эксперимента был проведен анализ невербального канала передачи информации в процессе коммуникации. В частности, был произведен визуальный анализ используемых

¹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RPp0Bu2LNC0>

² URL: https://www.youtube.com/watch?v=ho_mJwKJkRw&t=389s

Таблица 1

ЧАСТОТНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИЛЛЮСТРАТОРОВ, РЕГУЛЯТОРОВ, АФФЕКТИВОВ И МАНИПУЛЯТОРОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИНФОРМАНТАМИ, В %

Речь	Иллюстраторы	Регуляторы	Аффективы	Манипуляторы
30 января 1974 г.	47	1,96	24 = 47	3,92
3 ноября 1969 г.	5,36	0	49 = 87,5	7,14

кинесических средств, а также установлена и их частотность в речи информанта. В совокупности в поведении информанта при произнесении речи 1974 г. была выявлена 51 реализация жестов, в речи 1969 г. – 56 реализаций невербального поведения (см. табл. 1).

Процентное соотношение жестов в речи 1974 года следующее: 47 % жесты-иллюстраторы; 47 % жесты-аффективы; общее количество встретившихся жестов-регуляторов и жестов-манипуляторов составляет около 5 %. В речи 1969 года абсолютное большинство жестов относится к категории «жесты-аффективы» (87 %). Жесты-иллюстраторы составляют лишь 6 % от общего числа замеченных жестов, а жесты-манипуляторы – 7 %. Исходя из данных, приведенных в таблице, можно сделать вывод о том, что наиболее часто встречающимися жестами в речи политика являются жесты-иллюстраторы и жесты-аффективы. Подавляющее большинство именно этих типов жестов указывает на эмоциональность и экспрессивность информанта.

Однако выявленные различия связаны с коммуникативной ситуацией, в которой находится информант, а также с ограничениями, вызванными спецификой монтажа и масштабированием при съемке. В речи от 3 ноября 1969 года предпочтение отдавалось съемке президента крупным планом, что в свою очередь позволило детально проанализировать изменения выражения лица. В речи от 30 января 1974 года большинство кадров позволяют увидеть положение рук информанта, отметить мануальные жесты и движения корпусом.

Второй этап исследования представлен акустическим анализом репрезентативных фраз, проведенным при помощи программы PRAAT.

Согласно результатам исследования, средние показатели ЧОТ в речи информанта составляют 154 Гц, а ИЗС – 78 дБ, при этом средние показатели ЧОТ в эмоционально окрашенных синтагмах могут достигать 412 Гц.

Характерной чертой выступлений президента является крайняя эмоциональность, даже учитывая тот факт, что речь была заранее подготовлена.

Так, например, доминирующим жестом-аффективом в обеих речах президента является жест «облизывание губ», что свидетельствует о дискомфорте, волнении говорящего, обдумывании им передаваемого сообщения. Основное значение данного жеста – снятие эмоционального напряжения. На протяжении всей речи информант периодически произвольно облизывает губы после наиболее значимых высказываний.

Одним из случаев проявления мультимодальности в речи политика является следующий пример:

I can report to you today that as a result of revenue sharing passed by the Congress, and other measures, we have made progress toward that goal.

Во фразе *I can report to you today* у информанта зафиксировано небольшое повышение средних значений ЧОТ (163 Гц) при средних показателях речи 154 Гц (ЧОТ) и 76 дБ (ИЗС). Повышение тона воспринимается слушающими как смысловое ударение на наиболее важную информацию, следующую за паузой. Одновременно с этим отмечается нисходящая интонация, размеренная, даже монотонная речь. После фразы *I can report to you today* спикер реализует жест-аффектив «облизывание губ», на какое-то время прерывая фразу, чтобы собраться с мыслями.

Необходимо уточнить, что на вербальном уровне спикер использует стратегию на повышение, тактику презентации, стараясь представить информацию в наиболее привлекательном свете, в частности, проинформировать граждан о наиболее значимых событиях социальной, экономической и политической жизни страны.

In all of the 186 State of the Union messages delivered from this place, in our history this is the first in which the one priority, *the first priority*, is energy.

Следующий пример взаимодействия вербального и невербального компонентов в процессе коммуникации демонстрирует еще один характерный признак речи информанта. Никсон использует жест-иллюстратор, подкрепляющий такт речи и выделяющий наиболее значимую информацию. Так у информанта кончики указательного и большого пальцев сходятся вместе ладонью вниз, образуя жест «щепотка». Жест используется оратором, чтобы высказать свою точку зрения, доступным образом объяснить самое важное. Употребление данного мануального жеста описывает говорящего как целеустремленного и сосредоточенного спикера.

Повышение тона (средние значения ЧОТ составили 181 Гц) на просодическом уровне на слове *first* непременно заостряет внимание слушателя на высказанной проблеме, выдвигая на первый план проблему потребления и производства энергии.

На вербальном уровне отмечается использование стратегии театральности, тактики предупреждения. Несмотря на то, что решить все проблемы, связанные с дефицитом электрической энергии, в ближайшем будущем не представляется возможным, президент отмечает важность программы энергосбережения, которая станет решающим шагом к преодолению энергетического кризиса в стране.

But during the same 5 years, private enterprise will be investing as much as \$200 billion-and in 10 years, \$500 billion – **to develop the new resources, the new technology, the new capacity** America will require for its energy needs in the 1980's.

Еще одним примером проявления мультимодальности в речи политика служит фраза, произнесенная ровным тоном (*to develop the new resources, the new technology, the new capacity*), с повышением средних показателей ЧОТ на повторяющемся слове *new* (163 Гц, 147 Гц, 164 Гц соответственно). При этом речь сопровождается жестовыми манифестациями на невербальном уровне.

Вокальный модус проявляется с помощью вербального и просодического каналов. На вербальном уровне отмечается желание говорящего указать наиболее значимые для граждан направления развития страны, наметить цели и задачи на будущее.

Данная фраза является проявлением стратегии на повышение, тактики презентации. Спикер, с одной стороны, стараясь быть объективным, приводит фактическую информацию, формирует образ будущего, описывает вызовы, с которыми придется столкнуться государству и правительству. С другой стороны, нельзя не отметить, что информант, перечисляя все необходимые достижения, действительно считает, что страна способна достичь всего в кратчайшие сроки.

Нисходящий тон сопровождается жестом рукой – спикер как будто дробит предложение на синтагмы, выделяя каждый новый, несомненно важный факт.

That is **just a measure** of the magnitude of the project we are undertaking.

В примере выше мы можем наблюдать еще одно проявление мультимодальности в речи политического деятеля. Взаимосвязь вербального и кинесического модусов вполне очевидна – информант говорит, что перечисленные ранее задачи являются лишь незначительной частью целей, намеченных в программе энергосбережения. Одновременно спикер использует мануальный жест (указывает на масштабность вопроса), чтобы проиллюстрировать свое высказывание. Используемый жест-иллюстратор показывает меру и объем обсуждаемого явления.

Восходящий средний тон (Mid-Rise) в незаконченной фразе *That is just a measure* звучит нефинанально, еще раз подчеркивая масштабность вопроса и неограниченность возможных задач.

And I look forward to working with the Congress, with members of both parties **in resolving whatever**

remaining differences we have in this legislation so that we can make available nearly \$5 1/2 billion to our States and localities to use not for what a Federal bureaucrat may want, but for what their own people in those communities want.

Следующий пример проявления мультимодальности выражается фразой *whatever remaining differences* и одновременным мануальным жестом в сторону. Такой жест в сочетании со словом *whatever* указывает на неопределенность разногласий, отсутствие конкретики и уверенности в сущности предполагаемых столкновений взглядов и при этом подчеркивает решимость информанта справиться со всевозможными трудностями, какими бы непреодолимыми они ни казались.

Необходимо вместе с тем отметить, что на вербальном уровне информант применяет стратегию театральности, тактику обещания. Указывая на свою готовность к сотрудничеству с целью преодоления недопонимания, президент обязуется решить все спорные вопросы, которые могут возникнуть при взаимодействии с Конгрессом.

На просодическом уровне отмечается ровный тон без изменений средних показателей ЧОТ (158 Гц) и ИЗС (78 дБ), что говорит о недосказанности и незаконченности мысли.

It can truly be said that only in America could a task so tremendous be achieved so quickly, and achieved not by regimentation, but **through the effort and ingenuity of a free people, working in a free system.**

В следующем примере Никсон употребляет жест-иллюстратор – настойчиво опускает сжатую в кулак руку несколько раз на стол. Жест «кулак» показывает настойчивость говорящего, заверяет слушателя в честности высказывания, а также придает эмоциональную окраску заявлению – слова президента не подлежат сомнению и критике. Показательным является повторение слова *free* в одном предложении *free people, free system*, что еще раз подчеркивает важность свободы выбора, в том числе и дальнейших действий, для американского народа. Взаимодействие жестовых манифестаций и вербального сообщения помогает спикеру отстаивать свою точку зрения, убедить слушателей в правильности мышления.

Повышение тона (средние значения ЧОТ составили 200 Гц) на просодическом уровне на слове *free* непременно заостряет внимание слушателя на отличительной особенности американского народа – на их свободе и праве выбора, тем самым положительно характеризуя граждан, что подтверждается использованием стратегии на

повышение, тактики презентации на вербальном уровне.

Следующим примером мультимодальности является фраза:

One goal on which all Americans agree is that our **children should have the very best education** this great Nation can provide.

Смысл высказывания состоит в том, что целью правительства является обеспечение всех граждан возможностью давать самое лучшее образование своим детям.

На невербальном уровне следует отметить реализацию жеста-аффектива «ухмылка». Интерпретировав данный жест как проявление полной уверенности в превосходстве американского образования и социальной политики страны в целом, мы понимаем, что информант описывает наиболее благоприятный сценарий дальнейших действий – продолжение развития системы образования США в назначенном направлении.

На просодическом уровне анализ взаимосвязи интонации, изменений просодических показателей и употребления жестов показал, что у информанта замечается незначительное повышение средних значений ЧОТ (158 Гц) и ИЗС (80 дБ) при реализации нисходящего тона. Акцентуация внимания происходит посредством интонационного выделения ключевого элемента – в данном случае это «дети», будущее страны.

В указанной фразе информант использует стратегию на повышение, а именно тактику презентации. Говоря, что задачей правительства является улучшение образования в стране, Никсон указывает на неявные положительные черты обсуждаемого объекта – высокий уровень современной системы образования.

In the written message that I have just delivered to the Speaker and to the President of the Senate, I commented that one of the continuing challenges facing us in the

legislative process is that of the timing and pacing of our initiatives, selecting each year among many worthy projects those that are ripe for action at that time.

В данном примере мультимодальность реализуется на двух уровнях: посредством вербального и невербального модусов.

На лексическом уровне используется стратегия на повышение, с применением тактики презентации. Информант подчеркивает своевременность принятия определенных мер в социальной, экономической и международной политике страны, тем самым указывая на положительные черты администрации президента.

Одновременно с сообщением на вербальном уровне происходит реализация жеста-аффектива на невербальном уровне. Информант сначала складывает руки в замок (см. рис. 1), затем потирает ими несколько раз, что сигнализирует о нервном внутреннем состоянии говорящего.

Нисходяще-восходящий тон части предложения (*In the written message that I have just delivered to the Speaker and to the President of the Senate*) придает речи эмоциональность, но при этом утверждение звучит некатегорично, незаконченно. А интонационное ударение и повышение средних показателей ЧОТ (163 Гц) и ИЗС (79 дБ) акцентируют внимание слушателя на наиболее важной информации – своевременность принятых мер.

They provide an **opportunity we may never have again** to create a structure of peace solid enough to last a lifetime and more, not just peace in our time but peace in our children's time as well.

Похожим примером проявления мультимодальности является фраза, произнесенная нисходящим тоном, которой сопутствует жест-иллюстратор. Спикер сжимает руку в кулак и на протяжении продолжительного времени держит ее перед собой, после чего наконец расслабляет ладонь.

Рис. 1. Жест-аффектив «руки в замок»

Проявление такого жеста обусловлено смысловой нагрузкой сообщения – наступает переломный момент в истории страны, возможность, которую ни в коем случае нельзя упустить. Именно поэтому информант сжимает руку в кулак, как будто бы хватаясь за предоставленную возможность, готовый к решительным действиям.

На вербальном уровне можно отметить использование стратегии театральности, тактики прогнозирования. Спикер предполагает, что вряд ли похожая возможность появится в ближайшем будущем еще раз, поэтому так важно не упустить шанс наладить дружественные отношения между США и Вьетнамом. Президент также отмечает, насколько важно принять обдуманное решение именно сейчас, ведь вывод войск должен привести к миру не только в краткосрочной, но и в долгосрочной перспективе.

Интонационно информант выделяет слово «never», отмечается повышение средних показателей ЧОТ (176 Гц) и ИЗС (80 дБ).

And as I have already indicated, the year 1974 presents **very great and serious problems**, as very great and serious opportunities are also presented.

Синтагма *the year 1974 presents very great and serious problems* выражена тоном низкого падения с интонационным ударением и небольшим повышением средних показателей ЧОТ (138 Гц) и ИЗС (78 дБ) на слове *very* относительно показателей в предложении.

Данная фраза сопровождается жестом-аффективом – поднятыми бровями. Невербальное поведение помогает нам установить, какие эмоции информант испытывает в момент речи. Вскидывание бровей является сигналом не только удивления, но и желанием говорящего привлечь внимание к объекту обсуждения. Для президента обсуждаемая проблема представляется важной для упоминания, и, соответственно, он акцентирует внимание с помощью мимики.

Стоит отметить, что на вербальном уровне спикер использует стратегию на понижение, тактику анализ – «минус». Никсон предоставляет слушателям анализ ситуации и фактов с ярко выраженной негативной оценкой.

Наиболее характерным признаком речи информанта, который выдает волнение президента, является жест-аффектив – довольно частое облизывание губ. Непроизвольный жест часто вызван пересыханием губ по причине переживания и тревоги. Учитывая частотность реализации данного жеста, можно сделать вывод, что несмотря на ровный нисходящий тон, категоричность

высказываний, в речи президента отмечаются волнение и беспокойство.

Выводы

В целом данное исследование выявило некоторые особенности корреляции вербальных и невербальных средств передачи информации в устном монологическом политическом дискурсе, что позволяет определить вербально-невербальные модели поведения спикера. Нам представляется важным расширить корпус исследования для дальнейшего установления изменений моделей взаимосвязи вербального, невербального и просодического каналов передачи информации на разных временных срезах.

В результате проведенного экспериментального исследования были сделаны следующие выводы:

1. Характерной чертой реализации нисходящего тона у информанта стало повышение средних показателей ЧОТ и ИЗС. Интонационное ударение акцентирует внимание адресата на ключевых для понимания смысла и отношения говорящего к теме разговора фразах.
2. В речи информанта доминируют жесты-иллюстраторы и жесты-аффективы, что характеризует речь как эмоциональную и экспрессивную.
3. Модель «нисходящий тон, сопровождающийся мануальными или мимическими жестами», несет наибольшую информативную и эмоциональную нагрузку. Наиболее частотные проявления жестов встречаются на ключевых фразах, несущих значимую информацию, отражающих внутреннее состояние информанта.
4. Модель «ровный нисходящий тон, сопровождающийся мануальными жестами», встречается в середине высказывания. Модель используется для маркирования новой, важной информации, перечисления фактов. Такая модель характеризуется незаконченностью мысли и служит переходным моментом к следующему аргументу.
5. На перцептивном уровне темп речи информанта воспринимается как размеренный, достаточно медленный, а голос – низкий, без резких изменений в громкости.

Таким образом, мы определили вербально-невербальный портрет политика, установили отличительные черты монологической речи Никсона в рамках мультимодального подхода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кириллова О. В. Вербально-невербальный «портрет» в гендерном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2008.
2. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.
3. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса. М. Гнозис, 2004.
4. Ekman P., Friesen W.V. Unmasking the face: a guide to recognizing emotions from facial clues. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1975.
5. Михалева О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009.
6. Кудинова Е. С. Просодические и невербальные характеристики речи в синхронии и диахронии (на материале британских художественных фильмов): дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.
7. Кудинова Е. С. Современные методы исследования речежестового взаимодействия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 1(830). С. 122–133.

REFERENCES

1. Kirillova, O. V. (2008). Verbal'no-everbal'nyj "portret" v gendernom aspekte = Verbal and Non-Verbal "portrait" in Gender Aspect: PhD in Philology. Tambov. (In Russ.)
2. Shejgal, E. I. (2000). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of Political Discourse: PhD in Philology. Volgograd. (In Russ.)
3. Spejgal, E. I. (2004). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of Political Discourse. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
4. Ekman, P., Friesen, W.V. (1975). Unmasking the face: a guide to recognizing emotions from facial clues. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall.
5. Mihaleva, O. L. (2009). Politicheskij diskurs. Specifika manipulyativnogo vozdejstviya = Political Discourse. Specific of Manipulation. Moscow: Librokom. (In Russ.)
6. Kudinova, E. S. (2016) Prosodicheskie i neverbal'nye harakteristiki rechi v sinhronii i diahronii (na materiale britanskih hudozhestvennyh fil'mov) = Prosodic and Non-Verbal Characteristics of Speech from Synchronic and Diachronic Angles (Based on British Movies): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
7. Kudinova, E. S. (2020). Multimodal analysis tools of gesture-speech interaction. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(830), 122–133. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чубукова Дарья Сергеевна

преподаватель кафедры второго иностранного языка, аспирант кафедры фонетики английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chubukova Daria Sergeevna

Lecturer at the Department of the Second Foreign Language, PhD student of the Department of English Phonetics, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.02.2022
одобрена после рецензирования 01.03.2022
принята к публикации 09.03.2022

The article was submitted 04.02.2022
approved after reviewing 01.03.2022
accepted for publication 09.03.2022

Научная статья
УДК 81
DOI 10.52070/2542-2197_2022_3_858_134

Эквивалентность во фразеологии: функциональный аспект

С. М. Юсупова

Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова, Грозный, Россия
seda_linguist@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается категория эквивалентности во фразеологии на уровне словаря и контекстов употребления, проводится корпусный, сопоставительный анализ английских и русских идиом, выявляются функциональные соответствия, особенности перевода и употребления идиом в контекстах. Результаты исследования показывают, что культурно специфичные и образные идиомы переводятся нефразеологическими средствами, а корпусный анализ – что появление новых и дополнительных значений, не зафиксированных в словаре, затрудняет перевод идиом. Существуют значимые различия между языковой и контекстной эквивалентностью, которую необходимо учитывать при переводе идиом.

Ключевые слова: идиомы, эквивалентность, функциональные соответствия, контексты, образность

Для цитирования: Юсупова С. М. Эквивалентность фразеологии: функциональный аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 3 (858). С. 134–141. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_134

Original article

Equivalence in Phraseology: Functional Aspect

Seda M. Yusupova

Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia
seda_linguist@mail.ru

Abstract. The article considers the equivalence category in phraseology at the level of dictionary and usage contexts, performs a corpus, comparative analysis of English and Russian idioms, reveals the functional correspondences and peculiarities of translation and use of idioms in contexts. The results of the study show that culturally specific idioms are translated by non-phraseological means, and corpus analysis - that the appearance of new and additional meanings not recorded in the dictionary make translation of the idioms difficult. There are significant differences between linguistic and contextual equivalence, which must be taken into account when translating idioms.

Keywords: idioms, equivalence, functional correspondences, contexts, figurativeness

For citation: Yusupova, S. M. (2022). Equivalence in phraseology: functional aspect. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(858), 134–141. 10.52070/2542-2197_2022_3_858_134

ВВЕДЕНИЕ

В современных исследованиях фразеологии актуальной остается тема определения понятия «эквивалентность» и подбора функциональных соответствий во фразеологии разных языков. Термин «эквивалентность» используется разными авторами по-разному в зависимости от того, что считать эквивалентным и какие уровни эквивалентности выделяются. Так, традиционно языковые выражения делят на полные эквиваленты, совпадающие во всех значениях или же имеющие одно общее значение в сравниваемых языках, и частичные, имеющие формальные и смысловые расхождения. Также выделяются контекстуальные соответствия, возникающие в результате всех видов переводческих трансформаций [Гарбовский, 2007].

Понятие «эквивалентность» относительно и не может быть одинаковым на разных языковых уровнях, эквивалентность на уровне знаков не подразумевает эквивалентности текстов, и эквивалентность текстов не предполагает эквивалентности всех его сегментов. Отношения означающего и означаемого в языковых знаках являются одним из наиболее существенных аспектов в процессе перевода, так как важнейшей функцией текста считается денотативная функция отражения внеязыковой действительности [Швейцер, 2009].

При переводе идиом особое значение имеет подбор функциональных эквивалентов, так как идиомы характеризуются сложной семантической структурой. Семантика идиом включает несколько компонентов: концептуальный, образный, актуальное значение. Корпусный метод выступает одним из наиболее объективных и значимых для выявления функциональных эквивалентов во фразеологии. На материале большого объема текстов можно наблюдать семантику той или иной идиомы и варианты ее перевода на другой язык. В рамках функциональной эквивалентности единица языка L1 равноценна в переводном тексте единице языка L2. Подбор эквивалентов не может ограничиваться лишь словарными, системными соответствиями, а должен учитывать весь квазисинонимический ряд [Карпов, Добровольский, Нуриев, 2019]. Контекст играет важную роль для определения значения идиом. Большинство экспериментов также доказало, что значение идиом распознавалось быстрее и лучше в контексте [Cain, Towse, Knight, 2009]. Единым является мнение ученых, которые используют корпуса, что при анализе языка необходимо опираться на реальные данные, примеры речи или письма, а не на искусственно созданные примеры [Meyer, 2004].

Выбор эквивалента в переводе зависит от ряда факторов, таких как: структура и особенности языка, стиль текста, контекст, частотность употребления. Так, для грамматического строя немецкого языка характерно образование синонимических рядов. В связи с этим, независимо от наличия в немецком языке подходящего по разным параметрам эквивалента, переводчик может подобрать наиболее удачное выражение синонимического ряда в той или иной контекстной ситуации [Брежнева, 2017].

Традиционно выделяют четыре типа межъязыковой эквивалентности во фразеологии: полные, частичные (при различии структуры, образов, компонентов), фразеологические аналоги (различные по внутренней форме, но близкие по значению), безэквивалентные фразеологизмы. В широком смысле во фразеологии отмечается эквивалентность в переводе и системе языка. Однако, исследования различных языков показали, что подлинной эквивалентности идиом практически не существует. Соответствие устойчивых выражений эквивалентным распознается по таким параметрам, как семантика, синтактика и прагматика. Различия актуальных значений идиом могут иметь разную основу. Сопоставляемые идиомы могут оказаться «ложными друзьями переводчика», «межъязыковыми квазисинонимами», то есть, близкими по значению идиомами, а также возможна «асимметричная полисемия» [Добровольский, 2011, с. 219–246].

Национальная специфика идиом может проявляться в зависимости от уровня их образности, а основными аспектами ее проявления выступают денотативный, коннотативный и функциональный. Межъязыковые фразеологические соответствия представляют собой единицы языка, которые считаются соответствиями независимо от регулярности их употребления при переводе. Семантическое описание межъязыковых соответствий раскрывает разную степень семантической близости. Фразеологизмы делятся на: а) фразеологические эквиваленты, максимально сходные по доминантным и периферийным компонентам значения и способные обеспечить адекватный перевод во всех контекстах; б) переводные фразеологические соответствия, используемые для перевода только в некоторых контекстах [Зимина, 2007].

Корпусный анализ представляет собой наиболее эффективный метод исследования фразеологизмов, их семантических и синтаксических особенностей. Исследование контекстов выявляет семантические изменения, которые происходят с идиомами, расширение или сужение словарного значения, появление новых значений, не

зафиксированных в словаре, что может приводить к ошибкам при переводе [Пивоварова, 2020]. Будучи наиболее живой частью словарного состава языка, национально и стилистически окрашенной, фразеология представляет сложность для подбора соответствий в сопоставляемых языках. В контекстах идиомы обретают особое экспрессивное значение, а словарь не может предусмотреть все возможные значения идиомы [Рецкер, 2007].

В качестве факторов различий семантически и формально сходных идиом выделяются: неполное совпадение семантики, степень стертости метафоры, сочетаемостные особенности, ограничения на образование грамматических форм, частота употребления идиомы. Различия идиом, восходящих к одному источнику, могут быть на уровне отдельных семантических признаков, узуса, контекста и т. д. [Добровольский, 2020].

Полная эквивалентность (лексическая, грамматическая, прагматическая, дискурсивная и культурная) – редкое явление. В двуязычных словарях приводятся несколько эквивалентов, в очень редких случаях может быть приведен фразовый глагол, что подтверждает тот факт, что мышление ориентировано в сторону структуры, а не семантики. В двуязычных параллельных словарях предпочтение отдается неидиоматическим решениям (*to put oneself in(to) sb's hands / sich jdm anvertrauen*) [Veisbergs, 2019].

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель данной статьи – изучить межъязыковую эквивалентность во фразеологии на примере английского и русского языков, выявить функциональные соответствия идиом, описывающих различные аспекты поведения человека с помощью корпусного и сопоставительного анализа.

Материалом исследования послужили английские и русские идиомы, а также контексты употребления идиом из Британского национального корпуса, Корпуса современного американского языка, Национального корпуса русского языка, Параллельного корпуса.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрим английские и русские идиомы, относящиеся к безэквивалентным и квазиэквивалентным, и влияние контекстов на выбор функционального соответствия.

A bad / rotten apple (букв. 'плохое / гнилое яблоко') – «один плохой человек, который оказывает

негативное влияние на остальных в группе», идиома встретилась в 64 контекстах (рус. паршивая овца, гнилое яблоко).

Well, the first two years where I've been the chairman, we heard time and time again, people in the federal government saying, we can ever fire somebody if we do have *a bad apple*. Most government workers, they are actually good, decent, patriotic people (BNC, 2017)¹. – «Первые два года, когда я был председателем, мы слышали снова и снова, как люди в федеральном правительстве говорили, что мы всегда можем уволить кого-то, если у нас есть *гнилое яблоко*. Большинство государственных работников на самом деле хорошие, порядочные люди, патриотично настроенные».

It's such *a bad apple* fluff comparison, it makes me want to bang my head against the wall (BNC, 2012)². – «Это такое *плохое сравнение*, оно заставляет меня биться головой о стену».

В контексте актуальное значение расходится со словарным значением из-за использования в качестве определения.

Don't be alarmed if *a bad apple* or two turns up within a group. Their influence is usually minimal if others in the crowd are good kids. If most members of a group seem risk-prone, talk over your reservations with your child (BNC, 2000)³. – «Не беспокойтесь, если в группе окажется *одно гнилое яблоко* или два. Их влияние обычно минимально, если другие дети в толпе хорошие. Если большинство членов группы кажутся подверженными риску, поговорите о своем беспокойстве с ребенком».

В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) был найден один пример с вариантом *rotten*, наблюдается языковая игра, использование идиомы в переносном и прямом значении, сравнение правительства с яблоком.

If my one hand could pull their Government down I would pluck it like *a rotten apple* (*Robert Louis Stevenson. Catriona, 1893*). – «Достать бы мне рукой до их правительства, я бы сбил его наземь, как *гнилое яблоко!*» (*Р. Л. Стивенсон. Катриона, пер. В. Хинкуса, Н. Трениной, 1967*)⁴.

¹ URL: <http://www.corpus.byu.edu/bnc/>

² Там же.

³ Там же.

⁴ URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Have a bee in your bonnet (неофиц., букв. 'иметь пчелу в шляпе') – «думать или говорить о чем-то все время и верить, что это очень важно», 4 контекста (рус. быть помешанным, навязчивая идея, идея-фикс). В приведенном контексте перевод расходится со словарной интерпретацией значения – *новость*.

You are the lady bounty hunter, I surmise. I hear you got a bee in your bonnet for us all (BNC, 2012)¹. Полагаю, вы – охотница за головами. Я слышал, у вас есть *новость* для нас всех.

Split hairs (неодобр., букв. 'разделять волосы') – «уделять слишком много внимания в споре различиям, которые малы и не важны», 129 контекстов (рус. спорить по мелочам, придираться к мелочам).

But as a judge, he does to parse language. He does have to *split hairs*. He has to determine whether someone is telling the truth and the whole truth (BNC, 2018)². – «Но как судья он разбирает язык. Он должен *быть внимательным*. Он должен определить, говорит ли кто-то правду, всю правду. В данном контексте актуальное значение расходится со словарным толкованием, и предпочтение отдается контекстуальному нефразеологическому переводу».

I prefer to think of myself as an android, but I won't *split hairs* since I don't have any (BNC, 2018)³. – «Я предпочитаю думать о себе как об андроиде, но я не буду *перебирать волосы*, так как у меня их нет».

В данном случае наблюдается языковая игра, использование прямого значения идиомы, что, соответственно, влияет на перевод идиомы.

В следующих контекстах мы видим соответствия со словарным определением, структурно идиома сочетается с предлогами *over*, *with* в отрицательной форме.

So, if we understand what somebody says then why should we *split hairs over a word* that few people use properly anyway? (BNC, 2012)⁴. – «Итак, если мы понимаем, что кто-то говорит, то почему мы должны *придираться к слову*, которое мало кто использует должным образом?»

And your attempt to *split hairs with* him over unemployment denies the reality right in front of us all. America is in very bad shape financially (BNC,

2012). – «И твоя попытка *спорить* с ним о безработице отрицает реальность происходящего прямо у нас на глазах. Америка в очень плохом финансовом состоянии».

"We have only just met!" Don't *split hairs*, Leah." And he set his eyes upon her once more, those intensely penetrating blue eyes (Miranda Lee. *Fugitive Bride*, 1998). – «А разве это не так? *Не придирайся к словам*, Лия! И он снова посмотрел на нее своими пронзительными глазами» (М Ли. *В любви все средства хороши*, пер. М. Авдокушиной, 2000).

Mission accomplished (букв. 'миссия завершена') – «используется, когда успешно завершили то, что должны были сделать», 936 контекстов (рус. миссия выполнена, миссия завершена). В переводе структура русского языка ставит ограничение на употребление глагольного компонента идиомы в форме причастия. Идиома употребляется как определение, а глагол заменяется на прилагательное.

Catching their attention is *mission accomplished*. At the end of the day, when you go home, you'd think about the tiring day that you had. Flashbacks of that multimillion deal you had with a business tycoon. That's self-fulfillment (BNC, 2012)⁵. – «Привлечь их внимание – это *выполненная миссия*. В конце дня, когда вы идете домой, вы подумаете об утомительном дне, который у вас был. Флэшбэки многомиллионной сделки с бизнес-магнатом. Это и есть самореализация».

The naked truth (букв. 'голая правда') – «правда, которая может быть неприятной», 135 контекстов (рус. голая правда, чистая правда, голая истина).

The bare *naked truth* is that tens of millions of mortgages were fake securitized. The cronies who fleeced Institutional Investors of \$13 trillion clouded title on all the mortgages they originated and purportedly sold on the secondary market (BNC, 2012)⁶. – «*Голая истина* заключается в том, что десятки миллионов ипотечных кредитов были поддельно застрахованными. Друзья, которые скрывали от институциональных инвесторов 13 триллионов долларов, замаскировали название по всем ипотечным кредитам, которые они создали и якобы продали на вторичном рынке».

¹ URL: <http://www.corpus.byu.edu/bnc/>

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ URL: <http://www.corpus.byu.edu/bnc/>

⁶ Там же.

I just so want to spread *the naked truth* in the whole world, so that the modern society could benefit from it as well... I just so want that there were no wars, no aggression, no injustice, no illnesses around us, but peace and harmony, and health and happiness in the whole world... It's in our hands... (BNC, 2012)¹. – «Я просто так хочу распространить *голую правду* во всем мире, чтобы современное общество могло извлечь из нее пользу... Я так хочу, чтобы не было ни войн, ни агрессии, ни несправедливости, ни болезней вокруг нас, только мир и согласие, здоровье и счастье везде... Это в наших руках...»

You could not be qualified to assess some key benefits of social networking like engagement as well as the developing individual commitment with your social network fans, yet *the naked truth* is could gauge simply how much targeted traffic social media marketing gives your website and how much of that in conversions consultoria redes sociales (BNC, 2012)². – «Вы можете не быть квалифицированным для оценки некоторых ключевых преимуществ социальных сетей, таких как вовлеченность, а также развитие индивидуальных обязательств с фанатами вашей социальной сети, но *голая правда* в том, что вы можете оценить просто, сколько целевого трафика социальный медиа маркетинг дает вашему веб-сайту и сколько из этого в консультации по социальным сетям».

В приведенных контекстах приемлем русский эквивалент на уровне словаря. Голая правда в контекстах ассоциируется с наведением порядка и достижением истины, правды.

“David,” says he at last, “I’ve lost it; there’s *the naked truth*” (R. L. Stevenson. *Kidnapped*, 1886). – «Дэвид, знай *правду*», – молвил он наконец. – «Деньги я проиграл» (Р. Л. Стивенсон. *Похищенный*, пер. М. Кан, 1967).

Наблюдается контекстуальный перевод, по структуре и форме отличается от оригинала, что обусловлено диалогической формой контекста и содержанием.

An open book (букв. ‘открытая книга’) – «человек, чье поведение, отношение, мысли и т. д. очень легко понять, потому что вы знаете его очень хорошо или потому, что он очень открыт и честен». В корпусе было найдено 410 контекстов (рус. открытая книга, на лбу написано). В контекстах открытость – раскрытие души, сокровенного, мыслей, способность установить контакт, получить информацию.

¹ URL: <http://www.corpus.byu.edu/bnc/>

² Там же.

I’m an open book. Impressive. It helps to make friends in Facilities. I was talking about your little unveiling back there. I ran a firm for years. I know my way around a microphone and some flash bulbs (BNC, 2019)³. – «Я *открытая книга*. Впечатляет. Это помогает подружиться в учреждениях. Я говорил о твоём маленьком открытии. Я управлял фирмой годами. Я знаю свой путь вокруг микрофона и несколько ламп-вспышек».

You’re not exactly *an open book* yourself. I don’t know who I am. You’re afraid to let people know who you are. There’s a difference. I’m just still trying to figure it out, that’s all (BNC, 2018)⁴. – «Ты сама не совсем *открытая книга*. Я не знаю, кто я. Ты боишься сообщить людям, кто ты. Есть разница. Я просто все еще пытаюсь разобраться, вот и все».

However, let them know that you’re happy to be *an open book* should the two of you continue to progress as happily as now (BNC, 2012)⁵. – «Однако дайте им знать, что вы рады быть *открытой книгой*, если вы двое продолжите прогрессировать так же счастливо, как сейчас».

In the words and voice, in the eyes, in the motions of the hands, he read the innermost mysteries of soul as plainly as the characters of *an open book* (A. Kuprin. *Sulamith*, transl. by B. G. Guerne, 1928). – «В словах и голосе, в глазах, в движениях рук так же ясно читал он самые сокровенные тайны душ, как буквы в *открытой книге*» (А. И. Куприн. *Суламифь*, 1870).

Mrs. Meade was looking down into her lap and she did not raise her head when her name was called, but the face of little Phil beside her was *an open book* that all might read (Margaret Mitchell. *Gone with the wind*, Part 1, 1936). – «Миссис Мид сидела, опустив голову, глядя на колени, и не шевельнулась, когда ее окликнули, но по лицу юного Фила, сидевшего рядом, все можно было прочесть, как *по открытой книге*» (М. Митчелл. *Унесенные ветром*, ч. 1, пер. Т. Озерской, 1982).

Law and order (букв. ‘закон и порядок’) – «ситуация, в которой большинство людей в стране уважают и слушают закон; общественный порядок», 1997 контекста (рус. закон и порядок). В контекстах полное соответствие по форме и значению.

Conservatives have long claimed to be the party of *law and order* – where are they (BNC, 2012)⁶. –

³ URL: <http://www.corpus.byu.edu/bnc/>

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

«Консерваторы давно претендуют на роль партии закона и порядка – там, где они есть».

What makes this particularly challenging is that the existence of finance and credit, of consumer society, and of government-imposed *law and order* has allowed society, in the sense of direct, mutual help and of freely accepting responsibility for each others' welfare, to atrophy (BNC, 2012)¹. – «Особенно трудным является то, что существование финансов и кредитов, потребительского общества и навязанного правительством закона и порядка позволило обществу, в контексте прямой взаимопомощи и свободного принятия ответственности за благосостояние друг друга, стать атрофированным».

They let poor people generate their wealth, supported by *law and order* (BNC, 2012)². – «Они позволяют бедным людям генерировать свое богатство при поддержке закона и порядка».

To do this, leaders must resolve the issue of immigration, overcome parliamentary deadlock, and restore *law and order* in cities (Paulina Neuding. *Sweden's Russia Problem. Project syndicate. 2018.06.12*). – «Для этого руководству страны надо решить проблему иммиграции и преодолеть тупиковую ситуацию в парламенте, восстановить закон и порядок в городах» (Проблема России в Швеции. *Inosmi.ru, 2018*).

Play by the rules (букв. 'играть по правилам') – «вести себя справедливо и честно с людьми», 681 контекст (рус. играть по правилам). Описывается сценарий игры по правилам для соблюдения порядка.

We'll open more markets to American agriculture, products, and services. And we will finally hold accountable any nation that doesn't *play by the rules*. I will stand up for the rights and interests of American workers and employers (BNC, 2012)³. – «Мы откроем больше рынков для американского сельского хозяйства, продуктов и услуг. И мы наконец будем привлекать к ответственности любую нацию, которая не

играет по правилам. Я буду отстаивать права и интересы американских рабочих и работодателей».

But then we have the people who *play by the rules*, and still cause harm. The global financial crisis was in essence caused by all of the major American banks going all-in on a bet, and losing (BNC, 2012)⁴. – «Но тогда у нас есть люди, которые *играют по правилам* и все равно причиняют вред. Мировой финансовый кризис был по сути вызван тем, что все крупные американские банки пошли ва-банк на ставку и проиграли».

I will however maintain the high ground and *play by the rules* and wait for the laws to change (BNC, 2012)⁵. – «Однако я буду поддерживать высокий уровень и *играть по правилам* и ждать, когда законы изменятся».

ВЫВОДЫ

Результаты исследования показывают, что культурно специфичные и образные идиомы часто переводятся нефразеологическими средствами. Корпусный анализ выявил, что появление новых и дополнительных значений, не зафиксированных в словаре, ориентирует на контекстуальный перевод. Существуют значимые различия между языковой и контекстной эквивалентностью, которую необходимо учитывать при переводе идиом. Сочетаемость особенности идиом влияют на выбор фразеологического соответствия и накладывают определенные ограничения при переводе. Идиомы с культурно специфичными образами *split hairs, have a bee in your bonnet* переводятся нефразеологическими средствами или в зависимости от контекста. Английские идиомы, которые совпадают по форме и значению (образная основа, лексический состав, актуальное значение) с русскими, тем не менее, в русских контекстах могут обнаруживать небольшие различия в значении, оттенках значений, называемые лингвоспецифическими различиями.

¹ URL: <http://www.corpus.byu.edu/bnc/>

² Там же.

³ Там же.

⁴ URL: <http://www.corpus.byu.edu/bnc/>

⁵ Там же.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Издательство Московского университета, 2007.
2. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: ЛИБРИКОМ, 2009.
3. Карпов В. И., Добровольский Д. О., Нуриев В. А. К вопросу о типах информации в двуязычном словаре // Вопросы лексикографии. 2019. № 16. С. 38–58.

4. Cain K., Towse A. S., Knight R. S. The development of idiom comprehension: An investigation of semantic and contextual processing skills // *Journal of Experimental Child Psychology*. 2009. Vol. 102. P. 280–298.
5. Meyer F. *English Corpus Linguistics*. Cambridge University Press, 2004.
6. Брежнева О. В. Проблемы перевода фразеологизмов, имеющих эквивалент в языке перевода: корпусное исследование // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2017. № 9 (75): в 2 ч. Ч. 1. С. 89–93.
7. Добровольский Д. О. Сопоставительная фразеология: межъязыковая эквивалентность и проблемы перевода идиом // *Русский язык в научном освещении*. 2011. № 2 (22). С. 219–246.
8. Зими́на Л. И. Национальная специфика фразеологической семантики (на материале фразеологизмов с наименованиями частей лица в немецком и русском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007.
9. Пивоварова Е. В. Корпусный анализ как инструмент для выявления семантических изменений у фразеологизмов – «ложных друзей» переводчика // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2020. Т. 13. Вып. 9. С. 312–320.
10. Рецкер Я. И. *Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода*. М.: Р.Валент, 2007.
11. Добровольский Д. О. Корпусный подход к исследованию фразеологии: новые результаты по данным параллельных корпусов // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2020. Вып. 17 (3). С. 398–411. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.303>
12. Veisbergs A. The fuzzy concept of idiom and what it might mean for bilingual dictionaries // *Baltic Journal of English Language, Literature and Culture*. 2019. Vol. 9. P. 111–129. DOI: <https://doi.org/10.22364/BJELLC.09.2019.08>

REFERENCES

1. Garbovskij, N. K. (2007). *Teorija perevoda = Theory of translation*. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)
2. Shvejcer, A. D. (2009). *Teorija perevoda: status, problemy, aspekty = Translation theory: status, problems, aspects*. Moscow: LIBROKOM. (In Russ.)
3. Karpov, V. I., Dobrovol'skij, D. O., Nuriev, V. A. (2019). K voprosu o tipah informacii v dvujazychnom slovare = To the question of types of information in a bilingual dictionary. *Voprosy leksikografii*, 16, 38–58. (In Russ.)
4. Cain, K., Towse, A. S., Knight, R. S. (2009). The development of idiom comprehension: An investigation of semantic and contextual processing skills. *Journal of Experimental Child Psychology*, 102, 280–298.
5. Meyer, F. *English corpus linguistics*. Cambridge University Press, 2004.
6. Brezhneva, O. V. (2017). Problemy perevoda frazeologizmov, imejushhih ekvivalent v jazyke perevoda: korpusnoe issledovanie = Problems of translation of idioms, having equivalent in a language of translation: corpus research. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 9(75)-1, 89–93. (In Russ.)
7. Dobrovol'skij, D. O. (2011). Sopostavitel'naja frazeologija: mezhjazykovaja ekvivalentnost' i problemy perevoda idiom = Comparative phraseology: interlanguage equivalence and problems of translation of idioms. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*, 2(22), 219–246. (In Russ.)
8. Zimina, L. I. (2007). Nacional'naja specifika frazeologicheskoj semantiki (na materiale frazeologizmov s naimenovanijami chastej lica v nemeckom i russkom jazykah) = National specificity of phraseological semantics (based on phraseologisms with the names of face parts in German and Russian): abstract of PhD in Philology. Voronezh. (In Russ.)
9. Pivovarova, E. V. (2020). Korpusnyj analiz kak instrument dlja vyjavlenija semanticheskikh izmenenij u frazeologizmov – “lozhnyh druzej” perevodchika = Corpus analysis as an instrument for revealing the semantic changes in phraseologisms – “false friends” of translator. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 13 (9), 312–320. Tambov: Gramota. (In Russ.)
10. Recker, J. I. (2007). *Teorija perevoda i perevodcheskaja praktika. Oчерки lingvisticheskoj teorii perevoda = Theory of translation and translation practice. Essays on linguistic theory of translation*. Moscow: R.Valent. (In Russ.)
11. Dobrovol'skij, D. O. (2020). Korpusnyj podhod k issledovaniju frazeologii: novye rezul'taty po dannym parallel'nyh korpusov = Corpus approach to the study of phraseology: new results on the data of parallel corpora. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura*, 17(3), 398–411. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.303> (In Russ.)
12. Veisbergs, A. (2019). The fuzzy concept of idiom and what it might mean for bilingual dictionaries. *Baltic Journal of English Language, Literature and Culture*, 9, 111–129. <https://doi.org/10.22364/BJELLC.09.2019.08>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юсупова Седа Мусаевна

кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков
Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yusupova Seda Musaevna

PhD (Philology), Associate Professor, Dean of the Faculty of Foreign Languages,
Kadyrov Chechen State University

Статья поступила в редакцию 04.02.2022
одобрена после рецензирования 01.03.2022
принята к публикации 09.03.2022

The article was submitted 04.02.2022
approved after reviewing 01.03.2022
accepted for publication 09.03.2022

Научная статья
УДК 82-1/-9
DOI 10.52070/2542-2197_2022_3_858_142

Антиутопия: эволюция жанра и его особенности

Д. С. Солобуто

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
diana-f@mail.ru

Аннотация. В статье представлен исторический обзор эволюции антиутопического жанра и взглядов на его место среди других жанровых форм. Актуальность проблемы определения границ антиутопического жанра обусловлена происхождением антиутопии, которая берет свое начало в утопических мотивах. Ввиду происхождения исследователи часто рассматривали антиутопию как подвид утопии, и лишь в начале 90-х годов XX века за ней начал закрепляться статус самостоятельного жанра. В ходе исследования, включающего анализ имеющихся данных по антиутопии и определение ее особенностей, делается вывод о том, что правомерно описать антиутопию как жанровый гибрид со специфическими характеристиками.

Ключевые слова: антиутопия, утопия, жанр, жанровые характеристики, антиутопический дискурс

Для цитирования: Солобуто Д. С. Антиутопия: эволюция и особенности жанра // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3 (858). С. 142–149. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_142

Original article

Dystopia: Evolution and Specific Features of the Genre

Diana S. Solobuto

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
diana-f@mail.ru

Abstract. The article gives a historical review of the dystopian genre evolution and features the development of views on the genre and its position among other literary forms. Defining the boundaries of dystopia still remains an important issue. It is explained by the origin of the genre, which is rooted in utopian motifs. Due to its origins scientists often describe dystopia in the terms of utopia, considering it to be a subtype of the latter. Only at the beginning of the 90s in the 20th century the dystopian genre starts gaining popularity as an independent object of research, as a separate genre. In the course of the research based on analysis of the existing data and on singling out the characteristics of dystopia the author comes to the conclusion that dystopia can be described as a hybrid genre possessing its own specific features.

Keywords: dystopia, utopia, genre, genre characteristics, dystopian discourse

For citation: Solobuto, D. S. (2022). Dystopia: evolution and its specific features. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(858), 142–149. 10.52070/2542-2197_2022_3_858_142

ВВЕДЕНИЕ

Утопические взгляды, породившие, в свою очередь, свою противоположность – *антиутопические* воззрения, сопровождали почти всю историю существования человечества. Традиции утопического мышления насчитывают почти три тысячелетия [Шишкина, 2009], и если рассматривать жанр антиутопии как одну из разновидностей утопического жанра, то можно сказать, что он уходит своими корнями в глубокую древность. С греческого слово «утопия» переводится как «место, которого нет». Некоторые исследователи высказывают точку зрения о том, что основу для утопии и утопического мировоззрения заложило мифологическое мышление [Шадурский, 2008], когда земное жизненное пространство интерпретировалось во взаимосвязи с огромной Вселенной.

У истоков утопической традиции стоял греческий философ Платон. В своем «Государстве» мыслитель изобразил тоталитарное милитаризованное общество с неограниченной верховной властью. Помимо Платона, особое значение для становления жанра имела философия киников, объединившая в себе утопические и антиутопические тенденции. Подобно философии киников, антиутопия также отталкивается от критики государственного строя, превращая государство в бездушную машину, игнорирующую всё духовное, индивидуальное и естественное, загоняющую персонажей антиутопических произведений в созданные обществом рамки.

Новый этап в развитии антиутопических тенденций ознаменовали произведения западной литературы, в частности, «Утопия» Томаса Мора и «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта. После выхода книги Томаса Мора понятие «утопии» получает терминологическое наполнение [Шишкина, 2009] благодаря детальному описанию сконструированного автором утопического мира. Эти литературным памятником Томас Мор закладывает предпосылки, на базе которых создается большинство произведений утопической направленности после него. Среди них можно выделить следующие [Шацкий, 1990]:

- человек по природе добр, причина его недостатков – неблагоприятные условия жизни;
- человек пластичен и легко меняется в изменившихся реалиях;
- не существует неустранимого противоречия между благом социума и благом индивида;
- в настоящей жизни нужно стремиться обеспечить человеку счастье на Земле;
- люди не могут пресытиться счастьем;

- возможно найти справедливых правителей или научить людей, избранных правителями, быть справедливыми;
- утопия не угрожает свободе индивида, поскольку именно в ее рамках реализуется истинная свобода.

Таким образом, утопия – это не просто жанр литературных произведений, призванный продемонстрировать лучшее, идеальное общество, а особый вид социального мышления, позволяющий представить и изобразить воплощение устойчивого социального идеала. Изначально утопия выступает в роли союзницы цивилизации, катализатора общественного развития, как бы подталкивая социальное мышление в верном, благоприятном для общества направлении. Поэтому много подобных произведений появляется в эпоху Просвещения. Яркий пример – «Путешествия Гулливера», где не только переплетаются утопические и антиутопические мотивы, но и утверждается пессимистический взгляд на общество и человека, критикуется прогресс. Это перекликается с одной из основных тем, которые впоследствии будут затрагиваться авторами литературы антиутопического жанра, где прогресс доведен до своей высшей точки, но общество при этом состоит из бездуховных, шаблонных индивидов, слепо выполняющих установленные государством правила.

Следующим шагом в эволюции утопии и антиутопии считается рубеж XIX–XX веков, когда в произведения с социально-общественной тематикой начинает добавляться элемент фантастики [Юрьева, 2005]. Это обусловлено стремительным развитием науки и техники в указанный период. По-новому проводятся границы утопии – «утопическими» теперь называют не фантазийные построения о мифических государствах, а сочинения, ограниченные социально-философским или социально-политическим содержанием [Шишкина, 2009]. Кроме того, утопические произведения начинают подразделять на научно-фантастические и социокультурные.

АНТИУТОПИЧЕСКИЙ РОМАН: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Начиная с XX века постепенно оформляется и переживает расцвет антиутопия. Термин «dystopians» – «антиутописты» – в противоположность «utopians» впервые озвучил в своей парламентской речи британский философ и политический деятель Джон Стюарт Милль в 1868 году [Robson, Kinzer, 1988]. С помощью этого неологизма он обозначил негативные моменты в развитии общества [Шишкина, 2009].

Родоначальником антиутопии, в том виде, в котором она знакома читателям и научному миру сейчас, стал Герберт Уэллс с научно-фантастическим романом «Машина времени», опубликованным в 1895 году. В произведении описано путешествие героя в будущее и новый мир, представший перед его глазами не в виде «золотого века», свободного от болезней, голода и страданий, а в виде настоящего ада на земле [Горохов, 2011].

Если говорить о термине «антиутопия» в значении особого литературного жанра, то это определение впервые было использовано в составленной Г. Негли и М. Патриком антологии «В поисках утопии». Общий термин, который применили и они, и их последователи для характеристики произведений социальной направленности, но не утопического плана, – «anti-utopia» [Negley, Patrick, 1952].

Становление жанра антиутопии тесно связано с исторической эволюцией утопии [Юрьева, 2005; Шишкина, 2009]. Отмечается, что периоды расцвета произведений антиутопического жанра являются следствием кризисных и критических моментов истории человечества, когда возможность воплотить в реальность утопические положительные идеалы ставится под сомнение. Среди ключевых событий, повлиявших на формирование жанра, можно назвать социалистическую революцию в России. Революционная борьба, изначально направленная на благие утопические цели, на построение «лучшего будущего», оказалась несостоятельной, поскольку привела к разрушению, террору и возникновению тоталитарного режима. Потеря ценностных ориентаций и разочарование от несбывшихся надежд дало почву для таких «образцовых» примеров антиутопий, как «Мы» Замятина и «Приглашение на казнь» Набокова [Ланин, 1993]. Вторым значимым событием стала Вторая мировая война. Ее масштабность и кровопролитность не могли не отразиться на мировоззрении и духовных ценностях современников. Война показала, что научно-технические открытия не только двигают цивилизацию вперед, но и способны приносить смерть и разрушения. Прогресс, отметивший предыдущее столетие, оказался противопоставлен идеалам нравственности. Отталкиваясь от анализа негативных сторон общественной жизни, авторы начали массово создавать антиутопические произведения. Эта взаимосвязь подчеркивает неотделимость художественных форм от форм человеческого мышления.

Таким образом, дискурс антиутопических произведений, под которым мы понимаем совокупность произведений антиутопического жанра и особое, созданное такими произведениями дискурсивное пространство, исторически тесно

связан с общественно-социальной проблематикой. Данная направленность позволяет выделить три основных тематических фокуса антиутопических произведений:

- 1) взаимодействие человека и враждебного ему общества, вопрос о том, сможет ли человек сохранить в себе человеческое, оставаясь частью такого общества, где целое гораздо важнее единичного;
- 2) человек и научно-технический прогресс, противостояние духовного, мыслящего, творческого начала и бездушного, механического мышления;
- 3) человек и государство, стремящееся превратить свободное разумное существо в винтик большого механизма.

Общественно-социальная тематика антиутопий обусловлена историческим развитием исследуемого жанра и его истоками, уходящими в утопические мотивы. Тесное переплетение утопических и антиутопических воззрений, с одной стороны, подготовило тематическую базу для оформления антиутопии как отдельного жанрового образования. Однако взаимосвязь утопии и антиутопии, от которой происходит последняя, представляет определенные трудности для исследователей. Вопрос о жанровых границах антиутопии до сих пор остается нерешенным.

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА АНТИУТОПИЙ С ПОЗИЦИЙ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

В подходах к анализу особенностей антиутопии существуют две господствующие точки зрения. Одни исследователи рассматривают антиутопию как разновидность утопии и описывают ее, соответственно, через утопию [Sargent, 1979; Латынина, 1992; Ланин, 1993; Воробьева, 2008; Безчотникова, 2008; Шишкина, 2009]; другие выделяют антиутопию в самостоятельный жанр, обладающий уникальными характеристиками [Любимова, 2002; Козьмина, 2005].

Как в зарубежной традиции, так и в отечественной господствует первая точка зрения. У западных исследователей слово анти-утопия зачастую пишется через дефис, а не слитно; она опровергает утопию ее же принципами, следовательно, является ее подвидом [Sargent, 1979]. В русскоязычной критике советского периода, где первые определения жанра появились лишь в 60-х годах XX века, зарубежная традиция трактовки антиутопии поддерживается; антиутопия рассматривается как пародия на утопию и утопическую идею, а также как одна из форм реакции против социалистической идеи. Антиутопии же, которые

описывали негативные тенденции развития капиталистических обществ, называли «социальной фантастикой». Лишь в начале 90-х годов XX века за антиутопией начала закрепляться идея самостоятельного, самобытного жанра, имеющего свои особенности.

В целом рассмотрение антиутопии в рамках утопии весьма продуктивно для выделения признаков и попыток создания классификации жанра. Антиутопия как бы наследует от утопии весь комплекс философских и этических проблем, опровергая ее; при этом обе являются прогностическими [Шишкина, 2009]. Вследствие этого многие современные литературоведы описывают антиутопию в терминах утопии, раскрывая ее особенности на базе противопоставления с последней.

Например, этот инструмент выделения жанровых характеристик антиутопии используют в своих исследованиях Ю. Л. Латынина, Б. А. Ланин и А. Н. Воробьева. Антиутопия соотносится с утопией не как рассмотрение двух различно устроенных миров (хорошего и плохого), а как динамическое описание мира, с одной стороны, и статичное повествование о мире, с другой [Латынина, 1992]. Всякий утопический текст можно опровергнуть антиутопией, однако, в то время как утопический мир характеризуется замкнутостью, статичностью, он неизменен и является «единственным истинным», антиутопия отрицает статичность и используется утопический фон для развития динамичного повествования. Рассматривать антиутопию в отрыве от утопии невозможно, поскольку их генетическое родство предполагает сравнение и отталкивание друг от друга, и всё, что есть в антиутопии статичного и описательного, берет истоки в утопии [Ланин, 1993].

Ю. А. Латынина вводит термин *антиутопический дискурс* как метод построения текста в жанре антиутопии, и выделяет следующие его особенности по сравнению с утопией:

- утверждение частичности, неполноценности, временности утопии;
- сюжетность;
- превращение истины из характеристики мироздания в характеристику главного героя, т. е. становление личности героя за счет безличной истины;
- ирония, которая обретает здесь несколько иной смысл – из способа описания, из приема она превращается в характеристику мироздания (то есть ирония на уровне глобальных идей, как «Министерство правды» у Дж. Оруэлла, которое постоянно лжет);
- отрицание единичности во имя множественности;

- подход к идее порядка:

- 1) в утопиях всякое нарушение порядка – это не отрицание самого порядка, а исключение из правила; правила фундаментальны, поэтому мир стабилен и устойчив;
- 2) в антиутопиях же доказывается, что достаточно наличия в утопии лишь одного объекта-исключения, который ведет себя не по правилам, и тотальный порядок может превратиться в хаос и привести к краху системы [Латынина, 1992].

Б. А. Ланин относит к наиболее важным характеристикам антиутопий следующие [Ланин 1993]:

- атмосфера страха;
- «амбивалентность» чувств, качеств и эмоций антиутопического социума, например, страх перед государством соседствует с благоговением перед властью и даже восхищением;
- ритуализация жизни как причина сюжетного конфликта: общество, реализовавшее утопию – это общество ритуала со своими установленными обычаями, традициями и нормами; в таком обществе хаотичное поведение невозможно, любые действия и реакции запрограммированы; личность отказывается от своей роли в ритуале, предпочитает свой собственный путь, и возникает конфликт, на базе которого строится сюжет;
- внутреннее эмоциональное напряжение главного героя, вступающего в противоречие с установленным общественным порядком, выпадающего из системы;
- аллегоричность;
- элементы научной фантастики; однако, научная фантастика ориентируется на поиск иных миров, моделирование иной реальности, иной действительности, в то время как антиутопия повествует о более реальных вещах, и ее мир более узнаваем и предсказуем; тем не менее, она использует фантастику как прием, расходясь с ней как жанр;
- ощущение «застывшего времени», на фоне которого разворачивается действие;
- ограниченность пространства действия; при этом «реальным» пространством ощущается пространство надличностное, государственное, принадлежащее не личности, а социуму;
- трагичность; лишь в некоторых антиутопиях в виде исключения герой выглядит действительным победителем, как правило, он проигрывает, но остается героем лишь потому, что вступил в схватку.

- антропоцентричность, то есть жанровая ориентированность на личность, ее переживания и воззрения.

А. Н. Воробьева в первую очередь выделяет ведущие признаки, общие для утопии и антиутопии [Воробьева, 2008]. Это:

- изображение коллектива, организации и общества как модели лучшего (утопия) или худшего (антиутопия) государственного строя;
- отказ от настоящего, выражающийся в переходе в другое время и пространство;
- особый реализм этих жанров; они ближе подходят и точнее отражают подлинность человека, чем любой другой; реальный

человек не думает и не действует как (анти) утопический герой, но мечтает и чувствует именно так;

- отображение общественных интересов, коллективных устремлений, действий во имя будущего счастья.

Затем исследователь приводит различия двух жанровых форм, которые можно представить в виде таблицы:

С. В. Безчотникова среди основных характеристик антиутопий отмечает следующие [Безчотникова, 2008]:

- герои изображены эскизно, они слабо индивидуализированы, не имеют портретов

Таблица 1

УТОПИЯ И АНТИУТОПИЯ: РАЗЛИЧИЯ ЖАНРОВЫХ ФОРМ

	Утопия	Антиутопия
Герой	Не знает сомнений, идеальный носитель авторской концепции, руководитель нового общества	Человек сомнения, вступающий в конфликт с государством
Сюжет	Идея – в демонстрации социального проекта, описании его реализации; фабула статична	Основан на истории жизни героя, динамичен
Личность	Стремится к слиянию с интересами общества, обретает общее счастье, которое становится личным счастьем	Стремится к отстаиванию личного счастья в драматических условиях противостояния обществу

Таблица 2

УТОПИЯ И АНТИУТОПИЯ: МАРКЕРЫ ЖАНРОВ

Утопия	Антиутопия
Внешние обстоятельства предсказуемы	Мифологизация образа правителя (власти)
Статична	Универсальный образ – тоталитарное государство, маскирующееся под демократию
Категорична, идеал неоспорим	Предостерегает против некой воплощенной идеи
Единственное событие – открываются врата «земного рая» и в него попадает человек извне	Ее герой – человек с рефлексирующим сознанием
Типичный сюжетный ход – диалог, где новичку объясняют картину нового мира	Наличествуют эсхатологические мотивы, обстоятельства жизни глобализуются, проявляется интерес к негативному варианту эволюции общества
Пренебрежение личностным фактором, невозможность дальнейшего роста героя	Конфликт личности и общества
	Тема отчуждения человека от природы и космического бытия
	Подмена индивидуального сознания массовым, умаление свободы личности
	Разделение природы и цивилизации

и биографий, их внутренний мир раскрывается не через психологические характеристики, а непосредственно в сюжете;

- децентрация дискурса, которая осуществляется посредством использования трагической иронии, фольклорных мотивов и образов, а также жанрово-стилистических канонов массовой литературы;
- полижанровый характер.

Несмотря на то, что рассмотрение антиутопии как подвида утопии получило более широкое распространение, не все исследователи согласны с таким подходом. Противоположная точка зрения основана на положении о том, что антиутопия не является «анти-жанром» [Любимова, 2002], поэтому трактовать антиутопию и утопию как парные системы ошибочно. Это – жанры, порожденные различными историческими обстоятельствами; их сюжеты близки лишь типологически своим интересом к общественной системе, но черты у них совершенно разные. В представленной ниже таблице 2 наглядно отражены маркеры двух жанров, которые не противопоставлены по принципу бинарности, а представляют собой аспекты разного рода.

Отдельного внимания заслуживает особый хронотоп антиутопии, под которым подразумевается художественное время и пространство [Бахтин, 1974]. В антиутопии он замкнут; время перестает двигаться, олицетворяя стабильность; место действия относится не к миру географии, а к художественному миру. Сюжет и глубинная идея антиутопии философичны и глубоко психологичны. Антиутопические произведения показывают процесс постепенного пробуждения личности героя в системе новых ценностных координат.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе развития жанра в антиутопии происходит смешение утопии и романа и, таким образом, можно описать антиутопию как жанровый гибрид [Козьмина, 2005]. Ввиду смешения обе составляющих деформируются, но в результате структура полученного гибрида значительно отличается, превращая его в независимое образование и заявляя право антиутопии на самостоятельное

существование. Новая структура характеризуется, в первую очередь, двойственностью в следующих аспектах:

1) двойственность героя: с одной стороны, наличествует объективное описание государственного устройства и ритуалов, принятых в обществе – с другой, описание субъективных мыслей, ощущений и сомнений героя;

2) двойственность пространственной структуры (статичное стабильное пространство общества с застывшим временем – динамичное пространство героя с его индивидуальной борьбой и развитием);

3) двойственность сюжета, его разделение на внешний план – связан с описанием общественного устройства и существующих в нем проблем, и внутренний план – связан конфликтом героя с самим собой;

4) двойственность в изображении границы между авторским миром и миром читателя – сочетание «зоны контакта», характерное для романа, и зоны «далевого образа», характерного для утопии; это означает, что предмет изображения – утопический, дистанцированный от читателя, замкнутый мир, удаленный и во временном и в ценностном отношении, но при этом данный мир является результатом экстраполяции неких знакомых читателю форм социального устройства, в нем содержатся прямые отсылки на реальную действительность, то есть он одновременно далек и нереален, но в то же время знаком (например, в произведении Е. И. Замятина «Мы» – пародия на проекты Пролеткульта, манифесты футуристов).

Суммировав вышеизложенный материал, можно сделать вывод о том, что литературоведческие исследования антиутопий касаются анализа композиционного построения, художественного хронотопа, тематики, личности героя-повествователя и сюжетных характеристик жанра. При этом большинство исследователей отталкиваются от утопии при выявлении особенностей антиутопических произведений и рассматривают антиутопию как разновидность утопии. Многие факты говорят в пользу антиутопии как самостоятельного литературного явления. Наличие уникальных характеристик позволяет рассматривать жанр антиутопии отдельно, как самостоятельную единицу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шишкина С. Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке. Иваново: Федеральное агентство по образованию, 2009. С. 9–20.
2. Шадурский М. А. Художественная модель мира в романах-утопиях С. Батлера и О. Хаксли: дис.... канд. филол. наук. Минск, 2008.

3. Шацкий Е. Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990.
4. Юрьева Л. М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2005.
5. Robson J. M., Kinzer B. L. *The Collected Works of John Stuart Mill, Volume XXVIII – Public and Parliamentary Speeches Part I November 1850 – November 1868*. Toronto: University of Toronto Press, 1988.
6. Горохов П. А. Философские идеи в фантастике Герберта Уэллса // Вестник ОГУ. 2011. № 7 (126). С. 24–31.
7. Negley G., Patrick J. M. *The Quest for Utopia: An Anthology of Imaginary Societies*. New York: McGrath Publishing Company, 1952.
8. Ланин Б. А. Русская литературная антиутопия XX в.: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 1993.
9. Sargent L. *British and American Utopian Literature, 1516–1978*. Boston: G.K. Hall., 1979.
10. Латынина Ю. Л. Литературные истоки антиутопического жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1992.
11. Воробьева А. Н. Личность и общество в новейших антиутопических сюжетах // Вуз культуры и искусств в образовательной системе региона: по материалам 5-й Всероссийской электронной научно-практической конференции. Самара, 2008. С. 249–253.
12. Безчотникова С. В. Русская литературная антиутопия, пределы XX–XXI веков: динамика развития, векторы модификаций, типология: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 2008.
13. Любимова А. Ф. Жанр антиутопии в XX веке. Содержательные и поэтологические аспекты. Пермь: Пермский государственный университет, 2002.
14. Бахтин М. М. Время и пространство в романе // Вопросы литературы. Москва, 1974. № 3. URL: <https://voplit.ru/article/vremya-i-prostranstvo-v-romane/>
15. Козьмина Е. Ю. Поэтика романа антиутопии на материале русской литературы XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

REFERENCES

1. Shishkina, S. G. (2009). *Istoki i transformacii žanra literaturnoj antiutopii v XX veke = Origins and transformations of dystopian genre in the 20th century*. Ivanovo: Federalnoe agentstvo po obrazovaniju. (In Russ.)
2. Shadurskij, M. A. (2008). *Hudojestvennaja model mira v romanah-utopijah S. Batleraj O. Haksli = The fictional model of the world in novels by S. Butler and A. Huxley: PhD in Philology*. Minsk. (In Russ.)
3. Shazkij, E. (1990). *Utopia i tradicia = Utopia and tradition*. Moscow: Progress. (In Russ.)
4. Jurieva, L. M. (2005). *Russkaja antiutopia v kontekste mirovoj literatury = Russian dystopia in the context of world literature*. Moscow: IMLI RAN. (In Russ.)
5. Robson, J. M., Kinzer, B. L. (1988). *The Collected Works of John Stuart Mill, Volume XXVIII – Public and Parliamentary Speeches Part I November 1850 – November 1868*. Toronto: University of Toronto Press.
6. Gorohov, P. A. (2011). *Phylosophical ideas in the fiction by H. Wells. Vestnik OGU, 7(126), 24–31*. (In Russ.)
7. Negley, G., Patrick, J. M. (1952). *The quest for utopia: an anthology of imaginary societies*. New York: McGrath Publishing Company.
8. Lanin, B. A. (1993). *Russkaja literaturnaja antiutopia XX v. = Russian dystopia, 20th century: Senior Doctorate in Philology*. Moscow. (In Russ.)
9. Sargent, L. (1979). *British and American utopian literature, 1516–1978*. Boston: G. K. Hall.
10. Latinina, J. L. (1992). *Literaturnie istoki antiutopicheskogo janra = Literary origins of dystopian genre : abstract of PhD in Philology*. Moscow. (In Russ.)
11. Vorobjeva, A. N. (2008). *Lichnost i obschestvo v novejsih anto utopicheskikh sujetah = Personality and society in the latest dystopian plots*. Samara: VUZ kulturni i iskusstv v obrazovatelnoj sisteme regiona (pp. 249–253). (In Russ.)
12. Bezchotnikova, S. V. (2008). *Russkaja literaturnaja antiutopia, predeli XX–XXI vekov: dinamika razvitiija, vektory modifikacii, tipologia = Russian Literary Dystopia around 20th – 21st centuries: Dynamics of Development, Modification Vectors, Typology: Abstract of Doctorate in Philology*. Kiev. (In Russ.)
13. Lubimova, A. F. (2002). *Janrantiutopii v XX veke. Soderzatelnie i poetologicheskie aspekty = The Dystopian Genre in the 20th century. Substantial and Poetical Aspects*. Perm: Ministerstvo obrazovanija RF Permskij gosudarstvennij universitet. (In Russ.)
14. Bahtin, M. M. (1974). *Vremia i prostranstvo v romane. = Time and Space in a Novel*. Moscow: Voprosy literatury = Questions of Literature, 3. URL: <https://voplit.ru/article/vremya-i-prostranstvo-v-romane/> (In Russ.)
15. Kozmina, E. J. (2005). *Poetica romana antiutopii na materiale russoj literatury XX veka = Poetics of dystopian novels on the material of the Russian literature, 20th century: abstract of PhD in Philology*. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Солобуто Диана Сергеевна

старший преподаватель кафедры второго иностранного языка
Института иностранных языков им. Мориса Тореза
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Solobuto Diana Sergeevna

Senior Lecturer at the Department of the Second Foreign Language,
Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.02.2022
одобрена после рецензирования 01.03.2022
принята к публикации 09.03.2022

The article was submitted 04.02.2022
approved after reviewing 01.03.2022
accepted for publication 09.03.2022

Научная статья
УДК 82-1/-9; 008
DOI 10.52070/2542-2197_2022_3_858_150

Квазирелигиозный дискурс романа М. Этвуд «Рассказ служанки»

Д. А. Фурсова^{1,2}

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

²Московский государственный институт культуры, Москва, Россия

da_fursova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу квазирелигиозного дискурса в антиутопии М. Этвуд «Рассказ служанки». Материалом исследования стал текст романа. В ходе исследования были применены методы герменевтического и аксиологического анализа. Результатами исследования стали выводы о способах конструирования автором квазирелигиозного дискурса; основном приеме создания квазирелигиозного дискурса; а также о стратегиях противостояния квазирелигиозному обществу, реализованных главной героиней.

Ключевые слова: квазирелигиозный дискурс, роман «Рассказ служанки», Маргарет Этвуд, деструктивные практики, библейские аллюзии

Для цитирования: Фурсова Д. А. Квазирелигиозный дискурс романа М. Этвуд «Рассказ служанки» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 3(858). С. 150–156. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_150

Original article

Quasi-religious discourse of M. Atwood's dystopia The Handmaid's Tale

Darya A. Fursova^{1,2}

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

²Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

da_fursova@mail.ru

Abstract. The article contains analysis of quasi-religious discourse of M. Atwood's dystopia *The Handmaid's Tale*. Analyzing the text of the novel the author used hermeneutic and axiological methods. The results of the research are inferences on the ways M. Atwood constructed quasi-religious discourse, the main method she used in reaching this aim, and the strategies of opposition to the quasi-religious society embodied by the protagonist.

Keywords: quasi-religious discourse, *The Handmaid's Tale*, M. Atwood, destructive practices, biblical allusions

For citation: Fursova, D. A. (2022). Quasi-religious discourse of M. Atwood's dystopia *The Handmaid's Tale*. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3(858), 150–156. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_150

ВВЕДЕНИЕ

Творчество М. Этвуд достаточно давно является предметом научного интереса исследователей в области гуманитарного знания. Однако роман «Рассказ служанки» по сравнению с другими произведениями М. Этвуд меньше привлекает внимание литературоведов, лингвистов, культурологов. Между тем это произведение – яркий пример, с одной стороны, социального моделирования футуро-архаичного общества, а с другой – отражения важных социокультурных процессов, происходящих в современном англоязычном обществе. Одним из таких процессов, детерминирующих западную культуру, является кризис христианства.

М. Этвуд неоднократно обвиняли в создании антирелигиозного романа (*New York Times*, 10.03.2017) [Tennant, 2019], поскольку библейские аллюзии, которыми пронизан текст романа, искажают и «выворачивают наизнанку» религиозные обряды и социокультурные практики, описанные в Библии. Именно интертекст, построенный, с одной стороны, на апелляции к тексту Библии, а с другой – на его абсурдизации, и лежит в основе квазирелигиозного дискурса романа.

Актуальность данного исследования обусловлена отсутствием работ, анализирующих квазирелигиозный дискурс знакового для англоязычной культуры романа с позиций культурологии.

На данный момент на русском языке опубликовано несколько работ, в которых роман рассматривается с точки зрения гендерного аспекта [Жаданов, 2011]; скрытых политических смыслов и способов их декодирования [Винокурова, Трашков, 2014]; темпоральной структуры авторской картины мира М. Этвуд [Федосова, 2014]; трансформации антиутопии как жанра [Жаркова, 2017].

В работах, опубликованных на английском языке, анализируется философский контекст романа [The Handmaid's Tale and Philosophy, 2018]; феминистская риторика [Rigney, 1987]; библейские аллюзии в тексте романа [Tennant, 2019].

Цель данного исследования – проанализировать квазирелигиозный дискурс романа М. Этвуд «Рассказ служанки».

К **задачам** исследования мы относим следующие:

- описать социальную структуру и деструктивные практики квазирелигиозного общества, представленные в романе на основе фактуальной, концептуальной и подтекстовой информации;
- проанализировать нарратив главной героини как стратегию противостояния квазирелигиозности и способ сохранения личности.

МЕТОДОЛОГИЯ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования стал текст антиутопического романа М. Этвуд «Рассказ служанки» (The Handmaid's Tale), впервые опубликованного в Канаде в 1985 году и затем многократно переизданного. В ходе исследования были использованы методы герменевтического и аксиологического анализа. С помощью метода герменевтического анализа осуществлялось выявление содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации. Метод аксиологического анализа позволил выявить ценностные основания квазирелигиозного общества, представленного в романе, и ценностные ориентиры главной героини.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КВАЗИРЕЛИГИОЗНОГО ОБЩЕСТВА В РОМАНЕ М. ЭТВУД «РАССКАЗ СЛУЖАНКИ»

С первых страниц романа читатель оказывается погруженным в жестко структурированное общество, разделенное на десять каст. Мужская часть общества представлена кастами *the Commanders* (Командоры¹) – отцы-основатели Республики Галаад, элита общества; *the Angels* (Ангелы) – элитное подразделение силовых структур; *the Guards* (Хранители) – представители силовых структур. Остальные мужчины являются обслуживающим персоналом (данная каста никак не называется, в тексте лишь упоминается конкретная профессия мужчины (например, *the driver*). Особое место в структуре общества республики Галаад занимает каста *the Eyes* (Очи) – спецслужбы республики.

Женское общество разделено на касты *the Wives* (Жены) – жены представителей элиты; *the Marthas* (Марфы) – прислуга; *the Handmaids* (Служанки) – фертильные женщины, которые должны вынашивать детей элиты; *Unwomen* (Не-женщины) – женщины, отказывающиеся стать *the Marthas* или *the Handmaids*, а также *the Handmaids*, оказавшиеся бесплодными; этих женщин ссылают на работы с радиоактивными отходами, что фактически означает смертную казнь. Отдельное место занимают *the Aunts* (Тетки); их функция – подготовка фертильных женщин касты *the Handmaids* к их миссии. Существует также каста *the Jezebels* (Иезавели), представительницы которой проживают в нелегальном публичном доме, о котором знают только *the Commanders*.

¹ Здесь и далее перевод наш. – Д. Ф.

Форма правления в Галааде – теократическая республика. *The Commanders*, помимо политических функций, выполняют роль религиозных лидеров, и только они имеют право читать Библию. Все остальным вменяется в обязанность слушать Библию, однако самостоятельное чтение Священного Писания представителям всех других каст запрещено:

We can be read to from it, by him, but we cannot read (*Atwood, The Handmaid's Tale*). – «Мы можем слушать чтение, но не можем читать сами».

Не случайно главная героиня Offred (Фредова), комментируя запрет, характеризует Библию как сеющее рознь изобретение:

It is an incendiary device (*Atwood, The Handmaid's Tale*). – «Это сеющее рознь изобретение».

Сама Offred, выросшая в культуре, основанной на христианстве, знакома с текстом Библии, хотя, возможно, и не читала ее – она находится на границе футуристического и архаического пространств – как она сама себя идентифицирует:

I'm a refugee from the past (*Atwood, The Handmaid's Tale*). – «Я беженка из прошлого».

Она понимает важность Слова, хотя воспринимает его не в сакральном значении, а как свободу знать, свободу обладать информацией:

He has something we don't have, he has the word (*Atwood, The Handmaid's Tale*).

Очевидно, что здесь мы видим отсылку к Евангелию от Иоанна: «Вначале было Слово» (*Ин. 1:1*). Offred, имея представление о тексте Библии, понимает, что теократическая элита использует Слово для манипулирования обществом:

I knew they made that up, I knew it was wrong, and they left things out, too, but there was no way of checking (*Atwood, The Handmaid's Tale*). – «Я знала, что они это сочинили, я знала, что это была неправда и что кое-что они опускали, но как это проверишь!»

Характерной чертой представленного в романе теократического общества становится смещение фокуса внимания с Бога на текст Библии. Слово *God* очень часто встречается на страницах романа в бытовых высказываниях:

God knows what he's wearing, God knows what they've put him in (*Atwood, The Handmaid's Tale*). – «Бог знает, что на нем надето; Бог знает, куда они его загнали».

При этом из текста романа следует, что есть некая высшая сила, именуемая *He*. Так, например, в качестве приветствия и прощания используется фраза:

«Under His Eye!» (*Atwood, The Handmaid's Tale*) // «Под Его Оком».

Поскольку корреляция *He* и *God* не вполне очевидна, можно предположить, что именно *He* является сакральной фигурой, в то время как *God* – профанной:

God, do I need a cigarette? (*Atwood, The Handmaid's Tale*). – «Боже, сигарету бы!»

А если иметь в виду, что *The Eyes* – название касты представителей спецслужб, то вполне можно допустить, что религия в Галааде не имеет отношения ни к Библии, ни к библейскому Богу. Таким образом, обществу навязывается некая квазирелигия, являющаяся инструментом социального управления.

Характерной чертой квазирелигиозного пространства романа является обрядовость как внешнее проявление религиозности при отсутствии веры как важнейшей компоненты структуры личности. Так, например, в Галааде отсутствует молитвенная традиция, а церковь используется в качестве музея, а не места молитвенных собраний:

The church is a small one, one of the first erected here, hundreds of years ago. It isn't used anymore, except as a museum (*Atwood, The Handmaid's Tale*). – «Церковь маленькая, одна из первых, что возвели здесь сотни лет назад».

И только маргиналы галаадского общества – тайные квакеры и баптисты, подвергающиеся преследованиям со стороны элиты Галаада, – совершают молитвы:

They had silent prayers every evening (*Atwood, The Handmaid's Tale*). – «Каждый вечер они молились про себя».

Кроме того, тайные христиане с риском для жизни помогают женщинам из касты *the Handmaids* бежать из Галаада. Так, на страницах романа

пересекаются два мировоззрения: квазирелигиозное (религия как инструмент манипуляции) и религиозное (религия как связь с Богом):

One of the hardest things was knowing that these other people were risking their lives for you when they didn't have to. But they said they were doing it for religious reasons and I shouldn't take it personally (*Atwood, The Handmaid's Tale*). – «Тяжелее всего было знать, что эти люди рисковали своей жизнью ради тебя, хотя они совсем не обязаны были этого делать. Но они сказали, что делают это по религиозным соображениям, и мне не следует воспринимать это как личное одолжение».

В качестве еще одного примера внешнего проявления религиозности в Галааде можно привести приветственное обращение к женщинам касты *the Handmaids*:

Bless be the fruit (*Atwood, The Handmaid's Tale*). – «Благословен плод».

Эти слова являются сокращением «Blessed is the fruit of thy womb» (*Luke 1:42*) – «Благословен плод чрева Твоего» – благословения произнесенного Елисаветой, узнавшей о беременности Девы Марии. Полные радости евангельские слова в тексте романа «Рассказ служанки» наполняются иными смыслами, поскольку беременность для *the Handmaids* одновременно желанна и нежеланна. *The Handmaids* являются наиболее дискриминируемой кастой женщин: их единственная функция – вынашивание и рождение детей для элиты. *The Handmaid*, которая живет в доме каждого высокопоставленного мужчины, – своеобразная вынесенная вовне детородная система его бесплодной жены. Ежемесячно совершается насильственная процедура оплодотворения (*the Ceremony* – Церемония) с участием командора, его жены и *the Handmaid*.

Сама идея *the Ceremony* является отсылкой к Ветхому завету, буквальным прочтением и реализацией описанной в Книге Бытия практики (*Быт. 16:2*). Два других аналогичных случая, упомянутых в Библии, связаны с историей Иакова и его двух жен – родных сестер Лии и Рахили (*Быт. 30: 1-3*). Желание женщины реализоваться в материнстве любой ценой в парадигме ветхозаветного общества имело свои причины: ребенок считался Божьим благословением, бездетность была публичным позором. В этом смысле социальная значимость ветхозаветной женщины зависела от ее репродуктивных способностей. Кроме того, следует отметить, что во всех описанных в Библии случаях вынашивания служанками детей хозяев по причине

бесплодия хозяек инициаторами являлись сами жены, и именно жены относились к служанке как к продолжению своего тела, своего рода внешнему органу собственной репродуктивной системы.

Отношение представительниц касты жен в Республике Галаад к *the Handmaids* сильно отличается от отношения их ветхозаветных предшественниц: их глубоко травмирует вынужденное участие в *the Ceremony*, они испытывают ненависть к *the Handmaids* и в то же время зависят от них, поскольку наличие ребенка в семье является маркером социального благополучия. Для женщин касты *the Handmaids* беременность означает отдых от участия в унижительных «церемониях» зачатия (*the Ceremony*) и дает гарантию их личной безопасности, поскольку они оказали услугу обществу.

Таким образом, описание применения искаженной ветхозаветной практики способствует созданию квазирелигиозного дискурса романа.

НАРРАТИВ OFFRED КАК СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ КВАЗИРЕЛИГИОЗНОСТИ

Имя главной героини – Offred – многослойно. Во-первых, оно отражает статус женщины из касты *the Handmaids* в Галаадском обществе как собственности мужчины: *Offred* означает *принадлежащая Фреду, Фредова*. Во-вторых, в имени Offred, по мнению К. Теннант [Tennant, 2019], прослеживается сходство со словом *offered*, что отсылает нас к библейскому значению этого слова – *посвященная* (обычно о жертве). Жертвенное предназначение главной героини символизирует и красный цвет ее платья. Именно красными (червоными, багряными) тканями следовало покрывать жертвенник в ветхозаветном храме (*Исх. 25:28*). Исследуя религиозные мотивы в романе «Рассказ служанки», К. Теннант утверждает, что образ главной героини в чем-то является аллюзией на личность Христа (ей 33 года, она принесена в жертву) [Tennant, 2019]. Даже эпизод внутреннего изменения героини, вызванного глубоким эмоциональным потрясением, К. Теннант интерпретирует как «воскресение» [Tennant, 2019, с. 40]. Offred воскресает от эмоциональной апатии, отныне тихое внутреннее сопротивление сменяется готовностью активно бороться. И в этот момент имя Offred обретает новый смысл *off-red*, что говорит о ее отказе выполнять роль жертвы, которую ей навязывает квазирелигиозное общество:

I never looked good in red, it's not my color (*Atwood, The Handmaid's Tale*). – «Мне никогда не шел красный, это не мой цвет».

Роман представляет собой исповедальный нарратив главной героини. Это глубокий и предельно честный анализ стратегий, практик, поведенческих актов с моральной точки зрения. Offred беспощадна в оценке собственных поступков и мыслей, она анализирует каждый свой шаг, каждый помысел. Поскольку все в Галааде основано на лжи, личное знание правды главной героиней о самой себе становится важной составляющей ее личного противостояния.

Поскольку квазирелигиозное общество Галаада представляет собой не что иное, как антиблблейскую аллюзию, то неслучайно автор представляет существующую там практику, имитирующую общую исповедь, практиковавшуюся в раннем христианстве – *Testifying* (Свидетельствование), обязательную к применению в лагере, где осуществлялась подготовка женщин касты *the Handmaids* к выполнению ими своих социальных функций. Имея внешнее сходство с общей исповедью:

It's Janine, telling about how she was gang-raped at fourteen and had an abortion (*Atwood, The Handmaid's Tale*). – «Это Жанин, рассказывает о том, как пережила групповое изнасилование в 14, а потом сделала аборт»,

практика была по своей сути нацелена на деморализацию, дестабилизацию личности путем публичного всеобщего осуждения:

But whose fault was it? Aunt Helena says, holding up one plump finger. Her fault, her fault, her fault, we chant in unison (*Atwood, The Handmaid's Tale*). – «"Но кто виноват в этом?" – вопрошает Тетка Елена, воздев пухлый палец. – "Ее вина, ее вина," – скандируем мы в унисон».

Исповедальный нарратив Offred не имеет ничего общего с практикой *Testifying*, хотя главная героиня с горечью признается в том, что и она испытывала наравне с другими женщинами потребность осудить, нанести обиду, ранить:

We meant it, which is the bad part (*Atwood, The Handmaid's Tale*). – «Самое ужасное, что мы были искренни».

Окутывающая главную героиню атмосфера недоброжелательности, подозрительности, подавленной агрессивности может оказать влияние даже на самую устойчивую психику, поэтому единственное, что может сделать Offred – это практиковать рефлексию – исповедовать все свои мысли самой себе.

Постоянный внутренний нарратив как инструмент рефлексии позволяет ей отслеживать те изменения в собственной психике, которые неизбежно происходят под влиянием социокультурного контекста, и противостоять квазирелигиозному социуму Галаада. Так, например, в одном из эпизодов романа Offred участвует в принудительной практике группового убийства мужчины, осужденного за изнасилование. Участвуя в убийстве, она испытывает амбивалентное чувство к происходящему: с одной стороны, она отмечает ощущение безнаказанной свободы:

We are permitted anything and this is freedom (*Atwood, The Handmaid's Tale*). – «Нам разрешено всё, и это свобода»,

с другой – она осознает, что ее вынуждают участвовать в жестоком убийстве, которое она не хочет совершать:

I keep back, try to stay on my feet (*Atwood, The Handmaid's Tale*). – «Я держусь позади, стараюсь не упасть».

Несмотря на стыд, Offred признается, что после участия в расправе она ощутила острое чувство голода:

I could eat a horse (*Atwood, The Handmaid's Tale*). – «Я была голодна как волк»,

которое она объясняет неосознанным желанием тела заявить о своем существовании:

...maybe it's the body's way of seeing to it that I remain alive, continue to repeat its bedrock prayer: "I am, I am. I am, still" (*Atwood, The Handmaid's Tale*). – «Может быть, так мое тело пытается доказать, что я все еще жива, повторяя свою мантру: "Я есть, Я есть, Я все еще есть"».

Рефлексия помогает ей изобретать и внедрять в повседневность индивидуальные культурные практики, позволяющие снизить уровень разрушения личности:

I wait. I compose myself. My self is a thing I must now compose, as one composes a speech. What I must present is a made thing, not something born (*Atwood, The Handmaid's Tale*). – «Я жду. Я настраиваюсь. Я можно составить, как составляют речь. Я должна быть утварью, а не творением».

Еще одним способом противостояния квазирелигиозному обществу является ирония. Так,

например, вспоминая Тётку-тренера (*the Aunt*), цитировавшую Священное Писание,

You must cultivate poverty of spirit. Blessed are the meek. – «Вы должны духовно возрастать. Блаженны кроткие»,

Offred добавляет:

She didn't go on to say anything about inheriting the earth (*Atwood, The Handmaid's Tale*). – «Она ни словом не обмолвилась о наследовании земли».

Этим замечанием Offred одновременно демонстрирует знание Евангелия и высмеивает лицемерную интерпретацию теократией Галаада слов Священного Писания.

Ирония проявляется и в нескольких текстах молитвенных обращений к Богу. Несколько раз на протяжении романа Offred пытается молиться. Ее молитва – это удивительное сочетание веры и неверия, характерное для современного человека. Молитва для главной героини становится своего рода психотерапевтической практикой, помогающей ей преодолеть свое одиночество и высказать свое отношение к происходящему. Не случайно она переделывает молитву *Отче наш*, текст которой представлен в Евангелии от Матфея (*Мф 6: 9-13*), наделяя ее собственными смыслами, что наиболее ярко выражается в конструкциях с использованием *I wish... But*, а также в использовании местоимения *you* и *your* вместо *Thy*:

My God: Who Art in the Kingdom of Heaven, which is within. I *wish* you could tell me Your Name, the real one I mean. *But* You will do as well as anything. I *wish* I knew what You were up to. *But* whatever it is, help me to get through it, please... (*Atwood, The Handmaid's Tale*). – «Отче наш, Который на Небесах и на земле. Я бы хотела, чтобы Ты открыл мне Твое истинное Имя. Но Ты тоже сойдет. Я бы хотела знать, в чем Твоя Воля. Но какая бы она ни была, прошу, помоги мне пройти через все это».

На страницах романа мы также встречаем своеобразный символ веры, представляющий собой стратегию, которую сама главная героиня называла *composing myself*. Символ веры Offred является способом преодоления страха за судьбу мужа, с которым она была насильно разлучена, когда оказалась в Галааде. Offred представляет самые разные варианты от пессимистичного (смерть Люка) до оптимистичного (ему удалось спастись). Все варианты равно возможны и невозможны, равно реальны и нереальны для главной героини,

поэтому она одинаково верит и не верит в каждый из них. Каждый новый постулат своего символа веры она начинает со слов *I believe*.

I believe Luke is lying face down in a thicket, a tangle of bracken, the brown fronds from last year under the green ones just unrolled, or ground hemlock perhaps, although it's too early for the red berries... I believe this... I also believe that Luke is sitting up, in a rectangle somewhere, gray cement, on a ledge or the edge of something, a bed or chair... I also believe that they didn't catch him... I believe in the resistance as I believe there can be no light without shadow; or rather, no shadow unless there is also light. The things I believe can't all be true, though one of them must be. But I believe in all of them, all three versions of Luke, at one and the same time. This contradictory way of believing seems to me, right now, the only way I can believe anything. Whatever the truth is, I will be ready for it. This also is a belief of mine. This also may be untrue (*Atwood, The Handmaid's Tale*). – «Верю, что Люк лежит ничком где-нибудь в чаще: в зарослях папоротника, в прошлогодней листве, под ранней только пробивающейся зеленью или под канадским тисом, хотя для красных ягод рановато... Я верю в это. Верю, что Люк сидит где-нибудь в сером цементном прямоугольнике, на краю кровати или стула... Верю, что они его не поймали. Верю в сопротивление, так же как верю, что не бывает света без тени, или, скорее, что не бывает тени без света. Из всего, во что я верю, истина может быть только одна. Но я одинаково верю во все три ипостаси Люка. Какова бы ни была истина, я буду к ней готова. Я верю в это. Хотя и это может оказаться не так».

Преодоление страха делает Offred сильнее, «собирает» ее личность, что помогает ей найти точку опоры в противостоянии квазирелигиозному обществу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье был рассмотрен квазирелигиозный дискурс романа М. Этвуд «Рассказ служанки», созданный путем конструирования социальной структуры, в которой используется ряд деструктивных практик, и проанализирован нарратив главной героини, являющийся стратегией противостояния квазирелигиозному обществу.

Сделаны следующие выводы:

1. Квазирелигиозный дискурс романа строится на смещении фокуса внимания с Бога на текст Библии, а также на абсурдизации библейского текста путем искажения ветхозаветных практик

и применения искаженных практик вне ветхозаветного социокультурного контекста;

2. Квазирелигиозное общество, созданное М. Этвуд, реализуется посредством жесткой кастовой системы; запрета на доступ к Библии; применении ряда социокультурных практик; проявлении внешней религиозности (обрядовости) при отсутствии настоящего религиозного чувства;

3. Основной прием, используемый М. Этвуд для создания квазирелигиозного дискурса, – библейские аллюзии в наименованиях каст, этикетных формулировках, текстах молитв и пр.

4. Противостояние квазирелигиозному обществу главной героини реализуется путем постоянного внутреннего нарратива, основывающегося на рефлексии, иронии и «молитве».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Tennant C. Religion in The Handmaid's Tale: A Brief Guide. Minneapolis: Fort Press, 2019.
2. Жаданов Ю. А. Актуальные проблемы изучения современной антиутопии: женское видение возможного будущего человечества. URL: <https://clck.ru/bmJXj>. 2011.
3. Винокурова Т. Н., Трашков Д. В. Скрытые политические смыслы в романе Маргарет Этвуд «Рассказ служанки». URL: <https://clck.ru/bmJVC>. 2014.
4. Федосова Т. В. Актуализация концепта «Время» в авторской картине мира Маргарет Этвуд. 2014. URL: <https://clck.ru/bmJbo>
5. Жаркова Е. П. Антиутопии М. Этвуд «Рассказ служанки» и «Трилогия безумного Адамма» в контексте традиции и новейших тенденций развития жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2017.
6. The Handmaid's Tale and Philosophy / Edited by R. Robinson-Greene. 2018. URL: <https://clck.ru/bmJWN>.
7. Rigney B. Women writers. Margaret Atwood. Houndsmills, Basingstoke, Hampshire: MacMillan Education, 1987.

REFERENCES

1. Tennant, C. (2019). Religion in The Handmaid's Tale: A brief guide. Minneapolis: Fort Press.
2. Zhadanov, Y. A. (2011). Aktual'nye problemy izucheniya sovremennoj antiutopii: zhenskoe videnie vozmozhnogo budushchego chelovechestva = The topical issues of modern dystopia studies: women's view on the possible human future. <https://clck.ru/bmJXj> (In Russ.)
3. Vinokurova, T. N., Trashkov, D. V. (2014). Skrytye politicheskie smysly v romane Margaret Etvud "Rasskaz sluzhanki" = The hidden political semantics in M. Atwood's Handmaid's Tale. <https://clck.ru/bmJVC> (In Russ.)
4. Fedosova, T. V. (2014). Aktualizaciya koncepta "Vremya" v avtorskoj kartine mira Margaret Etvud = Margaret Atwood's author's view of the concept 'Time'. <https://clck.ru/bmJbo> (In Russ.)
5. Zharkova, E. P. (2017). Antiutopii M. Etvud «Rasskaz sluzhanki» i «Trilogiya bezumnogo Addama» v kontekste tradicii i novejshih tendencij razvitiya zhanra = M. Atwood' dystopia The Handmaid's Tale and Mad Max Thrilogy in the context of traditions and innovations of the genre's development: abstract of PhD in Philology. Voronezh. (In Russ.)
6. Robinson-Greene, R. (Ed.). (2018). The Handmaid's Tale and Philosophy. <https://clck.ru/bmJWN>
7. Rigney, B. (1987). Women writers. Margaret Atwood. Houndsmills, Basingstoke, Hampshire: MacMillan Education. <https://clck.ru/bmJXj> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фурсова Дарья Аветисовна

кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры второго иностранного языка Московского государственного лингвистического университета, доцент кафедры культурологии Московского государственного института культуры

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fursova Darya Avetisovna

PhD (Culturology), Senior Lecturer at the Department of the Second Foreign Language of the Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University, Assistant Professor at the Department of the Culturology, Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture

Статья поступила в редакцию 04.02.2022
одобрена после рецензирования 01.03.2022
принята к публикации 09.03.2022

The article was submitted 04.02.2022
approved after reviewing 01.03.2022
accepted for publication 09.03.2022

Идеологема «Urbs» в двух памятниках пизанской эпитафии конца XI – первой половины XII века

Д. В. Вальков

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
valkovdv@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена двум памятникам пизанской эпитафии конца XI – первой половины XII в.: закладной плите (датируется 70–90-ми годами XI в.), повествующей о начале возведения городского Дуомо (собора Санта-Мария Ассунта) и надгробной эпитафии архитектора Бускетто (первой половины XII в.). Основным предметом рассмотрения является ключевая для пизанского политического дискурса рубежа XI–XII вв. идеологема «Urbs», зафиксированная упомянутыми эпитафическими памятниками. Анализ их текстов позволяет говорить о двух преломлениях идеологемы: констатируя свое преемство по отношению к Риму как к городу и центру власти, Пиза противопоставляет себя Риму в превосходстве собственного героя и устроителя городского пространства.

Ключевые слова: Пиза, коммуна, Сицилия, Панорм, Дуомо, Бускетто, эпитафия

Для цитирования: Вальков Д. В. Идеологема «Urbs» в двух памятниках пизанской эпитафии конца XI – первой половины XII в. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3 (858). С. 157–163. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_157

Original article

The 'Urbs'-Ideologeme in Two Monuments of the Pisan Epigraphy of the end of the XIth – first half of the XIIth century

Dmitri V. Valkov

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
valkovdv@yandex.ru*

Abstract. The article focuses on two monuments of the Pisan epigraphy of the end of the 11th – first half of the 12th century: the inscription (dated ~1070s – 1090s) telling about the circumstances of the beginning of the construction of the Pisan Duomo (Cathedral of Santa Maria Assunta) and the tombstone eulogy of the architect Busketo (first half of the 12th century). The main subject of consideration is the 'Urbs'-ideologeme, which is a key constituent of the Pisan political discourse of the turn of the 11th – 12th centuries, recorded by the mentioned epigraphic monuments. The analysis of their texts allows us to speak about two modalities of the ideologeme: stating its continuity in relation to Rome as a city and center of power, Pisa opposes itself to Rome in the superiority of its own heroic loci.

Keywords: Pisa, commune, Sicily, Panormum, Duomo, Busketo, epigraphy

For citation: Valkov, D.V. (2022). The 'Urbs'-ideologeme in two monuments of the Pisan epigraphy of the end of the XIth – first half of the XIIth century. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(858), 157–163. 10.52070/2542-2197_2022_3_858_157

ВВЕДЕНИЕ

Лавдация Риму в тексте написанного Намацианом на рубеже 410-х и 420-х гг. сочинения, известного как «De reditu suo» [Namatiani, 1870], испытавшего существенное влияние Троянского сюжета и, в частности, одной его линии – странствия (удаления героя от стен гибнущего города), – является едва ли не предельной в хронологии античности внехристианской рефлексией о роли и значении Города. В лавдации Намациана Рим, обретающий характер идеи, наделяется тремя взаимосвязанными характеристиками: топографической – «Рим-город, изначальное место проживания городской общины, члены которой выступают субъектами права и объединяются рамками римской правовой системы»; мифо-историософской – «Рим-абсолютный град, совпадающий с пределами земного круга, центр его истории, установитель мира, зиждитель добродетели, источник права, идеальный в своей красоте урбанистический локус»; политической – «Рим-универсалия абсолютной власти, город, совпадающий с пределами своей державы».

Идеологема «Urbs» в трех ключевых составляющих (топографической, мифо-историософской, политической) оказывается в фокусе внимания преимущественно в работах зарубежных антиковедов и медиэвистов и исследуется на основе античного и средневекового авторского текста. В то же время ее рассмотрение на основе апеннинского и, шире, латинского средиземноморского эпиграфического материала раннего и центрального Средневековья очерчено ограниченным кругом зарубежных исследований; в отечественных обобщающих и частных источниковедческих исследованиях оно не предпринималось вовсе. Этим обусловлена актуальность тематики статьи.

Идеологеме «Urbs» в ее исходной римской аппликации в авторском литературном тексте от поздней республики до позднего домината посвящены работы И. Чирино и Й. Фогта [Cirino, 1934; Vogt, 1935]. Вечности (вневременности) как одному из центральных концептов историософской составляющей идеологемы «Urbs» посвящена обобщающая статья Дж. Пурпуры [Purpura, 2019]. Опираясь как на тексты крупнейших христианских авторов поздней античности, так и на тексты не принадлежащих или оппозиционных христианству позднеантичных интеллектуалов, Ф. Пашу рассматривает идеологему «Urbs» на фоне усиливающегося кризиса Рима как универсального центра власти и распада созданного им географического и политического континуума

[Paschoud, 1967]. Роли и значению античного Рима в политической, религиозной и культурной практике средневекового Латинского Запада посвящен сборник, обобщающий опыт международного симпозиума 1998 года [Roma antica nel Medioevo, 2001].

Насколько в Античности Рим является центром европейско-средиземноморской географии, совпадающим в своей власти, как это отмечает авторский текст, относящийся ко времени ранее кризиса III – начала IV века, с пределами создаваемого им административно-политического и культурного континуума, настолько идеологеме «Urbs» не свойственна множественность аппликации: до IV века идеологема «Urbs» – идеологема Рима. На рубеже поздней античности и раннего средневековья идеологема «Urbs» обретает множественность аппликации. Так, со 2-й половины IV века аппликация идеологемы «Urbs» не только к Риму, но и к не-Риму обуславливает в авторском дискурсе контекст парагонирования и часто полемизирования, соперничества и конфронтации, в рамках которого не-Рим (в частности, Милан, Верона, Павия) обретает и обосновывает право быть «Urbs». Рецепции римского античного наследия в пизанской эпиграфической практике XI–XII веков и отчасти зафиксированному эпиграфическому материалом стремлению Пизанской коммуны представить себя тосканским парагоном Рима посвящено исследование Дж. Скалиа [Scalia, 1972]. Схожее стремление флорентийской гвельфской коммуны «Первого народа» (1250–1260) провозгласить Флоренцию тосканским парагоном Рима, а также его эпиграфическая фиксация детально проанализированы в работе Дж. Мак Крекена [Mac Cracken, 1955].

Цель данной статьи – рассмотреть два преломления идеологемы «Urbs» в политическом дискурсе Пизанской коммуны, а также фиксацию, которую они обретают в локальном эпиграфическом материале конца XI – первой половины XII века. В задачи статьи входит: на основе осуществленных автором в 2017–2020 годах полевых наблюдений уточнить чтение двух эпиграфических памятников (официальной закладной плиты о начале возведения пизанского Дуомо, датирующейся 70–90-и годами XI века и надгробной эпитафии архитектора Бускетто, первой половины XII века); проанализировать структуру текстов и выявить пути и факторы их формирования; разграничить два случая использования идеологемы «Urbs» упомянутыми эпиграфическими памятниками; указать цели использования идеологемы в рамках политического дискурса Пизанской коммуны рубежа XI–XII веков.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Если в уникальном архитектурно-топографическом контексте Рима для артикуляции мифо-историософской и политической составляющих идеологемы «Urbs» было достаточно возобновления древней красоты посредством возведения роскошного здания, напоминающего о славе римского народа и достоинстве Квирина, а также отделки его декоративными деталями античного происхождения (как гласит серия надписей, размещенных на так называемом Доме Кресценциев в Риме) [Bolle, 2019], то Пизе, одной из первых среди апеннинских городских центров, обозначающей интенцию быть тосканским парагоном Рима, требовалось большее: создание римского архитектурно-топографического метаконтекста как зримой основы артикуляции мифо-историософской и политической составляющих собственной идеологемы «Urbs». Так, в качестве наиболее эмблематичного элемента создаваемого римского архитектурно-топографического метаконтекста в кладку возводимого городом собора включаются римские античные надписи. Наложение античного текста на ключевой архитектурный комплекс становится отправной точкой уподобления латинскому прототипу и одновременно соперничества с ним.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЗАКЛАДНАЯ ПЛИТА О НАЧАЛЕ ВОЗВЕДЕНИЯ ПИЗАНСКОГО ДУОМО

В тексте официальной закладной плиты, датирующей 70–90-ми годами XI века, на фасаде пизанского Дуомо (собор Санта-Мария Ассунта), слева от портала центрального нефа, закладка и возведение Дуомо – также результат пунического пути. Так,

«Лето, в которое Христос родился от Девы, от оноу минуло 1063 (года), и тотчас после славные доблестью могущественные граждане пизанские предпринимая труд сей церкви заложить основания; в год, в который к сицилийским берегам снаряжен был флот, как один вооруженные, отплыв с многочисленными кораблями, все, бóльшие (старшие), средние, а равно и младшие (молодые), доверившись судьбе, начали путь держать к Панорму; разбив цепь и с боем войдя в порт, они захватывают шесть больших кораблей, наполненных богатствами, и, предав прежде остальные огню, продают один, каковой ценою, как известно, возведены эти стены; затем от этого места удалившись немного, они овладели землей, где течение реки достигает

моря на восход солнца, тотчас многочисленные всадники в сопровождении массы пехотинцев изготавляются к бою и корабли покидают; устремляются супротив враги с неслыханной неистовостью, но предпринятый набег, о превратность изменчивого случая, сим победителями судила быть, тем же – обратиться в бегство, каковых пизанцы сии, поражая сокрушением жестоким, многие тысячи мертвых простерли пред вратами, и, быстро повернув, устанавливают стан на берегу, огнем и мечом опустошая все вокруг; победители, учинив так расправу над оставшимися побежденными, невредимые возвратились они в Пизу с великим триумфом».

¹ + ANNO QVO XPS (Christus) DE VIRGINE NATUS AB ILLO ; TRANSIERANT MILLE DECIES SEX TRESQ(ue) SVBINDE ; ² PISANI CIVES CELEBRI VIRTUTE POTENTES ; ISTIVS ECCL(es)E PRIMORDIA DANT(ur) INISSE ³ ANNO QVO SICVLAS EST STOLVS FACTVS AD ORAS ; Q(ue)D SIMUL ARMATI MVLTA CVM CLASSE PROEECTI ; ⁴ OM(ne)S MAIORES MEDII PARITERQVE MINORES · INTENDERE VIAM PRIMA(m) SVB SORTE PANORMA(m) ; ⁵ INTRANTES RVPTA PORTV(m) PVGNANDO CATENA ; SEX CAPIVNT MAGNAS NAVES OPIBVSQ(ue) REPLETAS ; ⁶ UNA(m) UENDENTES RELIQVAS PRIVS IGNE CREMANTES ; QUO PRETIO MUROS CONSTAT HOS ESSE LEVATOS : ⁷ POST HINC DIGRESSI PARV(m) TERRAQ(ue) POTITI ; QVA FLVVII CVRSV(m) MARE SENTIT SOLIS AD ORTVM : ⁸ MOX EQVITU(m) T(ur) BA PEDITV(m) COMITANTE CATERVA ; ARMIS ACCINGUNT SESE CLASSE(m)Q(ue) RELINQVUNT : ⁹ INVADVNT HOSTES CONTRA SINE MORE FURENTES ; SED PRIOR INCVRSVS MUTANS DISCRIMINA CASVS : ¹⁰ ISTOS VICTORES ILLOS DEDIT ESSE FUGACES ; QVOS CIVES ISTI FERIENTES VULNERE TRISTI ; ¹¹ PLVRIMA P(re) PORTIS STRAVERUNT MILIA MORTI ; CONVERSIQ(ue) CITO TENTORIA LITORE FIGUNT : ¹² IGNIB(us) ET FERRO VASTANTES OM(n)IA CIRCV(m) ; VICTORES UICTIS SIC FACTA CEDE RELICTIS : INCOLVMS MULTO PISA(m) REDIERE TRIVMPHO :

Приведенный текст, с композиционно-синтаксической и отчасти лексической точки зрения, демонстрирует схождения с элогией т. н. Ростры Дуилия (CIL 25), фиксирующей военные свершения римского консула 260 года до нашей эры Гая Дуилия в ходе I Пунической войны: A¹) текст пизанской плиты выстраивается вокруг обстоятельств сицилийского морского военного похода, первым результатом которого стало взятие с боем пизанцами панормитанского порта [INTRANTES RVPTA PORTV(m) PVGNANDO CATENA]:

A²) текст римского античного памятника упоминает освобождение от карфагенской осады

союзной Риму Сегесты и взятие с боем Мацеллы в результате военной кампании консула на Сицилии

[[₁ CONSOL SECEST]ano[S SOCIOS P(opti) R(oma-
ni) CARTACINIENSIO₂ OPSIDIONE]D EXEMET LE-
CION[ESQVE CARTACINIENSIS OMNIS₃ MA]xIMOSQVE
MACISTRATO₅ [LVCI PALAM POST DIES₄ NO]VEM
CASTREIS EXFOCIONT MACe[LAMQVE OPIDOM₅ PV]
CNANDOD CEPET]];

a¹) в результате похода, по сообщению пизанского текста, были захвачены значительные материальные ценности, захвачены, проданы, уничтожены определенные в числе корабли:

SEX CAPIVNT MAGNAS NAVES OPIBVSQ(ue) REPLE-
TAS ;₆ UNA(m) UENDENTES RELIQVAS PRIVS IGNE
CREMANTES

a²) в результате центрального морского эпизода боевых действий на Сицилии, битвы при Милах, по сообщению римского памятника, было захвачено и уничтожено определенное число кораблей:

[[₈ C]VMQVE EIS NAVEBVOS CLASEIS POENICAS
OM[NIS ITEM MA₉ X]VMAS COPIAS CARTACINIEN-
SIS PRAESENTE[D HANIBALE₁₀ D]ICTATORE₁₀
OLOROM IN ALTOD Marid puc[NAD VICET₁₁ VI]QVE
NAVEIS CEPET CVM SOCIEIS SEPte[RESMOM I QVIN₁₂
QVERESMOS]QVE TRIRESMOSQVE NAVEIS x[XX MER-
SET XIII]];

a²) результатом успешных боевых действий на Сицилии, согласно тексту римского памятника, стал захват обильных материальных ценностей

[[₁₃ AVRO]M CAPTOM NVMEI Dcc₁₄ ARCEN]
TOM CAPTOM PRAEDA NVMEI (milia)₁₅ OMNE]
CAPTOM AES   (milia)₁₆
(milia)]];

б¹ – б² – тексты пизанского и римского памятников упоминают сокрушенных противников и многочисленность их войск:

[₉ INVADVNT HOSTES CONTRA SINE MORE FURENTES ;
SED PRIOR INCVRSVS MUTANS DISCRIMINA CASVS :₁₀
ISTOS VICTORES ILLOS DEDIT ESSE FUGACES ; QVOS
CIVES ISTI FERIENTES VULNERE TRISTI ;₁₁ PLVRIMA
P(re) PORTIS STRAVERUNT MILIA MORTI] – [[CLA-
SEIS POENICAS OM[NIS ITEM MA₉ X]VMAS COPIAS
CARTACINIENSIS PRAESENTE[D HANIBALE₁₀ D]ICTA-
TORED OLOROM IN ALTOD Marid puc[NAD VICET]];

в¹ – в² – тексты пизанского и римского памятников сообщают о победоносном завершении военных действий и триумфальном возвращении:

[VICTORES UICTIS SIC FACTA CEDE RELICTIS : IN-
COLVMES MULTO PISA(m) REDIERE TRIVMPHO] –
[[TRIVMP]OQVE NAVALED [pra]EDAD POPLO[M
DONAVET₁₈ MVLTOQVE] cARTA[CINIENSIS INCE]
nvos [DVXIT]].

Говорить о достоверной роли элогии т. н. Ростры Дуилия как непосредственного источника пизанского закладного текста необходимо с осторожностью; схождения возникают как итог знакомства автора пизанского текста с римской античной элогией в целом [Pancieria, 2007], а также с посвятельными текстами триумфальных арок (например, арки Трояна в Анконе, арка Септимия Севера и Константина в Риме) (CIL 1033, 1139) и как результат рецепции и апробации их композиционно-синтаксических и лексических черт. Знакомство автора пизанского закладного текста с римской античной элогией могло осуществляться в рамках литературной традиции, включающей, например, элогию Квинта Фабия Максима, вложенную Цицероном в уста Катона Старшего [Ciceronis, 1877]. Вполне вероятно также, что автору пизанского закладного текста были известны античные эпиграфические элогии (в частности, сходные, например, с т. н. элогией Турии) (CIL 1527, 31670, 37053, 41062), однако говорить об их составе, локализации, датировке, разумеется, невозможно.

Рассмотренный пизанский закладной текст наряду с единством триумфального пунического пути, общего для лацийского прототипа и тосканского парагона, констатирует, сквозь призму вергилиевской аллюзии, мифо-историческую схожесть образа действий пизанцев и праоснователей Города: как пизанцы, отплыв с многочисленными кораблями, все, бóльшие (старшие), средние, а равно и младшие (молодые), доверившись судьбе, начали путь держать к Панорму:

[MVLTA CVM CLASSE PROEECTI ;₄ OM(ne)S MAIORES
MEDII PARITERQVE MINORES · INTENDERE VIAM PRI-
MA(m) SVB SORTE PANORMA(m) :],

так и прародители латинского племени:

...classemque molimur... incerti, quo fata ferant, ubi
sistere detur, contrahimusque viros... et pater Anchises
dare fatis vela iubebat (*Aeneis*, III, 5). – «...корабли...
начали строить... Стали людей собирать... Вверить
судьбе паруса приказал Анхиз, мой родитель».

Результатом морского пути Энея стало возникновение племени латинян и самого Рима (Aeneis, I, 5–7), результатом пизанского морского пути – уподобление Риму и «воссоздание» его в Тоскане.

НАДГРОБНАЯ ЭЛОГИЯ АРХИТЕКТОРА БУСКЕТО

К первому универсальному средиземноморскому мифу – троянской эпопее – обращается другой интересующий нас эпиграфический памятник: надгробная элогия архитектора Бускетто, выполненная в первой половине XII века (расположена на фасаде Дуомо, слева от портала левого нефа), в которой идеологема «Urbs» обретает иную модальность функционирования.

¹ BVSKET(us)IACET[hi]cqvImOTIB(us)INGENIORV(m)
² DVLICHIO f[er]tvr PRE VALVISSE DVCI ³ MENIB(us)
ILIACIS CAVTVS DEDITILLE RVINA(m) ⁴ HVIVSA-
BARTE VIRI MENIA MIRA VIDES ⁵ CALLIDITATE SVA
NOCVITDVXINGENIOS(us) ⁶ VTILIS IST^e FVIT CAL-
LIDITATE SVA ⁷ NIGRA DOM(us) LaBerINTHVS ERAT
TVA DEDALE LAVS E(st) • ⁸ AT SVABVSKETV(m)
SpLENDIDATEMPLAPROBANT ⁹ N(on)HABET EXe(m)
pLV(m)NIV^eO DEMARMORE TE(m)PLV(m) ¹⁰ QVOD
F[it] BVSKETI PRORSVS ABINGENIO ¹¹ RES SIBI CO(m)
MISSAS TEMPLI CV(m)LEDERET HOSTIS ¹² PROVIDVS
ARTE SVI FORTIOR HOSTE FVIT ¹³ MOLIS ETIMMENSE
PELAGIQVASTRAXIT ABIMO ¹⁴ FAMA COLVMNARVM-
TOLLIT ADASTRA VIRVM ¹⁵ EXPLENDIS AFINE DECEM
DEMENSE DIEBVS ¹⁶ SEPTEMBRISGAVDENSDESERIT
EXILIVM – «Здесь лежит Бускетто, который вдох-
новением ума, как говорят, превзошел Улисса; тот,
хитроумный, стенам илионским нанес сокрушение,
искусство этого мужа создало дивные стены, кои ты
зришь, (путник); хитростью своей навредил вождь
остроумный, этот же стал полезен искусством сво-
им; то, что был Лабиринт мрачным жилищем, – твоя,
Дедал, слава, Бускетто же славит сияние его стен; не
имеет образчика из белоснежного мрамора храм,
что всецело дарованием Бускетто создается; хотя
враг вредил вверенным ему делам (строительства)
храма, искусством своим стал он, предвидящий,
сильнее врага; слава громады колонн, которые из-
влек он из самой глубины моря, возносит к звездам
мужа (сего); за десять дней до конца сентября с на-
слаждением покидает он место изгнания».

В тексте тосканский парагон не уподобляется лацийскому прототипу в рамках дихотомии modo-olim, не констатирует свое преемство по отношению к нему как к центру власти обозначением единства триумфа, как к городу – обозначением

единства образа действия с прародителями его основателей, но противопоставляется ему в со-
зидательности героя, основывающего наиболее
значимое для тосканского центра сооружение,
маркирующее его преобладание в Западном и
Юго-западном Средиземноморье на рубеже XI–
XII веков. Так, Рим парадигмой своего мифа об ос-
новании связан с предшествующим разрушением
(предвестником последующих ветхости и паде-
ния): город получил наименование по имени ос-
нователя – потомка того, кто сыграл решающую
роль в сокрушении стен илионских (Роман – сын
Улисса-Одиссея от Кирки; Ромул – правнук Улисса-
Одиссея по линии Латина и Телемаха, Латин – сын
Телемаха, внук Улисса-Одиссея) [Plutarchi, 1908;
Hygini, 1872]. Бускетто, герой никак не дистанциро-
ванный, но соположенный по отношению к Улис-
су, как говорят, превзошедший его вдохновением
ума [qvImOTIB(us)INGENIORV(m) ² DVLICHIO f[er]
tvr PRE VALVISSE DVCI], основывающий новое сред-
оточие городского пространства Пизы, не имеет
коннотации предшествующего разрушения, он не
вредит хитростью, но полезен искусством [⁵ CAL-
LIDITATE SVA NOCVITDVXINGENIOS(us) ⁶ VTILIS
IST^e FVIT CALLIDITATE SVA]. Бускетто славит сияние
возводимых им стен [⁸ AT SVABVSKETV(m)SpLEN-
DIDATEMPLAPROBANT], Дедал, создатель храма
Феба, при котором Сивилла Кумская дала Энею
пророчество о судьбе троянских беглецов в Ита-
лии (Aeneis, VI, 10 passim), послужившее прологом
к встрече Энея с Анхизом и к получению римского
пророчества (Aeneis, VI, 679–892), славен постро-
енным им мрачным Лабиринтом [⁷ NIGRA DOM(us)
LaBerINTHVS ERAT TVA DEDALE LAVS E(st) •].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные эпиграфические памятники позво-
ляют говорить о двух преломлениях интересую-
щей нас идеологеми: констатируя свое преемство
по отношению к Риму как к центру власти обо-
значением единства триумфа, как к городу – обо-
значением единства образа действия с прароди-
телями его основателей, Пиза противопоставляет
себя Риму в превосходстве собственного героя и
устроителя городского пространства. Превосход-
ство над лацийским прототипом, чей образ тем не
менее тосканский парагон стремится апроприиро-
вать и вербализировать описанием собственного
пунического пути, заключается в фигуре пизан-
ского городского героя, не имеющей коннотации
предшествующего разрушения, возвещающего
упадок и разрушение последующее, столь зна-
комое лацийскому прототипу, превратившее его

в конечном итоге лишь в умозрительную идею (ср. дихотомию города–анти-города, Рима минувшего и Рима сего, в «Римском стихе», датированном около 878 года) [Versus Romae, 1896].

Представляется возможным говорить о нахождении в надгробной элогии архитектора Бускетто двух аллюзивных полей: поля, связанного с энеевским инвариантом мифа об основании Рима, обретающим каноничность в эпоху раннего принципата и передаваемым ключевыми латино- и грекоязычными литературными памятниками со второй половины I века до нашей эры, и поля, связанного с одиссеевским инвариантом мифа об участии его потомков в царском правлении в тирренских землях и основании Рима, становящимся маргинальным на рубеже I века до нашей эры – I века нашей эры (Латин – сын Одиссея и Калипсо, согласно Псевдо-Аполлодору, внук Одиссея, сын Телемаха, согласно Псевдо-Гигину и Плутарху; Итал – внук Одиссея, сын Телегона, согласно Псевдо-Гигину; Роман – сын Одиссея и Кирки, согласно Плутарху; Ромул – правнук Одиссея, сын Латина, внук Телемаха, согласно Плутарху). Наличие аллюзии к одиссеевскому инварианту мифа позволяет очертить следующий круг замечаний относительно автора элогии: 1) его знакомство с упомянутым инвариантом могло осуществляться через «Fabulae» Псевдо-Гигина (Гигина); его можно обозначить как автора западного, латинского круга чтения, как

носителя одного из западнороманских лектов, с довольно широкой локализацией происхождения, при учете наличия в тексте элогии огласовки по западнороманскому вокальному типу, labyrinthus>LaBerinTHVS (если допустить, что авторский вариант элогии и эпитафическая фиксация идентичны); 2) его знакомство с упомянутым инвариантом могло осуществляться через круг грекоязычных источников; его можно обозначить как автора хорошо знакомого с античными грекоязычными литературными памятниками, в частности, с грекоязычной римской античной историографией (преимущественно, с Плутархом) или даже как принадлежащего к византийской культурной среде, с наиболее вероятной локализацией происхождения на Сицилии, в Калабрии или в Саленто, существенно менее вероятно – на Пелопоннесе (в данном случае наличие в тексте элогии огласовки по западнороманскому вокальному типу могло бы относиться к деятельности резчика-тосканца); 3) графические различия между указанием даты смерти Бускетто (₁₅ EXPLENDIS AFINE DECEM DEMENSE DIEBVS ₁₆ SEPTEMBRISGAVDENSDESERIT EXILIVM) и остальной элогией не прослеживаются, что подкрепляет малую вероятность прижизненного исполнения элогии, при сохранении возможности авторства Бускетто до 15-й строки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Claudii Rutilii Namatiani De reditu suo libri II / rec. et praef. L. Mueller. Lib. I. Lipsiae: B. G. Teubneri, 1870.
2. Cirino I. L'idea di Roma negli scrittori latini e particolarmente in Rutilio Namaziano. Napoli: L. Loffredo, 1934.
3. Vogt J. Ciceros Glaube an Rom. Stuttgart: Kohlhammer, 1935.
4. Purpura G. Sull'eternità dell'impero, dell'Augusto e di Roma. Note aggiuntive su un lungo percorso // Iuris Antiqui Historia: an international journal on ancient law, XI, 2019. P. 31–62.
5. Paschoud F. Roma Aeterna. Études sur le patriotisme romain dans l'Occident latin à l'époque des grandes invasions / Bibliotheca Helvetica Romana, VII. Neuchâtel: Institut suisse de Rome, 1967. – 390 p.
6. Roma antica nel Medioevo. Mito, rappresentazioni, sopravvivenze nella 'Respublica Christiana' dei secoli IX–XIII (Atti della quattordicesima Settimana internazionale di studio, Mendola, 24–28 agosto 1998). Milano: Vita e Pensiero, 2001.
7. Scalia G. «Romanitas» pisana tra XI e XII secolo // Studi medievali. 3a serie. Vol. XIII, № 2. Spoleto: CISAM, 1972. P. 791–843.
8. Mac Cracken J. The dedication inscription of the Palazzo del Podestà dating from the period of the first democracy (1250–1260) probably composed by Brunetto Latini // Rivista d'arte: studi documentari per la storia delle arti in Toscana, vol. XXX, 1955. P. 183–205.
9. Bolle K. Die Kommune Rom und ihre Inschriften. Ein Blick aus althistorischer Perspektive // Inschriftenkulturen im kommunalen Italien. Traditionen, Brüche, Neuanfänge / hrsg. von K. Bolle, M. von der Höh und N. Jaspert / Materiale Textkulturen. Schriftenreihe des Sonderforschungsbereichs, 933. Bd. 21 / hrsg. von L. Lieb. Berlin; Boston: De Gruyter, 2019. S. 225–266.

10. Panciera S. Epigrafia latina nel passaggio repubblica all'impero // XII Congressus internationalis epigraphiae graecae et latinae. Provinciae imperii romani inscriptionibus descriptae (Barcelona, 3–8 septembris 2002) / ed. M. Mayer i Olivé, G. Baratta, A. G. Almagro. Acta II. Barcelona: Book Print Digital, 2007. P. 1093–1106.
11. M. Tullii Ciceronis Cato Maior de senectute. Leipzig: B. G. Teubner, 1877.
12. Plutarchi Vitae parallelae / iterum recognovit C. Sintenis. Vol. I. Lipsiae: B. G. Teubneri, 1908. 2 voll.
13. Hygini Fabulae / ed. M. Schmidt. Jenae: Maukiana, 1872.
14. Versus Romae // Monumenta Germaniae Historica. Poetae latini aevi carolini. Vol. III. Berolini: Weidmannos, 1896.

REFERENCES

1. Claudii Rutilii Namatiani De reditu suo libri II / rec. et praef. L. Mueller. Lib. I. Lipsiae: B. G. Teubneri, 1870.
2. Cirino I. L'idea di Roma negli scrittori latini e particolarmente in Rutilio Namaziano. Napoli: L. Loffredo, 1934.
3. Vogt J. Ciceros Glaube an Rom. Stuttgart: Kohlhammer, 1935.
4. Purpura G. Sull'eternità dell'impero, dell'Augusto e di Roma. Note aggiuntive su un lungo percorso // Iuris Antiqui Historia: an international journal on ancient law, XI, 2019. P. 31–62.
5. Paschoud F. Roma Aeterna. Études sur le patriotisme romain dans l'Occident latin à l'époque des grandes invasions / Bibliotheca Helvetica Romana, VII. Neuchâtel: Institut suisse de Rome, 1967. – 390 p.
6. Roma antica nel Medioevo. Mito, rappresentazioni, sopravvivenze nella 'Respublica Christiana' dei secoli IX–XIII (Atti della quattordicesima Settimana internazionale di studio, Mendola, 24–28 agosto 1998). Milano: Vita e Pensiero, 2001.
7. Scalia G. «Romanitas» pisana tra XI e XII secolo // Studi medievali. 3a serie. Vol. XIII, № 2. Spoleto: CISAM, 1972. P. 791–843.
8. Mac Cracken J. The dedication inscription of the Palazzo del Podestà dating from the period of the first democracy (1250–1260) probably composed by Brunetto Latini // Rivista d'arte: studi documentari per la storia delle arti in Toscana, vol. XXX, 1955. P. 183–205.
9. Bolle K. Die Kommune Rom und ihre Inschriften. Ein Blick aus althistorischer Perspektive // Inschriftenkulturen im kommunalen Italien. Traditionen, Brüche, Neuanfänge / hrsg. von K. Bolle, M. von der Höh und N. Jaspert / Materiale Textkulturen. Schriftenreihe des Sonderforschungsbereichs, 933. Bd. 21 / hrsg. von L. Lieb. Berlin; Boston: De Gruyter, 2019. S. 225–266.
10. Panciera S. Epigrafia latina nel passaggio repubblica all'impero // XII Congressus internationalis epigraphiae graecae et latinae. Provinciae imperii romani inscriptionibus descriptae (Barcelona, 3–8 septembris 2002) / ed. M. Mayer i Olivé, G. Baratta, A. G. Almagro. Acta II. Barcelona: Book Print Digital, 2007. P. 1093–1106.
11. M. Tullii Ciceronis Cato Maior de senectute. Leipzig: B. G. Teubner, 1877.
12. Plutarchi Vitae parallelae / iterum recognovit C. Sintenis. Vol. I. Lipsiae: B. G. Teubneri, 1908. 2 voll.
13. Hygini Fabulae / ed. M. Schmidt. Jenae: Maukiana, 1872.
14. Versus Romae // Monumenta Germaniae Historica. Poetae latini aevi carolini. Vol. III. Berolini: Weidmannos, 1896.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вальков Дмитрий Вадимович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры второго иностранного языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valkov Dmitri Vadimovitch

PhD (History), Associate Professor of the Department of the Second Foreign Language,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.02.2022
одобрена после рецензирования 01.03.2022
принята к публикации 09.03.2022

The article was submitted 04.02.2022
approved after reviewing 01.03.2022
accepted for publication 09.03.2022

Научная статья
УДК 008
DOI 10.52070/2542-2197_2022_3_858_164

Коммуникативные постулаты Пола Грайса в контексте античной риторической культуры

Е. А. Осьминина

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
eleosminina@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения современной лингвистической прагматики и античной риторической культуры. С помощью сравнительно-сопоставительного метода исследуются статья Г. П. Грайса «Логика и речевое общение» и трактаты «Риторика» Аристотеля; «Оратор», «Об ораторе» Цицерона; анонимная «Риторика для Геренния»; «О соединении слов», Дионисия Галикарнасского; «О стиле» Деметрия; «Двенадцать книг риторических наставлений» Квинтилиана. Сходство и отличия коммуникативных постулатов Грайса и достоинств слога в античной риторике демонстрируют различия в современной и античной культуры и объясняются ими.

Ключевые слова: античная культура, риторика, лингвистическая прагматика, достоинства слога, коммуникативные постулаты, Пол Грайс

Для цитирования: Осьминина Е. А. Коммуникативные постулаты Пола Грайса в контексте античной риторической культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3(858). С. 164–169. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_164

Original article

Communicative Postulates of Paul Grice in the Context of Ancient Rhetorical Culture

Elena A. Osminina

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
eleosminina@mail.ru*

Abstract. The article deals with the problem of the correlation of modern linguistic pragmatics and ancient rhetorical culture. Using the comparative method, the article by G.P. Grice «Logic and speech communication» and the treatises of Aristotle «Rhetoric», Cicero «Orator», «About the Orator», anonymous «Rhetoric for Herennius», Dionysius of Halicarnassus «On the connection of words», Demetrius «On style», Quintilian «Twelve books of rhetorical instructions» are investigated. The similarities and differences of Grice's communicative postulates and the dignity of the syllable in ancient rhetoric signal the differences in modern and ancient culture and are explained by them.

Keywords: ancient culture, rhetoric, linguistic pragmatics, syllable virtues, communicative postulates, Paul Grice

For citation: Osminina, E. A. (2022). Communicative postulates of Paul Grice in the context of ancient rhetorical culture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(858), 164–169. 10.52070/2542-2197_2022_3_858_164

ВВЕДЕНИЕ

Риторика – искусство публичной речи и наука об этом искусстве – родилась в V веке до н. э. на Сицилии (по другому предположению – во Фракии), активно развивалась в демократических Афинах IV века до н. э., а затем в республиканском и имперском Риме (I в. до н. э. – I в. н. э.). Риторика – неотъемлемая часть античной культуры и ее специфическое выражение. А. Ф. Лосев, непревзойденный отечественный исследователь античности, считал, что чувство меры, классическая ясность, музыкальность греков выразились именно в риторике. Однако в ней можно найти и истоки многих положений современной лингвистики и теории коммуникации. Коммуникативные постулаты П. Грайса обнаруживают сходство с достоинствами слова, выделяемые античными риториками. На это сходство указывали зарубежные исследователи, в частности Д. Франк, и отечественные: А. Н. Баранов, Л. Ю. Иванов, А. К. Михальская. Наиболее развернутое сопоставление постулатов и достоинств слога обнаруживается в статье Д. Франк; она даже перечисляет эти достоинства: «адекватность», «языковая правильность», «ясность», «украшательство» [Франк, 1986, с. 371]. В продолжение и конкретизацию ее вывода и предпринято настоящее исследование. Нас интересует не только сходство, но и отличия постулатов Грайса и достоинств слога (также называемых качествами речи). Представляется, что в них выразились и некоторые базовые отличия античной и современной культуры (их выделение и обуславливает актуальность настоящего исследования).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Мы сопоставили постулаты Пола Грайса (1913–1988), англо-американского логика и философа языка, сформулированные в статье «Логика и речевое общение» (1975) [Грайс, 1985] с достоинствами слога, выделяемыми в риторических трактатах Аристотеля «Риторика» [Аристотель, 1978]. Цицерона «Об ораторе» [Цицерон, 2019], «Оратор» [Цицерон, 2019], анонимная «Риторика для Герения» [Первая судебная риторика, 2021], Дионисия [Галикарнасского «О соединении слов» [Дионисий Галикарнасский, 1978], Деметрия «О стиле» [Деметрий, 1978], Квинтилиана «Двенадцать книг риторических наставлений» [Квинтилиан, 1834] и обнаружили ряд сходств и различий.

Сходство постулатов и достоинств слога

Третий постулат Грайса (постулат Отношения) гласит о необходимости *релевантности*; при этом внимание обращается на «предмет разговора». Античная *уместность* шире *релевантности* Грайса. Она предполагает соответствие не только предмету речи (теме), но и говорящему, и слушающему, и времени, и месту происходящего.

Согласно Дионисию Галикарнасскому, об *уместности* рассуждал еще Горгий Леонтинский (V–IV вв. до н. э.), первый теоретик и практик риторики, некоторые тексты которого сохранились. Платон (V–IV вв. до н. э.), устами Сократа, в диалоге «Федр» говорил о том, что оратор должен знать характеры своих слушателей, сообразуя с ними особенности и длительность речи, т. е. применять свое искусство «вовремя и кстати» [Платон, 2007, с. 218]. Аристотель (IV в. до н. э.) в «Поэтике» употребил слово *уместность*, а в «Риторике» – *соответственность*. В его формулировке можно найти два звена современной цепочки коммуникации: указание на адресанта (соответствие характеру говорящего) и самой речи (соответствие истинному положению вещей).

Марк Туллий Цицерон (II–I вв. до н. э.) считал *уместность* главным достоинством речи. В трактате «Об ораторе» о нем говорится в начале первой и второй беседы и в конце третьей, когда разговор непосредственно заходит о качествах речи. Здесь указывается на необходимость соответствия речи – самому оратору, предмету («делу»), слушателям и времени рассуждения. В трактате «Оратор», рассуждая о стилях, Цицерон снова вспомнил о роли публики, утверждая, что самое трудное и в речи, и в жизни в целом – «понять, что в каком случае уместно» [Цицерон, 2019, с. 324].

Дионисий Галикарнасский (I в. до н. э.) в трактате «О соединении слов», следуя Цицерону, также назвал *уместность* главным качеством речи, обратив внимание на соответствие содержанию и проиллюстрировав свои положения примерами из «Одиссеи» Гомера. В трактате «Об ораторах древности», вспомнив Лисия, он указывал на необходимость соответствия речи говорящему, слушающему и теме выступления. В трактате Деметрия Псевдо-Фалерского (I в. н. э.) «О стиле» можно найти отдельные высказывания по поводу предмета речи, аудитории и качеств оратора.

У Марка Фабия Квинтилиана (I в. н. э.) качеству *уместности* соответствует понятие *благоприличие*, которому посвящена первая глава одиннадцатой книги. *Благоприличие* у Квинтилиана связана

с чувством меры, как и *уместность* у Аристотеля. В той же риторической традиции качество рассматривается в трех аспектах: должно соблюдаться соответствие с предметом речи, с самим оратором и с аудиторией.

Таким образом, цепочка: оратор – речь – аудитория, – и необходимость соответствия каждому звену этой цепочки, наличествует уже у Аристотеля; кратко она сформулирована Цицероном, повторена Дионисием Галикарнасским и распространена Квинтилианом.

Четвертый постулат Грайса (Способа) гласит о необходимости *ясности*. Общий постулат расшифровывается через четыре частных: исключения непонятности, неоднозначности, многословия и необходимость упорядоченности.

Здесь Грайс четко следует Аристотелю (которым специально занимался, публиковался в трудах лондонского Аристотелевского общества т. п.). Для Аристотеля *ясность* является главным качеством речи, ей полностью посвящена вторая глава третьей книги «Риторике», причем античный философ последовательно объясняет, в чем она заключается. Для достижения *ясности*, согласно Аристотелю, необходим выбор общепотребительной, понятной всем лексики (чтобы не было ошибок в толковании смысла слова) и отсутствие многословия, т. е. *краткость*. В этом объяснении читаются первый и третий частные постулаты Грайса, в той же последовательности. Интересно, что *краткость* первоначально не входила в число базовых достоинств слога у античных ораторов, выделенных учеником Аристотеля, Теофрастом (IV–III вв. до н. э., труд не сохранился) и была добавлена позднее, Диогеном Вавилонским (II–I вв. до н. э.).

Такое же понимание *ясности* мы найдем у Цицерона, в «Риторике для Геренния», у Деметрия Псевдо-Фалерского и Квинтилиана. Деметрий останавливается и на двусмысленности, а *краткость*, по его мнению, не ведет к ясности. Квинтилиан, как всегда, дает «сумму риторики»; ясности посвящена целая глава в восьмой книге. Ее условие – употребление слова в прямом его смысле, исключение неправильного понимания смысла. Квинтилиан говорит об опасности двусмыслия (двусмысленности) и отсутствия меры в *краткости*: ее недостатке или избытке [Квинтилиан, 1834, ч. II, с. 45].

Грайс не расшифровывает последний частный постулат Категории Способа; «Be orderly» (будьте упорядочены). Нам представляется, что речь идет о *связности* и логичности текста. Этим качествам отвечает деление речи на части, которое предлагают и Аристотель, и анонимный автор «Риторике к Гереннию», и Цицерон, и Квинтилиан. У Аристотеля в

конце той же третьей книги это: предисловие, рассказ (повествование), доказательство и заключение. В «Риторике для Геренния»: предложение (тезис – *E. O.*), причины, доказательство, украшение, заключение. У Цицерона: вступление, изложение, вопрос, доводы, концовка. У Квинтилиана: приступ, повествование, отступление, предложение, доказательство, заключение. Это порядок хрии, которой учили в русских курсах риторике до середины XIX века.

Таким образом, третьему и четвертому постулату Грайса, как общим, так и частным, можно найти точное соответствие в античной риторике.

Отличие постулатов и достоинств слога

Для первых двух постулатов Грайса – Количества и Качества – соответствие с античной риторикой или не находится вообще, или обнаруживается лишь весьма приблизительное сходство в частностях.

Первый постулат Грайса (постулат Количества) формулируется через два частных постулата: о содержании информации, которой должно быть не меньше и не больше, чем требуется для диалога. В современных трудах по культуре речи это качество называется *содержательностью, информативностью*; причем оно считается интегративным, определяющим остальные качества [Иванов, Матвеева, Донгак, 2003].

Сходное понятие можно найти у Аристотеля не в «Риторике», а в «Поэтике». Античный философ указывает на необходимость «говорить существенное». Выражение Грайса «не больше» и «не меньше» соответствуют античному чувству меры, о значимости которого пишут и Аристотель, и Деметрий Псевдо-Фалерский, и Квинтилиан.

Второй постулат Грайса (постулат Качества) указывает на необходимость истинности, правдивости высказывания. С этим положением соотносится также не «Риторика», а «Аналитики» Аристотеля. В «Аналитиках» разбирается истинность силлогизмов (умозаключений) и условия этой истинности. У остальных теоретиков риторике на необходимость *правдоподобия* (но не правдивости!) указывается только при характеристике отдельных частей в речи (изложения фактов, повествования). Платон в «Федре» критиковал риторика именно за стремление не к правде, а к правдоподобию [Платон, 2007]. Поэтому Квинтилиан в своей первой книге писал о том что оратор не может не быть добрым человеком, а в последней – цитировал Марка Катона: что оратором должен быть «муж честный» [Квинтилиан, 1834, ч. II, с. 409].

Объяснение отличий постулатов и достоинств слога

Отсутствие аналогов первому и второму постулату принципиально важно. Оно указывает на различия: в выборе предмета анализа, в понимании сути коммуникации, в методологическом подходе, – у Грайса и у античных риториков.

Пол Грайс учился в Оксфорде [Grandy, Warner, 2017] и представлял Оксфордскую школу аналитической философии. У истоков аналитической философии стоял Готлоб Фреге, великий немецкий математик и логик. Для математики, информатики самое главное – наличие информации и ее истинность.

Как представитель Оксфордской школы, Пол Грайс анализировал обыденную речь (все примеры – из нее). Его коммуникативные постулаты являются условиями соблюдения Принципа Кооперации – действия во имя совместной цели диалога. Исходя из общей цели, во имя которой принимается диалог (речевое общение), участники обмениваются информацией. Действительно, все постулаты: Количества, Качества, Отношения и Способа, – являются характеристиками передаваемой информации, причем первые три касаются того, «что говорится», а четвертый, «как это говорится» [Грайс, 1985, с. 223]. Отсюда и приоритет постулатов Количества и Качества у Грайса и его понимание коммуникации.

В истоках риторики находится такое философское направление, как софистика. Софистами были первые учителя риторики: Коракс и Тисий, Горгий Леонтинский. Софисты не учили искать истину; они учили уметь ее доказывать. И ни о какой кооперации, ни о каком равенстве говорить здесь нельзя: речь идет о воздействии, в сущности, о власти и подчинении.

Хотя и Платон, и Аристотель критиковали софистов, риторика понималась всеми в Античности как «искусство убеждения», для Аристотеля – нахождения способов убеждения, когда реальная достоверность недостаточна. Речь как инструмент познания Аристотель рассматривал не в «Риторике», а в «Аналитике».

Различаются фокус и предмет рассуждения.

Грайса интересует расхождение значения (того, что говорится прямо) и смысла речи (того, что подразумевается). Он вводит понятие коммуникативной имплицатуры. Этот термин означает и процедуру вывода, и сам вывод, который делает один участник общения из слов другого, исходя из контекста речевой недоговоренности. Постулаты нужны для формального, логического описания конкретной коммуникативной имплицатуры, которая

образуются в результате нарушения определенного постулата. В таком случае могут появиться, по Грайсу, «своего рода фигуры речи». При нарушении первого постулата Качества – это *ирония*, *метафора*, *литота* (преуменьшение) и *гипербола* (преувеличение). При нарушении первого постулата Способа – это *антанакласис* (*диафора*, *плака*); возникает *омонимия*. К перечислению фигур у Грайса добавим: частным случаем имплицатуры также являются *апозиопезис*, *намек*, *эмфазис*, *схема*. Таким образом, постулаты Грайса и их соблюдение / несоблюдение – объяснения для появления фигур и описания механизма коммуникативных имплицатур как операции вывода. Рассуждение Грайса служит ответом на вопрос, поставленный в начале его статьи: можно ли с помощью формального языка описать естественный?

В риторике фигуры – приемы говорящего, для создания речи определенного качества, которое способствует убеждению. Аристотель в «Риторике» последовательно характеризует три способа убеждения, исходя из «характера говорящего», «настроения слушателя», «самой речи» [Аристотель, 1978, с. 19]. Первые описаны в двух начальных книгах трактата, последний – в третьей. И именно в третьей книге говорится о качествах речи, о стилистических приемах. Развернутое перечисление фигур можно найти в анонимной судебной «Риторике для Геренния», перечисление с классификацией – у Цицерона; Квинтилиан пишет о тропах и фигурах в восьмой и девятой книге своих ораторских наставлений, подробно, с примерами и объяснением классификации. Таким образом, фигуры в античной риторике служат способами создания речи определенного качества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, при внешнем сходстве некоторых коммуникативных постулатов Грайса и качеств речи (достоинств слога) античной риторики разница между ними принципиальна. Различается понимание сути коммуникации, превалирующая функция речи, а также цели изложения материала – в статьях и трактатах соответственно.

Эта разница указывает на глубокие отличия современной культуры от античной. Настоящее время – эпоха информационного общества; информация является непосредственной ценностью; сама коммуникация рассматривается как обмен информацией. Работы Грайса, в которых, в том числе, предпринята попытка формально описать естественный язык, оказали влияние на разработку теории искусственного интеллекта – реальности, с которой сталикивается наш современник.

Античная культура предполагает иные ценности: чувство меры, ведущее к гармонии, красота, музыка (ритм). В то же время риторика более откровенна, она называет вещи своими именами.

Целью говорящих может быть не кооперация (сотрудничество) и равенство, а власть (управление) и подчинение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Франк Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс. 1986. С.363–373.
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. Под общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс. 1985. С.217–237.
3. Аристотель. Риторика // Античные риторика / Под ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Изд-во Моск. Ун-та. 1978. С. 15–166.
4. Цицерон. Об ораторе / Цицерон. Об ораторском искусстве: трактаты. СПб.: Азбука, Ахбука-Аттикус, 2019. С.7–298.
5. Цицерон. Оратор / Цицерон. Об ораторском искусстве: трактаты. СПб.: Азбука, Ахбука-Аттикус, 2019. С. 299–389.
6. Первая судебная риторика. «Риторика для Геренния». СПб.: Алетейя, 2021.
7. Дионисий Галикарнасский. О соединении слов // Античные риторика / под ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Изд-во Моск. Ун-та. 1978. С. 167–221.
8. Деметрий. О стиле // Античные риторика / под ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 237–286.
9. Квинтилиан М. Ф. Двенадцать книг риторических наставлений: в 2 ч. СПб.: Типография Императорской Российской академии, 1834.
10. Платон. Федр // Платон. Собрание сочинений: в 3 т. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та: «Изд-во Олега Абышко». 2007. Т. 2. С. 161–228.
11. Иванов Л. Ю., Матвеева Т. В., Донгак С. Б. Коммуникативные качества речи // Культура русской речи / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта; Наука. 2003. С. 257–259.
12. Grandy R., Warner R. Paul Grice / Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2017. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/grice>

REFERENCES

1. Frank, D. (1986). Seven sins of pragmatics: theses about speech act theory, conversational analysis, linguistics and rhetoric. New in foreign linguistics. Vol. 17. Theory of speech acts (pp. 363–373). Moscow: Progress. (In Russ.)
2. Grice, G. P. (1985). Logic and speech communication / New in foreign linguistics. Vol. 16. Linguistic pragmatics. Under the general editorship of E. V. Paducheva (pp. 217–237). Moscow: Progress. (In Russ.)
3. Aristotle. (1978). Rhetoric. In A. A. Tahoe-Godi (ed.), Ancient rhetoric (pp. 15–166). Moscow: Publishing House of Moscow University. (In Russ.)
4. Cicero. (2019). About the orator / Cicero. About oratory: treatises (pp.7–298). St. Petersburg: Azbuka, Ahbuka-Atticus. (In Russ.)
5. Cicero. (2019). Orator / Cicero. About oratory: treatises (pp. 299–389). St. Petersburg: Azbuka, Ahbuka-Atticus. (In Russ.)
6. The first judicial rhetoric. Rhetoric for Herennius. (2021). St. Petersburg: Alethea. (In Russ.)
7. Dionysius of Halicarnassus. (1978). About the connection of words. In A. A. Tahoe-Godi (ed.), Ancient rhetoric (pp. 167–221). Moscow: Moscow Publishing House University. (In Russ.)
8. Demetrios (1978). About the style. In A. A. Tahoe-Godi Ancient rhetoric (pp. 237–286). Moscow: Publishing House of Moscow University. (In Russ.)
9. Quintilia, M. F. (1834). Twelve books of rhetorical instructions: In 2 parts. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Russian Academy. (In Russ.)
10. Plato (2007). Phaedrus // Plato. Collected works: In 3 vols. Vol. 2. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg. Un-ta: «Publishing house of Oleg Abyshko». (pp. 161–228). (In Russ.)
11. Ivanov, L. Yu., Matveeva, T.V., Dongak, S. B. (2003). Communicative qualities of speech. In L. Yu. Ivanov et al. (eds.), Culture of Russian speech (pp. 257–259). Moscow: Flint; Science. (In Russ.)
12. Grandy, R., Warner, R. (2017). Paul Grice. Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/grice>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Осьминина Елена Анатольевна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры мировой культуры
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Osmarina Elena Anatol'evna

PhD (Philology), Professor of the Department of the World Culture,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.02.2022
одобрена после рецензирования 01.03.2022
принята к публикации 09.03.2022

The article was submitted 04.02.2022
approved after reviewing 01.03.2022
accepted for publication 09.03.2022

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 3 (858)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 3 (858)**

Ответственные за выпуск

Е. А. Попова
кандидат филологических наук, доцент

Д. А. Демина
кандидат педагогических наук, доцент

Е. А. Попова
кандидат филологических наук

Editors

Ekaterina A. Popova
PhD in Philology, Associate Professor

Dar'ya A. Demina
PhD in Pedagogy, Associate Professor

Evgeniya A. Popova
PhD in Philology

Редактор М. М. Сингал
Верстка: Ю. Л. Герасимова
Разработка макета: А. Алымов

Editor M. M. Singal
Layout: Yu. L. Guerassimova
Layout design: A. Alymov

Подписано в печать 31.08.2022
Усл. печ. л. 23,1. Формат 60x90/8
Заказ № 39/22

Signed for print: 31.08.2022
Conventional printed sheets: 23,1. Layout format 60x90/8
Order 39/22

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:

Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022

© FSBEI HE MSLU, 2022

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, Эл № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
- 5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
- 5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».